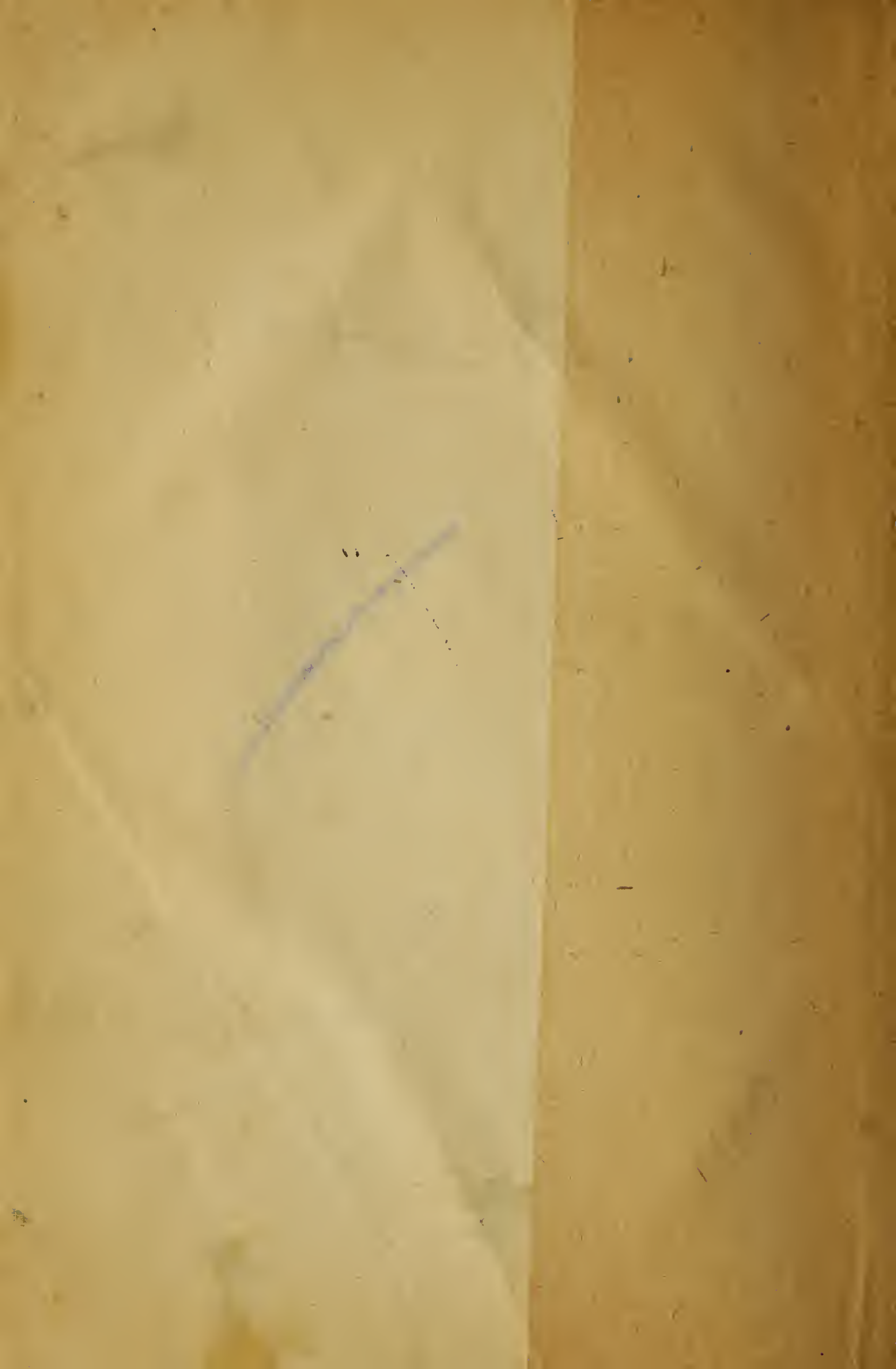

PG
3470
.V76S5

СКАЗКИ и БЫЛЬ

МАРКА ВОВЧКА

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Литейная, № 38-й)
1874

СОВЕРШЕННАЯ КУРИЦА.

I.

Жила была курица, Авдотья Өедотовна, красавица, умная, на все искусница и мастерица, храбрая, добрая, обходительная, ловкая, великодушная, обольстительная, обворожительная, восхитительная, всепривлекающая, все, побѣждающая; по крайней мѣрѣ, Авдотья Өедотовна такъ думала и нисколько своихъ мыслей на этотъ счетъ не скрывала.

И жила была лиса, Модеста Петровна, учтивая, предупредительная, чувствительная, самоотверженная; глаза у нея были этакіе ласковые, а улыбка трогательная, нѣсколько меланхолическая, какъ у добродѣтели, которая знаетъ, что не всегда и не всѣ могутъ оцѣнить ее по достоинству, обхожденье самое тонкое, милое и привѣтливое; простая, добродушная, какъ бабушка съ родными внуками, чистосердечная и откровенная, какъ дитя природы, она могла служить олицетвореніемъ благородства. образцомъ безкорыстія; по крайней мѣрѣ, всѣ такъ думали, и если Моде́ста Петровна это отрицала, то единственно изъ скромности.

И жилъ былъ песъ, Фингалъ, еще не старый годами, но угрюмый, серьезный, ворчунъ, который часто лаялъ, хотя почти никогда не кусался.

Фингалъ служилъ прежде у хозяина, который гладилъ его, когда бывалъ доволенъ и веселъ, и билъ, когда ему бывало скучно или на кого досадно, и который, въ одно прекрасное утро, неловкимъ выстрѣломъ изъ ружья, раздробилъ ему переднюю лапу. Рана, благодаренье небу, зажила, но Фингалъ остался хромъ на всю жизнь, на охоту, значитъ, уже не годился, былъ отправленъ на всѣ четыре стороны, и съ тѣхъ поръ жилъ, какъ Богъ далъ, безъ крова и пріюта.

— Этотъ песъ пренесносный! говорили всѣ и повсюду.— Хорошо еще, что хромота мѣшаетъ ему рыскать по свѣту; будь онъ порѣзвѣе, такъ отъ него-бы житья никому не было! Это вѣрно!

Свѣтъ, какъ видите, былъ противъ Фингала.

Но свѣтъ не всегда безошибоченъ въ своихъ заключеніяхъ. Фингалъ это зналъ, и по этому поводу нерѣдко погружался въ самыя горестныя размышленія и лаялъ...

Впрочемъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ лай его становился тише и все больше и больше переходилъ въ скромное, жалобное ворчанье, которое можно было принять за вздохъ измученной, неспокойной, но уже смирившейся твари.

Песъ Фингалъ души не чаялъ въ курицѣ Авдотьѣ Ѳедотовнѣ...

Но тутъ необходимо сдѣлать отступленіе и, для уясненія отношеній, обозрѣть кое-что изъ прошлаго.

II.

И такъ песъ Фингалъ души не чаялъ въ курицѣ Авдотьѣ Ѳедотовнѣ. Онъ привязался къ ней еще въ дѣтствѣ, когда безпечнымъ щенкомъ Барбоской весело рыскалъ по двору своихъ первыхъ наставниковъ и тирановъ, супруговъ Тришкиныхъ, и игралъ съ собственнымъ своимъ хвостомъ.

Въ тѣ дни Авдотья Ѳедотовна была маленькимъ, поджарымъ, обдерганнымъ цыпленкомъ, уцѣлѣвшимъ, благодаря своей худобѣ, отъ цѣлаго выводка, который, вмѣстѣ съ родителями, пошелъ на угощенье, когда отецъ Амвросій, нашъ попъ, праздновалъ женины имянины.

У Фингала даже въ пору вѣтренаго отрочества сердце отличалось впечатлительностью и нѣжностью. Онъ принялъ горячее участіе въ щедушной, трусливой сироткѣ, ревностно защищалъ ее отъ сосѣдской старой косоглазой утки, неистово метался и лаялъ на каждаго показывавшагося ястреба и усердно старался, насколько возможно, скрасить ей жизнь. Стоило пискнуть названной сестрицѣ гдѣнибудь подъ заборомъ, Фингалъ стремглавъ кидался и вихремъ летѣлъ на ея пискъ.

Сиротка, казалось, глубоко цѣнила эту дружбу, вполнѣ вѣрила ей, но, по свойственной такому нѣжному созданію мнительности, часто кудахтала:

— Ахъ, Барбоска! что будетъ со мной, если ты меня покинешь? Обѣщай, что ты никогда, никогда не покинешь меня! Что ты всегда будешь мнѣ другъ, всегда будешь меня защищать!

*

— Тебя покинуть? Я? Дать тебя въ обиду? восклицалъ пламенный другъ. — Пусть-ка тебя кто тронетъ!

И при одной этой мысли онъ заливался неистовымъ лаемъ, что̀, къ слову говоря, рѣдко проходило ему даромъ, потому что хозяйка, боявшаяся, со времени одной пропажи, воровъ и пріучавшая Барбоску стеречь дворъ науськиваньемъ на всѣхъ входящихъ въ ворота, ловила его и жестоко трепала за фальшивую тревогу.

— Такъ ты меня не бросишь, Барбосочка?

— Никогда!

— Мы, вѣдь, оба сиротки!

— Да... да...

— У меня никого нѣтъ и у тебя никого нѣтъ...

— Да... да...

Сердце Барбоски окончательно подтаивало, слезы выступали на его добрыхъ, темныхъ глазахъ и мохнатыя уши слегка вздрагивали.

Путь его жизни не сплошь былъ усѣянъ розами и хотя свойственное его возрасту легкомысліе скрадывало многія его темныя стороны, тѣмъ не менѣе, кое-какія печали были ему знакомы и кое-какія страданія давали себя знать.

— Да̀, говорилъ онъ, и его вѣрное, преданное сердце и замирало, и расширялось: — да̀, мы оба сироты, мы оба одиноки!.. Мы не знали родительскихъ ласкъ! мы не рѣзвились съ братьями и сестрами! Я только смутно припоминаю, что была кругомъ чудесная весна, на которую мы любовались изъ тѣсной, темной, грязной конуры, гдѣ лежали съ матерью и гдѣ мать часто тихонько выла надъ нами... Я даже не могу себѣ ясно представить мать... Знаю только, что у нея были большія, мягкія лапы, тяжелый мѣдный ошейникъ на шеѣ, длинныя шелковистыя

уши и задушевный голосъ... Знаю, что она любила насъ!

Вдругъ однимъ вечеромъ какія-то руки грубо оторвали меня отъ нея и унесли... Помню ея жалобный, отчаянный вой, тоненькій, пронзительный лай испуганныхъ братьевъ и сестеръ... И вотъ я здѣсь...

Голосъ у него прерывался отъ волненія и онъ, желая скрыть это, начиналъ притворно кашлять и спѣшилъ справиться съ пробудившеюся грустью, чтобы не опечалить своей дорогой названной сестрицы.

— Но были-бы мы съ тобой вмѣстѣ, цыпочка, такъ все будетъ хорошо! добавлялъ онъ, овладѣвъ своими чувствами.

— Ахъ, будущее такъ темно! воскликнула однажды цыпочка.

— Полно, цыпочка, что̀ за мрачныя мысли! Погляди-ка, какъ солнышко свѣтитъ!

— А что̀, если меня въ кострюлю? воскликнула цыпочка.

— И я съ тобой въ кострюлю, рѣшительно отвѣтилъ Барбоска.

— Если меня на сковороду?

— И я съ тобою на сковороду.

— Ахъ, нѣтъ...

— Да я безъ тебя не хочу жить!

— Ахъ, я не хочу въ кострюлю, не хочу на сковороду! Ахъ, лучше...

— Что̀ лучше?

— Ты бы могъ... нѣтъ, нѣтъ, ничего...

— Что̀ я-бы могъ? Скажи!

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ...

— Скажи, цыпочка! Скажи яснѣе!

Наконецъ, цыпочка выразилась довольно ясно.

— Такъ ты со мной и на сковороду, и въ кострюлю? спросила она, прижавшись къ широкой лапѣ друга.

— Всюду!

— Такъ знаешь что̀?..

— Что̀?

— Ты лучше одинъ... Ты такой сильный, большой, у тебя вонъ какая густая шерсть, тебѣ не больно будетъ... Понимаешь?

— Не совсѣмъ, цыпочка!

— Если ты хоть въ самую большую кострюлю вскочишь, или вспрыгнешь на самую большую сковороду, такъ меня уже нѐгдѣ будетъ положить... Понимаешь, мнѣ уже не будетъ мѣста... А я тебя буду ждать. И когда ты всѣхъ ихъ укусишь и всѣ кострюли и сковороды опрокинешь, прибѣгай ко мнѣ и мы вмѣстѣ уйдемъ за море... За моремъ куры — первыя птицы и ихъ все кормятъ отборною пшеницей и подаютъ имъ готовыхъ червяковъ, на серебряномъ блюдѣ... Такъ хорошо, Барбосочка?

— Хорошо, отвѣчалъ Барбоска, улыбаясь, хотя сердце у него немножко сжалось.

— Такъ сдѣлаешь такъ, Барбосочка? Другъ мой милый! Братецъ дорогой! Сдѣлаешь?

— Сдѣлаю, сдѣлаю, цыпочка! рявкнулъ Барбоска:—съ радостью!

— Вѣдь, тебѣ не будетъ больно?

— Разумѣется, не будетъ!

— А то я буду плакать!

— Полно, цыпочка! Вѣдь, это пустяки, сущій вздоръ...

Барбоска, весьма вѣроятно, вскочилъ-бы въ кострюлю съ кипяткомъ или вспрыгнулъ на сковороду съ шипящимъ масломъ, потому что у него, какъ говорится, слово шло объ руку съ дѣломъ, но случилось проис-

шествіе, совершенно измѣнившее и его положеніе и положеніе цыпочки и отнявшее на этотъ разъ у пылкаго молодца случай доказать свою преданность названой сестрицѣ.

III.

Въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ, Барбоска и цыпочка увидали, что къ двору хозяевъ Тришкиныхъ подкатилась блестящая коляска, а изъ коляски вышелъ важный господинъ, — грудь у него была дугою, голова, казалось, и не умѣла держаться не откинувшись назадъ — и нарядная, какъ пестрый мотылекъ, дѣвочка.

Барбоска, находившійся вмѣстѣ съ цыпочкой и хозяевами въ огородѣ, бросился-было на прибывшихъ, но хозяйка успѣла схватить его за шиворотъ и дала внушительный пинокъ, прошептавъ: «цыцъ! цыцъ!». Затѣмъ, проворно вытирая на ходу руки и оправляя платокъ на головѣ, побѣжала вслѣдъ за хозяиномъ встрѣчать гостей.

Едва задалъ себѣ Барбоска вопросъ, чего это хозяева такъ переполошились, какъ услыхалъ свое имя.

Голосъ былъ хозяйскій, но кликалъ такъ ласково, такъ, можно сказать, игриво, что Барбоска усомнился, вѣрить ли ему своимъ ушамъ, и недоумѣнье приковало его на нѣсколько секундъ на мѣстѣ.

Но кличъ повторился какъ нельзя явственнѣе, и Барбоска повиновался.

Важный господинъ встрѣтилъ его озабоченными, проницательными взглядами. Еслибы Барбоска и не получилъ

уже отъ хозяйки пинка за поползновенье встрѣтить этихъ гостей, какъ всѣхъ прочихъ, лаемъ, то онъ теперь, по одному виду Тришкиныхъ, сообразилъ-бы сразу, что тутъ слѣдуетъ себя вести совершенно наоборотъ принятымъ и освященнымъ домашнимъ обычаямъ.

Сценой была маленькая площадка передъ избёнымъ крылечкомъ. На первомъ планѣ выступалъ важный господинъ; за лѣвую его руку, обтянутую свѣтлою лайкой, держалась нарядная дѣвочка, въ другой рукѣ онъ держалъ дымящуюся сигару. Хозяинъ и хозяйка Тришкины, эти высоченные, громадные, сильные люди, у которыхъ были такіе размашистые, грубые пріемы и такая тяжелая рука, какъ-то невѣроятно съёжились, невыразимо умалились...

Барбоскѣ — онъ это чуялъ — ничего больше не оставалось, какъ завилять хвостомъ.

Но онъ понялъ, что въ этомъ дѣлѣ хвостъ его долженъ уступить пальму первенства своимъ двуногимъ хозяевамъ.

— Нѣтъ, подумалъ онъ: — никогда мнѣ не дойти до того совершенства въ этомъ, до какого дошли они! Что мое самое усердное виляньe передъ тѣмъ, какъ они извиваются и изгибаются!

Важный господинъ свиснулъ. Барбоска, твердо запомнившій, что за повиновенье чужому свисту слѣдуетъ непосредственно внушительное ученье нагайкою, не двинулся съ мѣста, но снова вильнулъ хвостомъ.

— Барбосочка! Барбосочка! запѣлъ хозяинъ Тришкинъ, присѣдая на корточки около важнаго господина: — иди сюда!.. Сюда, сюда, Барбосочка... Ну, ну...

— Барбосочка! Барбосочка! запѣла хозяйка Тришкина, присѣдая на корточки съ другой стороны важнаго господина: — иди сюда! Сюда, сюда, Барбосочка... Ну, ну...

Барбоска подошелъ не безъ робости.

Важный господинъ благосклонно его погладилъ по головѣ и потрепалъ за уши.

— Породистый! промолвилъ онъ.

— Ужь такой породистый, ваше превосходительство, ужь такой породистый! воскликнулъ хозяинъ. — Барбосочка! погляди-ка... Тю-тю-тю-тю...

— Барбосочка! Барбосочка! тю-тю-тю-тю... воскликнула хозяйка.

Барбоска рѣшительно сконфузился: онъ отъ роду еще не видалъ такой ласковости.

— Напрасно ты далъ ему такую кличку, замѣтилъ превосходительство.

— Виноватъ, ваше превосходительство... по глупости...

— Фингалъ! сказалъ превосходительство, обращаясь привѣтливо къ Барбоскѣ: — сюда!

— Ну, ну, Барбосочка, сюда, сюда къ его превосходительству... Тю-тю, Барбосочка... зачастилъ хозяинъ.

— Тю-тю, Барбосочка, зачастила хозяйка: — сюда, къ его превосходительству, Барбос...

— Да не кличьте-же его Барбоской! безцеремонно крикнулъ превосходительство. — Фингалъ!

Хозяинъ и хозяйка Тришкины, которымъ приказаніе превосходительства, казалось, заклеило на глухо губы, оставаясь, попрежнему, на корточкахъ, робко вытянули руки и начали-было тихонько подталкивать Барбоску къ превосходительству.

— Дураки! крикнулъ превосходительство: — оставьте щенка въ покоѣ! Фингалъ, сюда! Фингалъ? Фингалъ? Сюда?

Вопросительный, съ примѣсью какой-то неясной, неопредѣленной угрозы кличъ смутилъ Барбоску. Онъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ незнакомца превосходительство, передъ которымъ даже его задорные хозяева изъ людей

превращались въ какой-то прахъ, съ тайнымъ опасеніемъ, что у него откуда-нибудь выглядываетъ нагайка, превосходящая всѣ до сихъ поръ имъ виданныя нагайки...

Ничего такого не было видно!

— Фингалъ? повторилъ рѣзче превосходительство.

Но Барбоска, все-таки, не повиновался, сѣлъ на заднія лапы и пристально уставилъ глаза на превосходительство.

Онъ взглядомъ спрашивалъ:

— Да кто-жь ты такой, превосходительство? Почему ты такъ здѣсь распоряжаешься?

Превосходительство неожиданно сдѣлалъ быстрое движенье впередъ, ухватилъ Барбоску за шиворотъ и потянулъ къ себѣ.

Барбоска подумалъ: «вотъ оно!» и зажмурился...

Но превосходительство его не обидѣло, а напротивъ, ласково погладило и потрепало, приговаривая:

— Фингалъ! Фингалъ!

Превосходительство даже присѣло на корточки, чтобы удобнѣе объясняться съ нимъ.

— Папа, я его тоже поглажу, сказала нарядная, какъ мотылекъ, дѣвочка.—Можно? Онъ не укуситъ?

— Не укуситъ, мой другъ, отвѣчалъ превосходительство: — погладь...

Нарядная дѣвочка протянула бѣленькую, какъ сметана, ручку и сначала погладила Барбоску по шеѣ, а потомъ стала его легонько щекотать.

При этомъ нарядная дѣвочка такъ весело ёжила свое бѣленькое, нѣжное личико, что Барбоска не могъ остаться равнодушнымъ — онъ никогда не былъ особеннымъ стоикомъ, а въ ту пору и подавно — Барбоска подпрыгнулъ на всѣхъ четырехъ лапахъ, затѣмъ повалился на землю, заболталъ лапами въ воздухѣ, завертѣлъ головой, разразился веселымъ лаемъ...

— Ахъ, какой миленькій! вскрикнула нарядная дѣвочка.

— Ты сама миленькая! лаялъ Барбоска, хватая ее лапами и зубами за пестрое платьице.

— Папа, я ему конфетку дамъ! вскрикнула нарядная дѣвочка.

— Дай, мой другъ, благосклонно отвѣтилъ превосходительство.

— Папа, мы вѣдь его съ собой возьмемъ? спросила нарядная дѣвочка, всовывая леденецъ Барбоскѣ въ пасть.

— Возьмемъ, мой другъ.

— Поѣдешь съ нами, собачка? поѣдешь? обратилась нарядная дѣвочка къ Барбоскѣ, щекоча пальчиками его шею.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! отлаялъ Барбоска, прыгая и облизываясь послѣ сладкаго леденца.

Но въ эту самую минуту изъ огорода донеслось жалобное, отчаянное кудахтанье:

— Коршунъ! коршунъ!

Барбоска такъ рванулся, что нарядная дѣвочка непремѣнно-бы покатилась на траву, еслибы превосходительство не успѣлъ ее поддержать, и стрѣлой понесся на кудахтанье цыпочки.

— Я здѣсь! я тутъ! я спѣшу! я бѣгу! лаялъ онъ, перескакивая черезъ плетни, гряды и кусты и не слушая криковъ гнавшихся за нимъ хозяевъ Тришкиныхъ, ни приказа превосходительства «назадъ!», ни манящаго голоска нарядной дѣвочки.

— Гдѣ ты? Гдѣ ты? лаялъ онъ, шаря по огороду.

— Вотъ я! вотъ... прокудахталъ умирающій голосъ цыпочки изъ самаго темнаго уголка огорода, гдѣ на свободѣ разросталась крапива, татарскія шапки, кожушки и всякій бурьянъ.

Взвизгивая отъ колючекъ и обжогъ, онъ стремительно тискался до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, очутился возлѣ цыпочки, которая лежала ничкомъ, распластавъ крылья, и истерически всхлипывала.

— Цыпочка! цыпочка! лаялъ Барбоска, суетясь и при каждомъ своемъ порывистомъ движеньи уязвляя себѣ то морду, то лапу, то бока.—Успокойся! Коршунъ улетѣлъ...

— Кто тамъ пріѣхалъ? слабо пискнула цыпочка.—Попъ пріѣхалъ? Ахъ, имянины!?.. Сковорода... Кострюля... Ахъ — ахъ...

— Да нѣтъ, цыпочка, нѣтъ! Это пріѣхалъ какой-то превосходительство... и съ нимъ нарядная дѣвочка, которая подчуетъ какими-то отличными, сладкими сосульками...

— Помни, ты обѣщалъ, что первый прыгнешь въ кострюлю! Ты обѣщалъ мнѣ, что...

Рогатина, мгновенно прорвавшаяся между скрывавшей ихъ чащи бурьяна и начавшая садить вправо и влѣво, заставила цыпочку совершить взлетъ аршинъ на пять отъ земли, между тѣмъ какъ Барбоска, сильно контуженный въ бокъ, съ визгомъ и лаемъ началъ метаться туда и сюда, стараясь поймать страшное орудіе.

— Здѣсь! здѣсь! раздался голосъ хозяина Тришкина, видимо обращавшагося къ кому-то, тоже занятому розыскиваньемъ Барбоски. — Здѣсь, злодѣй, сидитъ! Барбосочка, Барбосочка... Фингалъ, сюда! Вотъ на, на, пиль, пиль...

Послышался топотъ бѣгущаго тяжелаго двуногаго и его прерывистое дыханье.

— Здѣсь? раздался голосъ хозяйки Тришкиной.

И вторая рогатина начала еще проворнѣе первой работать въ бурьянѣ.

— Не покидай меня! не уходи отсюда! пищала трепещущая цыпочка.

— Не уйду! не уйду! рѣшительно лаялъ Барбоска.

— Барбосочка... Барб... Фингалъ... Фингалушка! манилъ хозяинъ.

— Барбосочка! тонко и звонко заводила хозяйка, тутъ-же облегчая свою душу тихимъ проклятіемъ въ родѣ: «разорвись ты по всѣмъ жилкамъ и суставчикамъ!» и снова заводила:

— Барбосочка... Барбосочка...

— Безголовая! шепталъ хозяинъ: — сказано, не кличь Барбоской! Фингалъ! Фингалъ!

— Чингалъ! Чингалъ!

— Не Чингалъ, простоволосая, а Фингалъ!

— А чтобы издохнуть всѣмъ этимъ Фингаламъ!

— Оставьте собаку! крикнулъ превосходительство: — она сама выйдетъ...

Но неизвѣстно, скоро-ли Барбоска, давшій слово оставаться при названной сестрицѣ, вышелъ-бы изъ бурьяна, еслибы послѣдній взмахъ рогатины не задѣлъ цыпочку, которая тутъ уже совершенно потеряла голову отъ страха и съ громкимъ кудахтаньемъ кинулась, куда глаза глядятъ.

Цыпочка, кудахтая, подлетывая, спотыкаясь, кувыркаясь, неслась, не разбирая дороги, то прямо, то зигзагами. Барбоска, перескочивъ черезъ рогатины, перепрыгнувъ черезъ хозяевъ Тришкиныхъ, стремился за ней слѣдомъ.

— Ахъ, птица! птица! раздался звонкій голосокъ нарядной дѣвочки. — Онъ бѣжитъ за птицей! Ахъ, поймаемъ ее! поймаемъ! поймаемъ! Скорѣй, скорѣй, собачка! пиль! пиль! Ахъ!

Цыпочка, окончательно обезумѣвшая отъ ужаса, окончательно утратившая силы, вдругъ остановилась, хрипло кудахткнула, хотѣла снова понестись, но только перекувыркнулась и попала какъ разъ подъ самыя ножки нарядной дѣвочки.

Подлетѣлъ Барбоска, подошелъ превосходительство, подбѣжали хозяева.

— Это цыпленокъ! сказалъ превосходительство.

— Точно такъ, ваше превосходительство; это наша курочка, отвѣтилъ хозяинъ.

— Испугала, проклятая, барышню! сказала хозяйка. — Я ей вотъ сейчасъ за это голову сверну!

И хозяйка уже протянула свои большія красныя руки и растопырила пальцы надъ цыпочкой, лежавшей почти безъ чувствъ въ травѣ.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, не надо! вскрикнула нарядная дѣвочка. — Я ее возьму себѣ... Папа, купи мнѣ эту курочку!

— Э, мой другъ, на что̀ тебѣ такая глупая замарашка! возразилъ превосходительство. — Я лучше куплю тебѣ цесарочку.

— Нѣтъ, я хочу эту курочку, папа!

— Да, помилуй, Эли...

— Хочу, хочу эту курочку! Купи мнѣ ее! Не хочу цесарки! Хочу эту курочку!

— Ну, полно, не огорчайся...

— Купишь?

— Куплю.

— Я покупаю у тебя этого цыпленка, слышишь? обратился превосходительство къ хозяйкѣ.

— Батюшка... Ваше превосходительство, я съ моею радостью...

— Сколько тебѣ?

— Что̀ милость ваша... Покорно благодарю, ваше превосходительство...

И хозяйка поймала и чмокнула руку, протянувшую ей серебряную монету.

— Такъ ты принесешь этого цыпленка барышнѣ...

— Нѣтъ, папа, нѣтъ! перебила нарядная дѣвочка: — я возьму его съ собою сегодня, сейчасъ... Папа, милый, съ собою!..

— Ну, хорошо, хорошо... Только какъ-же ты его повезешь? Вѣдь, онъ будетъ биться, онъ тебя перепачкаетъ, исцарапаетъ когтями...

— Я ему крылья и лапки такъ скручу, что не шевельнется! сказала хозяйка. — Позвольте, барышня...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я сама возьму...

И нарядная дѣвочка бережно приподняла съ земли цыпочку, нѣжно гладя ее пальчиками, приговаривая: «цыпонька миленькая! цыпочка славненькая!», тихонько обернула тоненькимъ, бѣленькимъ, прозрачнымъ платочкомъ и взяла на руки.

Существо, одаренное нѣжнымъ сердцемъ, можетъ себѣ представить, каково было Барбоскѣ, пока длились эти переговоры о цыпочкѣ, какъ онъ трепеталъ, замиралъ, то кидался точно угорѣлый, то падалъ на землю и оставался недвижимъ...

— Мы готовы, папа! сказала нарядная дѣвочка, поправляя кружевца платочка, которымъ она обернула головку цыпочки. — Поѣдемъ скорѣе!

— Погоди, надо еще Фингала взять, Эли, отвѣчалъ превосходительство. — Фингалъ!

Тихій визгъ вырвался изъ груди Барбоски и онъ, въ порывѣ благодарныхъ чувствъ, бросился на грудь превосходительства.

— Tout beau! крикнулъ превосходительство и, для лучшаго поясненія незнакомаго слова, далъ щелчокъ...

Но Барбоска до того былъ обрадованъ, что вовсе этимъ не обидѣлся — онъ и въ отрочествѣ, и послѣ, въ дни юности, и въ пору зрѣлости упускалъ изъ виду получаемые щелчки, если съ этимъ соединялось какое-нибудь удоб-

ство для тѣхъ, кого онъ любилъ, или для того, кому былъ преданъ — и рѣзво, съ веселымъ лаемъ устремился къ коляскѣ вслѣдъ за превосходительствомъ и нарядною дѣвочкой, уносившей цыпочку.

IV.

Какимъ удалымъ прыжкомъ вскочилъ онъ въ коляску! Кàкъ охотно помѣстился на указанное ему мѣсто, у ногъ превосходительства и нарядной дѣвочки! Съ какимъ весельемъ устремилъ онъ глаза на цыпочку! Кàкъ милы и свѣтлы ему показались ея круглые, расширившіеся отъ испуга глазки, блестѣвшіе изъ подъ бѣлой кружевной оборочки! Кàкъ мила вся ея фигурка, укутанная въ тоненькій батистъ, изъ подъ котораго выглядывалъ только темно-желтый съ черными крапинками зобикъ! Кàкъ милъ ея полуоткрытый отъ смятенья клювикъ!

Въ ликованьи сердца, онъ поднялъ переднюю лапу и слегка потормошилъ батистовые покровы.

— Ай-ай! онъ трогаетъ цыпоньку! вскрикнула нарядная дѣвочка.

— Tout beau, Фингалъ! крикнулъ превосходительство.

Барбоска завилялъ хвостомъ, желая дать понять нарядной дѣвочкѣ, что онъ вовсе не чужой цыпочкѣ, что это была ласка, что отъ избытка сердца поднялась его лапа...

— Ты смотри у меня! сказала нарядная дѣвочка, грозя ему пальчикомъ. — Мою цыпочку не смѣть обижать! слышишь? А то я тебѣ вотъ такъ!

И пальчики довольно чувствительно дернули Барбоску за уши.

Но онъ ничуть за это не разсердился. Напротивъ, онъ готовъ былъ облапить и лизнуть въ губки существо, которое такъ умѣло цѣнить цыпочку и такъ берегло ее!

— Цыпочка, хорошо тебѣ? спросилъ онъ.

— Молчи, молчи! прокудахтала цыпочка: — не разсерди ихъ!..

Между тѣмъ, превосходительство раскурилъ сигару, придерживая ее губами, досталъ изъ боковаго кармана кошелекъ, вынулъ оттуда трехрублевую бумажку, подалъ ее хозяину Тришкину и приказалъ кучеру:

— Пошелъ!

Коляска покатилась и облако пыли скрыло хозяина и хозяйку Тришкиныхъ съ ихъ низкими поклонами.

Тутъ сердце у Барбоски ёкнуло...

Куда везли его? Увидитъ ли онъ еще хозяевъ Тришкиныхъ?

Хозяева Тришкины, правда, угощали его больше нагайкой, чѣмъ другимъ какимъ лакомствомъ, но, можетъ быть, это въ порядкѣ вещей, а все-таки, они кормили его, ходили за нимъ, когда онъ хворалъ!..

Но онъ взглянулъ на цыпочку, которая уже ободрилась и клевала изъ рукъ нарядной дѣвочки какое-то, судя по виду, чрезвычайно вкусное печенье, подумалъ: «для цыпочки это лучше!» и постарался подавить свои сожалѣнья.

— Вѣдь, я могу, въ случаѣ чего, сто разъ прибѣжать сюда и полюбоваться на родныя мѣста! рѣшилъ онъ съ свойственною юности самонадѣянностью.

Отлично было катить въ коляскѣ по ровной дорогѣ между зеленѣющихъ полей!

Превосходительство сидѣлъ величественно развалившись, но смирно, курилъ сигару и глядѣлъ безцѣльно впередъ;

нарядная дѣвочка все подчивала цыпочку печеньемъ, цыпочка все ободрялась и все усерднѣе клевала...

Съ полевой дороги они свернули въ лѣсъ. Это былъ первый большой лѣсъ, который Барбоска видѣлъ. Зеленая масса, прохваченная солнцемъ, привела его въ такое восхищенье, что у него изъ груди вырвался восторженный лай.

— Tout beau! сказалъ превосходительство. — Couche!

И придавилъ голову Барбоски ладонью, отъ которой такъ пахло чѣмъ-то въ родѣ жасмина, что Барбоска чихнулъ.

— Ахъ, какой ты! прокудахтала цыпочка: — совсѣмъ не умѣешь себя держать!

Милое созданьице совершенно оправилось, зобикъ значительно отдулся, въ глазкахъ уже не было тревоги — они поблескивали теперь изъ-подъ кружевной оборочки даже нѣсколько задорно.

— Ахъ, цыпочка! взвизгнулъ Барбоска: — такъ хорошо кругомъ!

— Надо прилично держать себя! внушительно и даже съ досадой прокудахтала цыпочка. — Перестань лаять, это неприлично!

И она стиснула клювъ, закатила глаза, покачнулась на бокъ и развалилась совершенно какъ превосходительство.

Кроткій, преданный Барбоска немножко огорчился, но выразилъ это только тѣмъ, что, присмирѣвъ, улегся на мѣстѣ.

Проѣхавъ лѣсъ, они спустились подъ гору и колеса застучали по мосту, подъ которымъ шумѣла широкая, глубокая, голубая рѣка, затѣмъ снова поднялись на крутой берегъ, понеслись по какой-то аллеѣ и, наконецъ, подка-

тили къ крыльцу огромнаго каменнаго дома, окруженнаго цвѣтниками.

На крыльцо выскочили какіе-то люди въ курткахъ съ пуговицами, которые подхватили превосходительство и нарядную дѣвочку съ такою поспѣшностью, словно они были безъ ногъ и могли тотчасъ же упасть и разбиться.

Всѣ вошли въ огромный покой, изъ котораго были отворены двери вправо и влѣво — въ цѣлые ряды другихъ комнатъ, гдѣ блестѣли какія-то невиданныя вещи.

— Фингалъ! внушительно крикнулъ превосходительство, останавливаясь и указывая направо.

Барбоска хотѣлъ-было слукавить, притворился, что не понимаетъ и кинулся слѣдомъ за нарядною дѣвочкой, которая въ припрыжку побѣжала съ цыпочной на рукахъ въ комнаты налѣво; превосходительство крикнулъ: «сюда собаку!» и люди въ курткахъ бросились на него, схватили его, привлекли за превосходительствомъ въ какой-то пестрый покой, положили въ углу, на мягкомъ коврѣ, удалились и заперли двери.

Барбоска понялъ, что сопротивляться безполезно, и не сопротивлялся, но имъ овладѣла жгучая тревога о цыпочкѣ.

Гдѣ цыпочка? Чтò съ нею? Неужто ихъ разлучатъ? Куда это ихъ завезли? Чтò будутъ тутъ съ ними дѣлать?

Барбоска былъ очень юнъ, совершенно неопытенъ, крайне чувствителенъ и ничего не смыслилъ въ приличіи; поэтому, тревога его свободно выражалась безпрестаннымъ визгомъ. Этотъ визгъ, очевидно, былъ очень досаденъ превосходительству, и превосходительство пробовало унимать его какимъ-то желтымъ, чрезвычайно тонкимъ, гибкимъ хлыстикомъ, который, не взирая на свой хрупкій видъ, пребольно хлесталъ.

*

— Tout beau! tout beau! строго вскрикивалъ превосходительство, посвистывая хлыстикомъ въ воздухѣ.

— Или убей, или пусти къ цыпочкѣ! визжалъ Барбоска.

Наконецъ, превосходительство бросилъ книгу, которую нѣсколько разъ принимался-было читать, и ушелъ.

Но, уходя, онъ заперъ Барбоску! Тщетно Барбоска, не стѣсняемый не имѣющимъ безъ руки превосходительства значенія хлыстикомъ, шарилъ по всѣмъ угламъ, теребилъ портьеры, царапалъ коверъ — выходу не было!

V.

Въ радости и весельи время летитъ быстрокрылою птицею, а въ горѣ и печали ползетъ хуже больной улитки, а если къ печали примѣшается еще тревога, такъ всякая минута кажется за цѣлый вѣкъ.

Барбоску одолѣвала и печаль, и тревога, а потому не мудрено, что время показалось ему мучительно долгимъ. Если-же къ этому припомнить, что Барбоска былъ нрава чрезвычайно пылкаго, то будетъ понятно и то, что онъ въ какія-нибудь три четверти часа успѣлъ изгрызть ножку большого кресла, свалить съ кресельной ручки книгу, которую читалъ превосходительство, истерзать ея листы и процарапать въ двухъ мѣстахъ коверъ, устилавшій полъ.

Наконецъ, дверь отворилась и вошелъ превосходительство съ чѣмъ-то блестящимъ въ рукѣ. Глаза его тотчасъ-же упали на истерзанную книгу и вспыхнули гнѣвомъ.

— Это кто сдѣлалъ? вскрикнулъ онъ, схватывая хлыстикъ и подходя къ Барбоскѣ: — кто? кто? а? а?

Но Барбоска пришелъ въ такой азартъ, что ему все было ни по чемъ: онъ подпрыгивалъ, хватался за карающее орудіе зубами и отчаянно лаялъ:

— Зачѣмъ вы меня заперли? Зачѣмъ? зачѣмъ? зачѣмъ? Пустите меня! пустите! пустите! пустите!

Сильное возбужденіе, а кромѣ того, непривычное пребываніе въ душной комнатѣ на мягкомъ коврѣ, такъ подѣйствовали, что съ Барбоской чуть не сдѣлался обморокъ. Когда превосходительство, послѣ внушительнаго урока касательно обращенія съ книгами, подтащилъ его къ себѣ за шиворотъ, онъ уже не въ состояніи былъ сопротивляться и пасивно позволилъ надѣть себѣ на шею блестящій мѣдный ошейникъ.

Онъ не помнилъ, какъ превосходительство вытащилъ его въ садъ, но свѣжій воздухъ скоро подѣйствовалъ на него благотворно.

Когда онъ пришелъ въ себя и окинулъ взглядомъ гладкія, усыпанныя пескомъ, дорожки, первая его мысль была: куда лучше бѣжать отыскивать цыпочку?

Выждавъ минутку, когда превосходительство началъ раскуривать сигару (хлыстъ быстро развиваетъ лукавство!), онъ кинулся со всѣхъ ногъ и понесся то направо, то налѣво, то прямо, по куртинамъ, по аллеямъ, лужайкамъ, цвѣтникамъ, чащамъ, черезъ шпалеры, черезъ кусты, черезъ мостики...

Но въ которую сторону онъ ни бросался, всюду въ концѣ-концовъ возвышалась та же бѣлая каменная ограда, преграждающая всякое стремленіе за ея предѣлы!

Напрасно онъ громкимъ лаемъ извѣщалъ цыпочку о своемъ присутствіи, знакомое дорогое кудахтанье не отвѣчало на его страстный зовъ!

Новизна положенія, чрезмѣрная бѣготня, глубокое огорченье, жестокая тревога въ настоящемъ, тысяча мрачныхъ опасеній за будущее довели его до полнѣйшаго изнеможенія, и когда превосходительство безъ труда его снова загналъ въ ту же комнату, устланную мягкимъ ковромъ, онъ могъ только упасть пластомъ на коверъ и, высунувъ языкъ, тяжело дышать...

Превосходительство сидѣлъ въ креслѣ, курилъ сигару и читалъ книгу; въ комнатѣ понемногу темнѣло. Солнце заходило и его послѣдніе лучи проникали въ окно темнозолотистыми полосами; Барбоска видѣлъ передъ собою въ зеркалѣ часть малиновой шелковой портьеры, круглое, какъ обточенный шаръ, колѣно превосходительства, обтянутое свѣтлою матеріей, кончикъ гибкаго хлыстика и свой красный, какъ огонь, высунутый языкъ, но ему представлялась другая картина. Ему представлялось, какъ хорошо заходитъ солнце за зеленую горку надъ прудомъ, около избы хозяевъ Тришкиныхъ и, какъ часто случается при большихъ огорченіяхъ, сердечная боль и сокруха на время будто совсѣмъ унялись, волненье улеглось и мысли обратились на совершенно посторонніе предметы. Ему приходили на память извивы всѣхъ тропинокъ къ пруду, колыханье бѣлыхъ цвѣточныхъ чашечекъ на водѣ, плавающія у береговъ блѣдно-зеленыя пятна водянаго цвѣтеня, бѣлый камень на горкѣ, узкая, изрытая проселочная дорога, ведущая неизвѣстно куда отъ плотины черезъ рѣденькій березовый лѣсокъ, ветхая, покинутая, безъ крыши избушка въ этомъ лѣскѣ, молоденькіе березовые побѣги и колючія татарскія шапки, ростущія изъ ея окошекъ, вѣтреная мельница вдали, а за нею темный боръ, изъ-за котораго разливается пурпуровое пламя заката...

Изъ этого забытья его вывелъ тихій, но рѣзкій голосокъ:

— Ахъ! на что̀ похожъ твой кабинетъ, Жоржъ! Никакъ не могу понять, что̀ тебѣ за охота держать этихъ противныхъ собакъ у себя въ комнатѣ!

Барбоска оглянулся на двери.

На порогѣ стояла нарядная, востроносенькая, бѣленькая, дама, и ея голубые, какъ незабудки, глаза перебѣгали съ обгрызенной кресельной ножки на процарапанныя мѣста на коврѣ, на него, Барбоску, на превосходительство и обратно.

Если можно было сказать, что эти зоркіе глаза заняли у незабудокъ ихъ лазурный цвѣтъ, то уже никакъ нельзя было сказать, что они позаимствовали хотя сколько-нибудь мягкости у миленькихъ цвѣточковъ.

— Это я виноватъ, Дина... Этого уже не будетъ... проговорилъ превосходительство такъ мягко, словно у него другихъ нотъ и не водилось въ горлѣ. — Не хочешь-ли сѣсть...

И онъ выдвинулъ изъ угла кресло.

Барбоска протеръ себѣ глаза лапой.

Что сотворилось съ превосходительствомъ? Онъ уменьшился, потонѣлъ, опалъ... Что̀ это? Онъ тоже виляетъ?..

— Я вѣчно слышу: этого не будетъ! возразила Дина, садясь въ подставленное кресло. — Я удивляюсь, какое удовольствіе можетъ доставить присутствіе собаки въ комнатѣ! Или ты ее держишь за тѣмъ только, чтобы меня выживать?

— Помилуй, Дина!.. вскрикнулъ превосходительство. — Что̀ за фантазія!

— Вовсе не фантазія!

— Какъ тебѣ не стыдно! Дай мнѣ ручку...

Превосходительство приподнялъ свѣсившуюся съ кресла ручку и поцаловалъ ее такъ смиренно, какъ не лизнулъ-бы и смиренный Барбоска.

— Я удивляюсь, зачѣмъ эти ненужныя нѣжности, сказала Дина: — къ чему они, если ты не можешь исполнить самой простой моей просьбы?

— Ахъ, Диночка, я всегда готовъ все для тебя сдѣлать! Я...

— Я удивляюсь, какъ у тебя достаетъ мужества говорить такія вещи!

— Знаешь, Диночка, героиня очень похожа на тебя: такая-же улыбка, такіе-же глаза! точно съ тебя списано! сказалъ превосходительство, хлопая ладонью по книгѣ, которую читалъ передъ приходомъ Дины.

— Неужели? Поэтому-то ты, вѣрно, и далъ собакѣ такъ истерзать книгу!

— Ахъ, нѣтъ, Дина, это я самъ уронилъ...

— Самъ уронилъ? Вотъ какъ! Позволь-ка мнѣ ее! И это зубами прорвалъ первые листы тоже самъ? C'est bête enfin! Je m'en vais!

И она вскочила съ кресла и устремилась въ двѣри.

— Дина! Дина! вскрикнулъ превосходительство, вскакивая тоже, поспѣшая вслѣдъ за нею и забывая въ попыхахъ притворить дверь.

VI.

Не прошло и мгновенія, какъ Барбоска уже носился изъ угла въ уголъ по какой-то залѣ, затѣмъ, нашаривъ изъ нея выходъ, проникъ въ другую залу, поменьше, гдѣ, едва только онъ успѣлъ показаться, на него бросился съ пронзительнымъ лаемъ какой-то растрепанный шпицъ не

шпицъ, болонка не болонка, пинчеръ не пинчеръ, а затѣмъ кинулось какое-то поджарое существо и, съ крикомъ: «ахъ, собачка! миленькая собачка!», схватило его въ объятія и начало цаловать.

Оторопѣвшій Барбоска началъ биться, какъ рыба, попавшаяся на крючокъ, но видя, что это безполезно, обратилъ испуганные глаза на поймавшее его лицо.

Сначала ему показалось, что это его старая знакомая, старая мордашка Тобишка, которую онъ встрѣчалъ иногда у пруда, — тотъ-же носъ съ расщепомъ, тѣ-же губы, также недостаетъ зуба съ правой стороны, такія-же бурды, такія-же морщины, — но Тобишка не сжимала губъ сердечкомъ, не носила чепчика съ лиловыми лентами, не говорила на распѣвъ, не жеманилась, не подпрыгивала на ходу, не дѣлала сладкихъ глазъ, не прижимала всѣхъ къ сердцу; у Тобишки не было ничего кошачьяго въ манерахъ, глаза у нея черные, а не цвѣта перестоявшей овсянки и отъ Тобишки не пахнетъ прокислымъ миндальнымъ молокомъ.

— Это незнакомая Тобишка, но видно, доброе существо; она скажетъ мнѣ, гдѣ цыпочка! подумалъ нѣсколько опомнившійся отъ изумленія Барбоска и провизжалъ:

— Гдѣ цыпочка? Гдѣ цыпочка?

— Ахъ, бѣдненькая собачка! какъ она визжитъ! Кто тебя обидѣлъ? Дорочка! молчи!

— Гдѣ цыпочка? Гдѣ цыпочка? визжалъ Барбоска, то вырываясь изъ ея объятій, то снова кидаясь къ ней и нисколько не обращая вниманья, что Дорочка, чуть не разрываясь со злости, старалась старыми зубами вырвать хоть клокъ шерсти изъ его хвоста.

— Ахъ, ты, бѣдненькая собачка! Дорочка! молчи! иди на постельку... Я его уведу... Ну, пойдемъ, пойдемъ... Сюда, сюда...

Не сомнѣваясь, что его, наконецъ, поняли, Барбоска не заставилъ незнакомую Тобишку долго прищелкивать костлявыми пальцами: онъ полетѣлъ за нею со всею необузданностью обрадованнаго щенка...

Каково-же было его отчаяніе, когда онъ вдругъ снова очутился въ кабинетѣ превосходительства, куда теперь онъ попалъ черезъ другую дверь!

— Это я, Жоржъ, сказала Тобишка.— Я привела твою собачку... Вѣдь, это твоя новая собачка?

— Да̀, отвѣтило превосходительство съ своимъ обычнымъ величіемъ.

Онъ уже успѣлъ вернуться, по прежнему сидѣлъ въ креслѣ и курилъ сигару.

— Какая миленькая! Она забѣжала ко мнѣ и моя Дорочка ужасно ее ко мнѣ приревновала... Вѣрно, она искала тебя... Я ее поскорѣе привела, чтобы Дина не услыхала лая... Какъ ее зовутъ?

— Фингалъ.

— Дай лапку, Фингалъ! Дай, мой славный, дай мнѣ лапку...

Не будь у Барбоски развито до высшей степени, кромѣ чувства деликатности, и чувство справедливости, всегда подсказывавшее ему, что другіе, невиновные въ нашихъ огорченіяхъ, не должны нимало терпѣть отъ нихъ, и не помни онъ съ такою живостью уроковъ тришкинской нагайки, которая какъ нельзя убѣдительнѣе объяснила ему мудрость пословицы: «лошадка въ хомутѣ вези по моготѣ», онъ-бы оттолкнулъ даже эту ласково протянутую руку.

Благонравіе его было вознаграждено новыми ласками со стороны незнакомой Тобишки, но, не взирая на всю мягкость сердца, ласки эти были ему въ тягость.

Ему хотѣлось обдумать свое положеніе, свой образъ

дѣйствій, а потому, улучивъ минуту, онъ забился въ уголъ между диваномъ и кресломъ и притворился спящимъ.

— Заснула, бѣдненькая собачка! Только какъ неспокойно улеглась! повторяла незнакомая Тобишка, протискиваясь между мебелью и тормоша бѣдную, обремененную тяжелыми заботами и мрачными думами, голову Барбоски. — Погоди, я тебя хорошенько уложу... Я тебя хорошенько уложу... Вотъ такъ... Нѣтъ, лучше вотъ этакъ...

Наконецъ, она убрала свои холодныя костлявыя руки и оставила горемыку въ покоѣ.

Тяжелые часы провелъ Барбоска въ этомъ душномъ углу!

Въ жаркомъ воздухѣ, пропитанномъ дымомъ сигаръ, было что-то одуряющее, каждую минуту, при самомалѣйшемъ движеніи, то бахрома со скатерти на столикѣ трепала по глазамъ, то душилъ непривычный ошейникъ, то колола какая-нибудь вычурная ручка дивана или ножка кресла, то подъ лапу попадалась шпилька, или подъ носъ окурокъ...

Какъ раздражительно дѣйствовала на него неумолкаемая болтовня незнакомой Тобишки, перемѣшанная со вздохами и визгливыми возгласами, и басовые односложные отвѣты превосходительства, его постукиванье бѣлыми пальцами по окраинѣ стола и струи дыма, которыя онъ непрерывно пускалъ изъ подъ усовъ!

Ему хуже сверла сверлилъ уши дребезжащій дискантъ:

— Ахъ, Жоржъ! обмануться такъ, какъ я обманулась во всѣхъ, это ужасно! Развѣ не ужасно?

И какъ молотомъ, по нимъ билъ густой, ровный, внушительный басъ:

— Конечно...

— Трудно, вѣдь, послѣ этого оправиться? Вѣдь, трудно?

— Разумѣется...

— Я всегда готова была для Дины всѣмъ пожертвовать... Я и не жалѣю объ этихъ деньгахъ, мнѣ ихъ не надо, — что̀ деньги? Но когда попираются наши самыя святыя чувства, тогда мы можемъ роптать... Ты согласенъ, что больно разрывать сердечныя нити?

— Согласенъ...

Барбоска зажалъ уши лапами и забился подъ диванъ.

VII.

Барбоска цѣлую ночь провелъ въ томъ, что строилъ планы, разрушалъ ихъ и снова строилъ.

По утру, когда онъ вылѣзъ изъ-подъ дивана, встряхнулся и критически разсмотрѣлъ уцѣлѣвшія постройки, онѣ показались ему весьма ненадежными, вслѣдствіе чего изъ груди его вырвался протяжный вой.

А утро, между тѣмъ, было великолѣпное. Солнце такъ и било въ окна кабинета, малиновыя портьеры превратились въ свѣтло-алыя. Свѣжій веселый вѣтерокъ то и дѣло проносился по садовой листвѣ, повсюду слышался шорохъ, шелестъ, шуршанье, со всѣхъ концо́въ неслось разноголосое птичье пѣнье и щебетанье, цвѣточныя чашечки колыхались и изъ нихъ скатывались сверкающія росинки.

Но справедливо говоритъ пословица: какъ на сердцѣ ненастье, такъ и въ вёдро дождь! Все это утреннее великолѣпіе, жизнь и свѣжесть только пуще разжигали тревогу и печаль бѣднаго Барбоски.

Онъ сидѣлъ на заднихъ лапахъ, съ томленьемъ обво-

дилъ глазами стѣны своей тюрьмы и то тихо повизгивалъ, то тихо завывалъ.

Въ открытое окно врывались волны ароматнаго свѣжаго вѣтерка, но окно, словно нарочно, было заставлено этажеркой, украшенной по угламъ завитушками и сплошь уставленной пестрыми куколками.

— Ахъ, не проберусь-ли я черезъ эти завитушки и куколки къ окну, а изъ окна въ садъ? мелькнула у него мысль.

Попытка была немедленно произведена.

Легкимъ прыжкомъ махнулъ онъ на спинку дивана, но, къ несчастью, диванная обивка была такая скользкая, что пока онъ эквилибрировалъ, намѣреваясь перескочить отсюда на этажерку, пришлось пустить въ дѣло когти, что̀ оставило кое-какіе слѣды на шелку. Скачокъ на этажерку тоже не удался. Она была слишкомъ хрупка, куколки слишкомъ легки: на одномъ углѣ отвалилась завитушка, съ верхней полки скатилась фарфоровая пастушка съ корзинкой цвѣтовъ и по самыя колѣни отломила себѣ ножки, упали часики, чикавшіе въ мраморномъ ободкѣ, усѣянномъ мраморными мотыльками, полетѣлъ узкоглазый китаецъ, угодившій какъ разъ въ забытый на столикѣ стаканъ съ чаемъ, который онъ разбилъ въ дребезги, — чайная струйка, глухо журча, побѣжала по триповой скатерти на коверъ... Не успѣлъ Барбоска, держась, какъ танцовщица, на самыхъ концахъ лапъ, высмотрѣть, куда лучше всего будетъ прыгнуть далѣе, ножка у этажерки подломилась и съ первой полки, со второй, съ третьей, съ четвертой посыпались прочіе пастушки и китайцы... Конечно, это не могло на него не подѣйствовать: онъ подпрыгнулъ, словно его кольнули иголкою, и хряснула другая ножка и этажерка такъ сильно покачнулась на бокъ, что онъ ужь ринулся зря на окно. Неразсчитанный

скачокъ былъ тоже несовсѣмъ удаченъ, но ему посчастливилось повиснуть на оконной малиновой шелковой занавѣси и ужь съ нея онъ благополучно очутился на подоконникѣ, а съ подоконника на садовой аллеѣ, по которой пустился стрѣлой, словно на другомъ ея концѣ кудахтала цыпочка.

Съ громкимъ, звонкимъ лаемъ обѣжалъ онъ всѣ куртины, обслѣдовалъ всѣ дорожки, обшарилъ всѣ кусты, заглянулъ во всѣ бесѣдки — нигдѣ выхода за высокую, бѣлую каменную ограду!

Онъ пробовалъ царапать эту ограду лапами, цѣплялся за нее, повисалъ на ней, на нѣсколько мгновенiй удерживался въ этомъ висячемъ положенiи, скатывался въ траву, въ порывѣ отчаянiя рылъ землю, снова принимался носиться изъ стороны въ сторону, снова терзалъ какiе-нибудь ни въ чемъ неповинные цвѣты, снова катался по землѣ, спугивая птицъ своимъ визгомъ и воемъ.

Заключенье въ саду показалось ему еще тошнѣе заключенья въ кабинетѣ, потому что садъ имѣлъ видъ совершенно свободнаго простора: большiя развѣсистыя, зеленыя деревья предательски скрывали ограду и манили въ свои чащи, суля тысячу цвѣтущихъ лазеекъ во всѣ стороны. Эти посулы на каждомъ шагу невольно сбивали съ толку горемычнаго заключеннаго.

— А можетъ, вотъ здѣсь прошмыгну! думалось ему при каждой мелькающей передъ нимъ тропинкѣ въ чащѣ, при каждомъ просвѣтѣ между шелестящихъ вѣтвей.—Кажется, я тутъ еще не пробовалъ пробираться, а тутъ-то, быть можетъ, и есть настоящiй путь...

И вотъ онъ снова мчался, пренебрегая уколами иглистыхъ кустовъ, хлестаньемъ вѣтокъ по глазамъ и ушамъ, царапаньемъ сучьевъ, и снова ударялся о ту же стѣну!

Эта безпрерывная суета, эти ежеминутные проблески

надежды, эти всякій разъ обманутыя ожиданія только не давали ему на чемъ-нибудь сосредоточиться, мѣшали ему что-нибудь измыслить.

— Пойду въ кабинетъ! подумалъ онъ, наконецъ, совершенно умаявшись:—я тамъ лучше соберусь съ мыслями... Скорѣй, скорѣй туда; это яркое солнце палитъ меня!

Онъ пустился къ дому, чтобы вѣрнѣе устоять противъ искушенія, безъ оглядки домчался до окна, сталъ на заднія лапы и заглянулъ въ кабинетъ.

Въ кабинетѣ никого не было и, повидимому, никто еще не входилъ: осколки стакана и засахарившаяся лужица разлитаго чая поблескивали на триповой скатерти, фарфоровыя пастушки, которая безъ ногъ, которая безъ головы или безъ руки, были распростерты по ковру, изувѣченный узкоглазый китаецъ закатился подъ диванъ, этажерка стояла на боку.

— Какую потасовку задасть мнѣ за это превосходительство! подумалъ Барбоска.

Но мысль эта только мелькнула у него и мало его озаботила: сердечное его смятенье и печаль были такъ сильны, что онъ не могъ относиться въ данную минуту къ истязаніямъ своей грѣшной плоти съ бывалою чувствительностью.

Ему почудилось, будто не то прокатились гдѣ-то вблизи какіе-то черепки, не то донесся голосъ, кликавшій его по новому имени: Фингалъ! Фингалъ! но онъ не обратилъ на это вниманья.

Онъ впрыгнулъ въ окно и легъ на коврѣ подъ тѣнью большаго кресла, стоявшаго посреди кабинета, облегчилъ измученную грудь глубокимъ вздохомъ и погрузился въ думу.

Онъ довольно долго ломалъ себѣ голову, изыскивая средство, какъ розыскать драгоцѣнную цыпочку, но сколько

именно—неизвѣстно, такъ какъ опрокинутые часики съ мраморными мотыльками не показывали уже времени.

У многихъ есть привычка, когда ихъ особенно начинаетъ волновать какая-нибудь мысль, барабанить пальцами по столу, или трясти ногою, или ерошить себѣ волосы, или насвистывать, у Барбоски была привычка въ такія минуты царапать лапами. Лапы его усердно заработали туда и сюда по ковру и чѣмъ осаждавшія его мысли были тревожнѣе, тѣмъ работа шла живѣе.

— Фингалочка!

Онъ оглянулся.

Изъ саду въ окно заглядывала вчерашняя Тобишка.

— Сейчасъ схватитъ и начнетъ ласкать! подумалъ, содрагаясь, бѣдный песъ.

Но Тобишка на этотъ разъ была уже не такъ экспансивна: она вытягивала жилистую шею и оглядывала кабинетъ...

— Оно точно лампадное масло, подумалъ Барбоска, а глаза — два куска сахару въ этомъ маслѣ!

Но когда она вдругъ оскалила желтые, какъ лимонъ, зубы, Барбоска исправилъ первое сравненье.

— Нѣтъ, глаза не два куска сахару въ лампадѣ, а два паука!.. Сейчасъ она кинется на меня!..

Но она не кинулась, а подтанцовывая, какъ сорока, скрылась и скоро донесся ея медовый голосъ:

— Ахъ, Дина! не ходи туда! не ходи!

Дининаго голоса не было слышно, но, вѣроятно, Дина спросила отчего, потому что Тобишка взвизгнула снова:

— Ахъ, такъ... право такъ!.. но не ходи...

Барбоскѣ было не до чужихъ разговоровъ.

Онъ уже успѣлъ процарапать другое изрядное мѣстечко, какъ разъ на яркомъ букетѣ, когда дверь кабинета тихонько скрипнула, пріотворилась и въ кабинетъ заглянули

уже видѣнные имъ наканунѣ голубые, какъ незабудки, глаза.

Чувство самосохраненія заставило его невольно податься назадъ...

Но глаза скорѣе съ торжествомъ, чѣмъ съ гнѣвомъ зорко обозрѣли кабинетъ, усмотрѣли всѣ до единаго — въ этомъ Барбоска готовъ былъ головою поручиться — произведенные тутъ изъяны и исчезли.

Само собою разумѣется, что какъ-бы ни была огорчена божія тварь, она никакъ не пожелаетъ къ этому огорченью прибавки въ формѣ колотушекъ, затрещинъ или ударовъ хлыстомъ; какъ ни былъ Барбоска подавленъ грустью, онъ не безъ нѣкотораго безпокойства слѣдилъ за глазами-незабудками и ихъ исчезновеніе доставило ему нѣкоторое удовольствіе.

— Странно, однако, что я не получилъ даже пинка! подумалъ онъ. — Невѣроятно! Но на свѣтѣ, ахъ! столько страннаго и невѣроятнаго!

Онъ-было развалился по прежному и снова принялся за царапанье, но дверь опять отворилась — на этотъ разъ очень широко, и вошелъ превосходительство.

— Ну, сейчасъ будетъ баня! подумалъ Барбоска, инстинктивно ёжась и тихонько отпалзывая подальше въ уголъ.

Но, къ величайшему его изумленію, превосходительство не погрозилъ ему, даже не кинулъ на него строгаго взгляда!

Превосходительство вошелъ своимъ обычнымъ увѣреннымъ шагомъ, съ своимъ обычнымъ увѣреннымъ важнымъ видомъ, но едва глаза его упали на валявшіеся по ковру осколки, на сбочившуюся этажерку, на процарапанныя мѣста на коврѣ, какъ они расширились отъ ужаса; онъ отчаянно всплеснулъ руками, нѣсколько минутъ оставался

въ какомъ-то оцѣпенѣньи, затѣмъ осторожно притворилъ плотно двери и торопливо принялся сбирать разбитыя куколки, устанавливать этажерку, оправлять драпри, передвигать кресла...

Не взирая на все свое жестокое сокрушенье и тяжелыя заботы, Барбоска не могъ не улыбнуться, глядя, съ какою тоскою онъ составлялъ и прилаживалъ отбитыя головки и ножки, кàкъ озабоченно присѣдалъ передъ оконными занавѣсями, кàкъ старательно перебиралъ и хитро располагалъ ихъ складки, утаивая слѣды цѣпкихъ лапъ на матеріи, кàкъ сосредоточенно распарывалъ свой бѣлый галстухъ, вытягивалъ оттуда ниточки и скрѣплялъ ими крылышки мраморнаго мотылька отъ часовъ, кàкъ распластывался на коврѣ и приникнувъ лицомъ такъ, что величественныя баки волочились по землѣ, расправлялъ своими бѣлыми руками истеребленныя ковровыя нити и разглаживалъ торчавшіе обрывки ладонями...

— Жоржъ, ты здѣсь? вдругъ раздался голосокъ подъ дверью.

Барбоска сейчасъ узналъ этотъ голосокъ: то спрашивали голубые, какъ незабудки, глаза.

Создатель! чтò сотворилось съ превосходительствомъ при первомъ-же звукѣ этого голоска!

Заяцъ, которому внезапно забить въ бубенъ надъ самымъ ухомъ, не подпрыгнулъ-бы на такую высоту! Лицо его мгновенно все попунцовѣло и на лбу выступили капельки пота, словно его вдругъ окружили горячими парами, мясистая высокая фигура какъ-то странно осѣла, шея вытянулась, какъ у индѣйки, зачуявшей коршуна... Онъ затаилъ дыханье и зажалъ въ кулакъ шипящій сургучъ, которымъ-было только-что приготовился клеить куколку...

— Ты здѣсь, Жоржъ? повторилъ голосокъ.

Послышалось, что берутся за дверную ручку... Вотъ ручка повертывается...

Превосходительство закрылъ глаза...

Но хотя ручка повернулась, дверь не отворили и удаляющіеся шаги дали знать, что опасность миновала.

Какая-же это опасность?

Что опасность была, въ этомъ Барбоска не могъ сомнѣваться, видя, какъ сначала превосходительство замеръ на мѣстѣ и какъ потомъ вздохнулъ всею грудью, словно съ его плечъ свалилась свинцовая гора.

Но едва только превосходительство пришелъ въ себя и опять занялся склеиваньемъ, снова послышались тѣ же шаги и снова тотъ-же голосокъ спросилъ подъ дверями:

— Жоржъ, ты здѣсь?

И дверная ручка звякнула...

Въ эту самую секунду растопленный сургучъ капалъ на отшибенный бокъ китайца и превосходительство до того растерялся, что, дунувъ на свѣчку, сунулъ накапанный сургучомъ осколокъ и самый сургучъ себѣ за пазуху, подъ тонкую рубашку съ прошивками и видно сильно обжегся, потому что быстро присѣлъ на корточки и раскрылъ ротъ, какъ окунь...

И на этотъ разъ тревога была фальшивая: опять повертѣли только дверною ручкой, но дверь не отворилась и шаги удалились.

Наконецъ, превосходительство замаскировалъ всѣ изъяны, сѣлъ въ кресла, закурилъ сигару, раскрылъ книгу и снова сдѣлался тѣмъ важнымъ величественнымъ превосходительствомъ, какимъ знали его всѣ его знакомые.

Когда въ третій разъ раздался подъ дверью голосокъ, спрашивающій: «Ты здѣсь, Жоржъ?» онъ отвѣтилъ: «Здѣсь, мой другъ» и самъ распахнулъ двери.

Вошли глаза-незабудки.

*

— Ты, вѣрно, былъ въ саду?

— Н — н — д — да... Чудесная погода!

— О, чудесная!.. Ты долго гулялъ?

— Не очень... Мы сбирались съ тобой читать, ты помнишь?

— Да, помню!

— Не хочешь-ли читать въ бесѣдкѣ у пруда? тамъ свѣжо, прохладно...

— Нѣтъ, я не хочу въ бесѣдкѣ. Здѣсь лучше.

— Здѣсь какъ будто душно?..

— Я не нахожу, чтобъ здѣсь было душно. Здѣсь (она подняла вверхъ острый носикъ) какъ будто пахнетъ сургучемъ!

— Кхи — хи — кхи — хи...

— Что̀ это, у тебя кашель?

— Нѣтъ... такъ...

— Да̀, пахнетъ сургучомъ! Ты не слышишь?

— Нѣтъ...

Она стояла и превосходительство стоялъ, она прямо смотрѣла на превосходительство, но превосходительство какъ-то скользило по ея лицу глазами, останавливая ихъ на какихъ-нибудь крошечныхъ предметахъ, которые требовали особенно пристальнаго вглядыванья, что̀ избавляло его отъ необходимости встрѣчаться съ ея зоркими взглядами.

— Ахъ, на плечѣ у тебя какая-то мошка!

— Гдѣ мошка? Никакой мошки нѣтъ!

— А мнѣ показалась мошка... Такъ будемъ читать?

— Будемъ. Не пойти-ли въ самомъ дѣлѣ въ бесѣдку?

И по губкамъ ея скользнула такая улыбка, что Барбоскѣ показалось, будто у нея выставилось острое жальце изъза этихъ розовыхъ губокъ.

— Прекрасно! прекрасно! воскликнулъ превосходительство. — Вотъ книга... Я готовъ...

— Ты полагаешь, въ бесѣдкѣ хорошо будетъ, а?

— Прекрасно!.. Прохладно такъ, свѣжо...

— А! ты думаешь?.. Прохладно и свѣжо, дà?

— Да, да... Пойдемъ... я готовъ... вотъ книга...

И превосходительство уже двинулся къ двери...

— А мнѣ здѣсь, у тебя въ кабинетѣ, больше нравится!

— Здѣсь?..

— Дà, здѣсь!

— Ну, какъ хочешь...

— Жаль только, что сургучомъ пахнетъ!

— Садись вотъ тутъ... тутъ тебѣ будетъ удобнѣе...

— Нѣтъ, я вòтъ здѣсь сяду!

— Но здѣсь тебѣ будетъ неудобно... солнце прямо въ лицо...

— Развѣ нельзя подвинуть кресло?

— Конечно, можно... очень легко...

Но, собственно говоря, подвинуть его было вовсе не легко превосходительству, потому что кресло это маскировало собою свѣже процарапанное Барбоской мѣстечко на коврѣ.

— Чтò-жь ты не двигаешь? я жду!

Превосходительство завертѣлся, какъ фокусникъ, довольно искусно уронилъ носовой платокъ, зацѣпилъ его носкомъ сапога и, отодвигая кресло, поволокъ платокъ на процарапанный букетъ.

— Садись, садись... говорилъ онъ: — вонъ книга... я слушаю...

— Ты платокъ уронилъ!

И она сдѣлала видъ, будто хочетъ наклониться и поднять платокъ.

— Не безпокойся!

Превосходительство такъ бросился предупредить ее,

что споткнулся и чуть не упалъ, схватилъ платокъ, съ искуствомъ акробата очутился въ третьей позиціи какъ разъ на процарапанномъ букетѣ и началъ сморкаться.

— Ну, я буду читать; чтò-жь ты не садишься?

— Я сейчасъ... сейчасъ... Какъ жарко!

— Зачѣмъ-же ты стоишь на солнцѣ? Иди сюда въ тѣнь!

— Иду... ты читай, я вотъ только сигару закурю...

Но спички были далеко и чтобы достать ихъ, необходимо было сдвинуться съ роковаго мѣстечка!

— Чтò-жь ты?

— Не обращай на меня вниманья... читай... Вотъ только сигару приведу въ порядокъ... раскрутилась...

И онъ началъ раскручивать сигару, дѣлая видъ, что ее скручиваетъ.

— Такъ я подожду читать.

— Я отлично слушаю...

— Нѣтъ, ужь я подожду...

— Кхи—хи—хи! Кхи—хи—хи!

— Чтò это? Опять припадокъ кашля?

— Нѣтъ...

Вѣроятно, она нашла, что онъ достаточно уже попекся и на солнцѣ, и на уголькахъ, которые она подъ него подкладывала и, откинувшись въ креслѣ, начала читать книгу.

Превосходительство, не отнимая ногъ отъ продраннаго букета на коврѣ и не измѣняя третьей позиціи, вытянулся въ струну, наклонился къ ближнему креслу, порывисто дернулъ его, проворно надвинулъ на роковой изъянъ, сѣлъ и началъ отирать лобъ платкомъ, тревожно поглядывая на чтицу.

Но она, повидимому, совершенно углубилась въ чтеніе и не обратила никакого вниманія на его эволюціи.

Но только-что превосходительство, вздохнувъ свободно,

умѣстился въ креслѣ и пустилъ первую струю сигарнаго дыма, чтеніе прервалось...

— Спусти оконную занавѣсь! Не эту, а вонъ ту!

То-есть, ту самую, на которой остались слѣды барбоскиныхъ лапъ!

— Но, вѣдь, душно будетъ!

— Нисколько: окна открыты! Спусти-же! Что̀-жь ты пляшешь на мѣстѣ? Я удивляюсь, почему ты не рѣшаешься спустить эту занавѣсь!

— Душно... Впрочемъ, какъ тебѣ угодно... Я спущу...

Онъ спускаетъ, комкая въ средину складокъ исцарапанную матерію, снова усаживается въ креслѣ, но уже бокомъ, чтобы лучше маскировать испорченную занавѣсь.

Чтеніе продолжается.

На лицѣ превосходительства ясными чертами начертывается:

— Слава Богу! не замѣтила ничего!

Онъ даже рѣшается вытянуть ноги и прижмуриваетъ глаза, какъ это дѣлаютъ животныя, когда чувствуютъ себя хорошо.

— Который часъ? Что̀ это, твои мотыльки, кажется, стоятъ?

И она приподнимается съ кресла и устремляетъ свои сверкающія незабудки на мраморныхъ мотыльковъ и тянется къ этажеркѣ...

— Идутъ! идутъ! вскрикиваетъ превосходительство, вскакивая, словно къ нему приложили раскаленныя щипцы. — Слышишь, тикаютъ? Слышишь: тикъ — тикъ, тикъ — тикъ!..

— Я слышу тикъ — тикъ, но меня удивляетъ, что̀ это за нитка обмотана вокругъ мотыльковъ!

Превосходительство остается на мѣстѣ ни живъ, ни мертвъ; онъ не дѣлаетъ никакихъ попытокъ вертѣться или

бѣжать, какъ звѣрь, не впервой попавшійся въ капканъ и знающій, что прыжками и скачками только изувѣчишь себя, но пользы себѣ не принесешь.

— Что̀ это за нитка, а?

Незабудки гнѣвно впиваются въ превосходительство; бѣлая ручка схватываетъ часики и довольно порывисто подсовываетъ ему подъ носъ перевязаннаго мраморнаго мотылька.

Превосходительство молчитъ, моргаетъ и неистово затягивается сигарнымъ дымомъ.

Бѣлыя ручки проворно разрываютъ нитку, мраморные мотыльки разсыпаются...

— Ха—ха—ха! А это что̀? А это что̀? А это? А это?

И бѣлыя ручки отрываютъ приклеенныя сургучомъ головки и ножки, вытаскиваютъ изъ-подъ этажерки перчатки въ комочкахъ, трясутъ оконною занавѣсью, сдергиваютъ кресла съ процарапаннаго ковра...

Превосходительство все не двигается съ мѣста и сигара мелькаетъ у него изъ-за баковъ точно горящая свѣчка.

— А! ты хочешь меня дурачить! ты хочешь надо мной издѣваться... Ха — ха — ха! О — о — о!

Она шатается, валится, что̀ выводитъ превосходительство изъ неподвижнаго состоянія.

— Дина! Дина! шепчетъ онъ, поддерживая ее и усаживая на диванъ: — прости меня... Хочешь, этой собаки не будетъ въ домѣ... Я ее велю отправить, уничтожить... Прости меня!..

Превосходительство становится на колѣни...

Барбоска третъ себѣ лапами глаза.

Это невѣроятно, но это такъ!

Превосходительство всхлипываетъ, маленькія слезки текутъ по его обширнымъ щекамъ и исчезаютъ въ густыхъ бакахъ!

— Дина! Дина! прости!.. Господи! ей дурно!

Превосходительство вспрыгиваетъ и въ смятеньи кидается изъ кабинета.

Незлобивое, чувствительное сердце Барбоски проникается жалостью Онъ вскакиваетъ и подбѣгаетъ къ Динѣ, съ состраданьемъ глядитъ на свѣсившіяся бѣлыя ручки, на полуоткрытыя губки, на сомкнутыя вѣжды...

Но кто опишетъ его изумленье, когда онъ вдругъ видитъ, что только-что являвшая всѣ признаки безжизненности ручка приподнимается очень свободно, вытаскиваетъ изъ кармана зеркальце, раскрывшіеся безъ всякаго усилія глаза начинаютъ созерцать отражающееся изображеніе въ этомъ зеркалѣ, а губки этому изображенію улыбаются!

Барбоска подался назадъ.

Имѣя явныя, несомнѣнныя доказательства ея вражды къ собачьему роду, онъ, естественно, могъ ожидать только пинка, но вышло совершенно наоборотъ: она протянула ручку и потрепала его по шеѣ, словно хотѣла сказать:

— Я тебѣ обязана большимъ удовольствіемъ и знаю, что ты еще много отрадныхъ часовъ мнѣ доставишь!

— Какая вы чудна̀я дама! невольно взвизгнулъ Барбоска.

Смятенный превосходительство вбѣжалъ съ какимъ-то флакономъ.

О чудо! вѣжды опять сомкнуты, какъ будто и не открывались, ручки повисли, какъ будто и не двигались, губки полуоткрыты, какъ будто и не шевелились!

Видя, ка̀къ дрожатъ руки у превосходительства, Барбоска не могъ остаться равнодушнымъ къ его страданьямъ и, желая ободрить его, пролаялъ:

— Она жива — жи̂ва — жива! Она сейчасъ глядѣла во всѣ глаза и смѣялась...

Но превосходительство его не понялъ, схватилъ за шиворотъ и выкинулъ за окно...

Барбоска упалъ въ кусты жасмина и наткнулся бокомъ на какой-то острый гвоздь.

Онъ громко взвизгнулъ отъ боли, а затѣмъ отъ изумленія, увидѣвъ, что за гвоздь онъ принялъ плечо той, которая сидѣла на корточкахъ, притаившись подъ вѣтками— плечо двуногой Тобишки въ чепцѣ съ лиловыми бантиками! Она схватила Барбоску, зажала ему пасть своею холодною, костлявою рукой, приговаривая шопотомъ «tout beau! tout beau! couche! couche! не мѣшай, собачка, не мѣшай!» Она подслушивала. Сухая ея шея была вытянута на цѣлый аршинъ впередъ, къ кабинетному окну, глаза блестѣли, рѣдкія, шершавыя брови спутались, жидкіе волосы взъерошились...

Нѣтъ, никогда мордочка моськи Тобишки не искажалась такимъ злобнымъ наслажденьемъ! Четвероногая Тобишка могла жестоко укусить, могла растерзать на части, но ея пасть никогда не оскверня́лась такою коварною, предательскою улыбкой!

Съ лаемъ негодованія Барбоска вырвался изъ ея костлявыхъ рукъ и понесся по первой попавшейся садовой дорожкѣ.

VIII.

Вѣроятно, Дина смиловалась и не пожелала изгнанія Барбоски. Ея прихотливая доброта пошла еще дальше. Когда Барбоска возвратился изъ саду къ окну и впрыгнулъ въ кабинетъ, превосходительство схватилъ его тот-

часъ за шиворотъ, привлекъ къ процарапанному букету и занесъ надъ нимъ роковой хлыстикъ, Дина вскрикнула: «не бей его!» и этимъ восклицаніемъ избавила бѣднягу отъ истязанія.

Барбоска тихонько забрался въ уголокъ и тамъ улегся.

По долгимъ размышленіямъ, онъ порѣшилъ, что ему надо, до поры, до времени, зубы, когти, порывистость и лай запереть, какъ говорится, на одинадцать замковъ, а запастись хладнокровіемъ и терпѣніемъ.

— Единственное средство отыскать цыпочку, думалъ онъ, вытянувшись въ уголку и положивъ голову на переднія лапы: — это проникнуть въ комнаты направо, куда побѣжала дѣвочка-мотылекъ... Когда они увидятъ, что я смирный, не царапаю ничего, ничего не грызу и не валяю, они пустятъ меня!

Недолгая, но горькая опытность, правда, доказывала ему не разъ, что безупречное поведеніе не всегда вознаграждается какъ бы слѣдовало по закону справедливости и онъ, быть можетъ, ударился-бы въ софизмы, а софизмы привели-бы его къ протесту, лаю и другимъ, свойственнымъ щенку, безчинствамъ, да при поворотѣ на этотъ путь борьбы являлось видѣнье поднятаго хлыста и значительно способствовало укрощенью забіячества.

Дина лежала на диванѣ, а превосходительство сидѣлъ въ креслѣ и читалъ вслухъ.

Чтенье происходило на неизвѣстномъ Барбоскѣ языкѣ и, слѣдовательно, очень мало представляло ему занимательности.

Сначала его нѣсколько развлекали наблюденія, производимыя имъ надъ Диною и превосходительствомъ.

Головка Дины, откинутая на малиновую подушку дивана, была красива, какъ самая изящная куколка, прозрачная ручка, свѣсившаяся съ дивана, не въ состояніи, ка-

залось, раздавить мошки; напротивъ того, крупный профиль превосходительства, его носъ, который съ успѣхомъ могъ перекинуться мостомъ черезъ прудъ, въ которомъ хозяева Тришкины ловили въ постъ карасей для отца Амвросія, его волнистыя, густыя, роскошныя баки, изъ которыхъ-бы можно набить нѣсколько отличныхъ подушекъ, его грудь колесомъ, обширная, гладкая, блестящая площадь, простирающаяся отъ чела почти до затылка—все имѣло въ себѣ нѣчто монументальное, грандіозное, сокрушительное... Но стòило вылетѣть изъ розовыхъ губокъ Дины недовольному восклицанію: «Ахъ, какъ ты ужасно читаешь! Я не могу разобрать, чтò говорить баронъ, а чтò графиня!», и вся монументальность, грандіозность, сокрушительность пропадали и все превосходительство превращалось въ глазахъ Барбоски въ одинъ громадный, виляющій хвостъ...

— Никогда я не воображалъ, думалъ Барбоска, невольно улыбаясь:—что такъ справедлива пословица, которую всегда говорила старая собака Бемза: мала блоха, а меделяномъ вертитъ!

Однако, эти забавныя наблюденія скоро наскучили, печаль пуще прежняго подступила къ сердцу, пуще прежняго заботы отяготили голову и ему необходима была вся сила воли, чтобы удержать протягивающіяся по ковру лапы и вобрать когти, впускающіеся въ яркій бархатный букетъ ковра...

Скрипнула тихонько дверь и изъ-за нея выглянули кружевной чепчикъ съ лиловыми ленточками и сладкіе глаза двуногой Тобишки.

— Можно? Не помѣшала я?

— Чтò тебѣ надобно?

— Ахъ, Дина, еслибы я знала, что тебѣ такъ мой приходъ непріятенъ, я бы не вошла... Я очень хорошо

понимаю, что насильно милъ не будешь и что за самыя чистыя, глубокія, безкорыстныя чувства часто платятъ одною холодностью, однимъ безсердечіемъ!

— Я хоть это и не такъ хорошо понимаю, но помню, возражаетъ рѣзко Дина:—потому что ты каждый день повторяешь одно и то-же...

Превосходительство прибѣгаетъ къ носовому платку, какъ къ спасительному снаряду, который избавляетъ его отъ необходимости хотя бы взглядомъ или улыбкою вмѣшиваться въ завязывающуюся перепалку.

— Я знаю, Дина, что я тебѣ надоѣла! поетъ Тибишка и постные глаза ея увлажаются. — Я бы съ радостью, и съ какою радостью! уѣхала отсюда... *еслибы могла*!..

— То-есть, ты намекаешь на то, что мы тебѣ должны? Да я готова продать послѣднюю рубашку, чтобы только ты не колола меня этимъ долгомъ! Я...

— Довольно оскорбленій, Дина! Жоржъ, я пришла взять съ собою твою собаку погулять; можно?

— Разумѣется, отвѣчаетъ превосходительство, но такимъ тономъ, что это утвердительное слово звучитъ словно самое безпомощное: «ахъ, что̀ вы со мной дѣлаете! зачѣмъ вы меня спрашиваете, когда я могу и за да и за нѣтъ попасть въ тиски!»

— Фингалъ! Фингалъ! ісі, милый! ісі, дорогой!..

— Я не хочу съ вами идти, лицемѣрная старая тварь! визжитъ Барбоска.

Но костлявая рука вытягиваетъ его за ошейникъ изъ-подъ кресла, цѣпляетъ на шелковую ленту и влечетъ за собою, со вздохомъ, на распѣвъ бросая Динѣ, провожающей ее сверкающими взорами, жалобное замѣчанье:

— Ахъ, собаки благороднѣе и добрѣе людей!

Барбоска упирается и, въ отвѣтъ на слащавыя увѣщанья, лаетъ о своемъ презрѣньи къ двуличію...

Но вдругъ онъ замѣчаетъ, что старая тварь тащитъ его не къ саду, а въ противоположную сторону, и это совершенно измѣняетъ его образъ дѣйствій...

— Можетъ, она тащитъ туда, гдѣ цыпочка? мелькаетъ у него мысль. — О, поспѣшу, погляжу!..

И Барбоска рвется впередъ, подбивая Тобишку подъ поджарыя ножки и совершенно упуская изъ виду, что за минуту предъ тѣмъ гнушался сообществомъ старой лицемѣрки.

Что̀ дѣлать! щенокъ слабъ и когда дѣло коснется его личныхъ интересовъ, онъ, какъ и прочая тварь Господня, или необдуманно кидается, куда его тянетъ, не заботясь ни о послѣдовательности, ни о логикѣ, или же вступаетъ въ сдѣлки съ своею совѣстью...

Впрочемъ, совѣсть Барбоски была щекотливѣе многихъ другихъ.

Когда Тобишка показала ему, улыбаясь, свои желтые, расшатавшіеся зубы и сказала: «вотъ, милая собачка, послушно идетъ!», онъ горестно и гнѣвно пролаялъ ей въ отвѣтъ:

— Не забывайте, ядовитый сморчокъ, что у меня ошейникъ на горлѣ и что порабощенному щенку извинительно многое, чего нельзя простить самостоятельной собакѣ! О, еслибы не цыпочка!..

Но ядовитый сморчокъ не понялъ настоящаго смысла этого лая и объяснилъ его по своему.

— Радъ погулять, Фингалъ? радъ? Я поведу тебя вонъ туда (она указала на виднѣвшуюся вдали огороженную рощицу), къ своей лисичкѣ...

Къ лисичкѣ? Великій Боже! тутъ гдѣ-то есть лисичка... цыпочка такъ неопытна...

Его охватила страшная тревога.

Онъ схватилъ-было за колѣно Тобишку, но она стала визжать и отбиваться.

— Чего вы боитесь? лаялъ Барбоска. — Я васъ донесу, какъ любой обгорѣлый сукъ... или какъ мертваго ужа...

Но старая тварь жеманилась; пришлось ей покориться и идти по ея мелкимъ шажкамъ.

Наконецъ, они достигли огороженной рощицы. Тобишка вынула изъ кармана ключъ, отперла замòкъ, висѣвшій на красивыхъ воротцахъ въ сельскомъ вкусѣ, и онѣ очутились подъ свѣтлою, движущеюся сѣткой березовыхъ вѣтвей.

— Лисинька! лисинька! запѣла Тобишка.

Отвѣта не было.

— Гдѣ ты, лисинька? Лисинька! лисинька! А вотъ она! На солнышко смотритъ!

Прислонившись спинкой къ бѣлому березовому стволу, распустивъ изъилистый хвостъ по травѣ, устремивъ задумчиво глаза на заходящее солнце, сидѣла лисичка. Хотя сторожкія уши и остроя мордочка заставляли предполагать, что у ихъ обладательницы слухъ тонкій и чутье тонкое, она, очевидно, не слыхала и не почуяла приближенія посѣтителей, пока они не подошли къ самой березѣ, подъ которою она пріютилась.

— Лисинька!

Какъ она вскочила, узнавъ знакомый голосокъ! Ея глаза заискрились такимъ восторгомъ при видѣ Тобишки, что Барбоска заподозрилъ, не приняла-ли она эту старую шутиху за представительницу какой-нибудь особой породы куръ.

— Здравствуй, лисинька, здравствуй, милая! Вотъ я тебѣ гостя привела... Фингалъ, Фингалъ, поди сюда. Ну, знакомьтесь, знакомьтесь... Фи, какой невѣжа Фингалъ — рычитъ! Поучись-ка у лисиньки, какая она милая и обходительная! Вотъ тебѣ, лисинька, гостинчикъ, яичко...

Граціозная лапка деликатно откатила отъ себя яичко и острое рыльцо, сіявшее умиленіемъ, выразительно говорило, что лисинька въ присутствіи своей покровительницы такъ наслаждается духовно, что ей и на умъ не идутъ вещи, питающія грѣшную плоть. Глаза ея съ упоеніемъ устремлялись на морщинистое лицо Тобишки и увлажались слезой, пушистый хвостъ трепеталъ отъ избытка чувства, лапки нѣжно вытягивались какъ-бы движимыя неудержимымъ влеченіемъ обнять предметъ своего обожанія...

— Скушай-же, лисинька, яичко, скушай!

Ясные лисинькины глазки закатились вверхъ къ голубому небу, будто они желали сказать:

— Чего-чего не сдѣлаешь для тѣхъ, кого обожаешь!

Затѣмъ она склонила рыльце, мягко дотронулась до яичка, съ несравненной граціей, быстротой и акуратностью выпила его, подняла восторженно головку, нѣжно оскалила зубки, выразительнѣе всякихъ словъ давая понять:

— Требуйте еще жертвъ, я готова!

Очаровательная простота и безъискуственность сельской жительницы возвышалась тонкимъ эстетическимъ чутьемъ художницы, умѣрялась врожденною скромностью, трогательною женственностью и все вмѣстѣ представляло столь плѣнительное сочетанье, что Барбоска, не взирая на все предубѣжденье, всосанное имъ съ молокомъ матери, не могъ оставаться суровымъ и самъ не замѣтилъ, какъ смягчился.

Когда старая Тобишка, наконецъ, отстала съ своими ласками, занявшись собираніемъ букета дикихъ цвѣточковъ, и новая знакомая съ милою привѣтливостью обратила къ нему рыльце, онъ только потупился, но уже не зарычалъ, а когда новая знакомая застѣнчиво выразила ему свое удовольствіе познакомиться съ «такимъ» лягавымъ, какъ онъ, и надежду, что это знакомство облег-

чить ея тоску въ одиночествѣ, мягкосердный песъ смутился и пробормоталъ въ отвѣтъ, что онъ радъ служить ей, чѣмъ можетъ.

— О, благодарю васъ, отвѣтила она: — я не забуду этого добраго, сердечнаго предложенья! Но, прибавила она съ меланхолическою улыбкою: — я васъ этимъ не затрудню! Я давно удалилась отъ свѣта и всѣхъ его волненій. Если я чего ищу еще, если чѣмъ дорожу, такъ это посѣщеньемъ «такихъ» лягавыхъ, какъ вы...

Какъ полно значенья было это ударенье на «такихъ»!

Барбоска невольно поднялъ голову выше, словно его пощекотали подъ горло.

— Я совсѣмъ иначе представлялъ себѣ лису! подумалъ онъ. — Это премилый звѣрекъ! Умѣетъ оцѣнить щенка, умѣетъ...

— Лисинька! Фингалъ! гдѣ вы? раздался дребезжащій голосъ Тобишки.

Лисинька стрѣлой пустилась на зовъ и въ одну секунду успѣла помахать хвостомъ, потереться у ногъ и возвратиться къ Барбоскѣ, который остался на мѣстѣ, занятый вдругъ мелькнувшею мыслію.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ онъ: — что̀ вы находите въ этомъ старомъ трутѣ?

И онъ кивнулъ на Тобишку.

— Ахъ, сердце проситъ любви и привязывается къ первому существу, которое покажется ему достойнымъ!

— Эта старуха самая лицемѣрная тварь!

— Что̀ вы говорите! Возможно-ли? Ахъ, не подрывайте мою вѣру въ прекрасное! Я такъ пламенно желаю вѣрить и любить!

— Но если не сто̀итъ ни вѣрить, ни любить?

— О, Боже! О, Боже! не вѣрить!.. не любить!.. Міръ превратится въ опустѣлый храмъ!

— Но въ мірѣ, слава Богу, не однѣ лицемѣрки! Есть существа честныя, возвышен...

— Ахъ, не ошибаетесь-ли вы въ ней!

— Въ комъ? въ этой старухѣ? Я своими глазами убѣдился...

— Ахъ, нельзя судить по наружности!

— Какая наружность! Я ее по наружности принялъ за сахаръ, такіе она сладкіе глаза строитъ!

— Ахъ, предвзятая мысль часто вводитъ въ невольное заблужденье, незамѣтно заставляетъ поступать несправедливо!

— Но, вѣдь, я собственными глазами...

— Ахъ, не довѣряйте ни зрѣнію, ни слуху—довѣряйте только сердцу! Часто одна какая-нибудь ѣдкая порошинка... или даже просто на предметъ не такъ падаетъ освѣщеніе и все уже представляется въ другомъ свѣтѣ! Раздраженъ слухъ какимъ-нибудь непріятнымъ шумомъ и его утруждаетъ самая гармонія! Только сердце...

— Вы подразумѣваете — чутье? прорычалъ Барбоска.

— Ну, чутье, если хотите... Не будемъ спорить о словахъ! Будьте великодушны, прощайте мнѣ неточность выраженій; вѣдь я выросла въ уединеніи, я не ученая... Я знаю очень немного, да и то ничтожное знаніе досталось мнѣ съ трудомъ. Сколько помѣхъ! Сколько преслѣдованій! О, какое безпріютное дѣтство! Какая безрадостная, сиротливая юность!

При одномъ воспоминаньи глаза ея затуманились слезами и рыльце приняло такое выраженье печали, что нетолько юный Барбоска, а и закаленный Бульдогъ смягчился бы непремѣнно.

У каждой чувствительной твари имѣются свои горестныя воспоминанія и какой угодно Іеремія легко можетъ про-

будить сочувствіе, если только съумѣетъ искусно затронутъ слабыя больныя струны.

Передъ Барбоской мелькнуло его дѣтство, его юность...

Лапа его невольно протянулась къ лапкѣ товарки по жизненнымъ невзгодамъ.

— Гдѣ ваша родина? спросилъ онъ съ участіемъ.—Какимъ несчастнымъ случаемъ вы сюда попали?

— Моя родина? отвѣчала она съ меланхолической улыбкой.—Я не знала и родины!

— Кàкъ не знали?

— Не знала. Мы изгнанники.

— Изгнанники?

— Да. Мать моя должна была бѣжать изъ отечества... Нашъ лѣсъ караулилъ сторожъ Максимъ, бородатое, грубое, безжалостное чудовище, которое завело у себя цѣлый курятникъ и, свирѣпо почмокивая губами, съ адскимъ смѣхомъ пожирало бѣдныхъ, беззащитныхъ курочекъ...

Не взирая на все сочувствіе къ несчастіямъ разсказчицы, чтò-то кольнуло Барбоску въ сердце...

И колотье это тотчасъ-же отразилось на его простодушной, безхитростной мордѣ.

Можетъ статься, что отъ зоркихъ глазокъ разсказчицы и не ускользнуло облако, омрачившее ея юнаго слушателя, но она по этому поводу не сдѣлала никакого замѣчанія, только на рыльцѣ ея выразилось столько страданія, что Барбоска сконфузился за допущеніе недостойной мысли...

— Мать случайно познакомилась съ несчастными жертвами, продолжала разсказчица:—и рѣшилась, хотя-бы съ опасностью жизни, помочь имъ. Долго она изыскивала средство, наконецъ, въ одну ночь ей удалось проникнуть въ курятникъ...

Невольный лай вырвался у Барбоски... Онъ тотчасъ-же помнился, совершенно смутился и проворчалъ:

— Извините... Я прервалъ васъ... Вашей матушкѣ удалось проникнуть въ курятникъ... И?..

— И отворить двери обреченнымъ на истязанія и смерть, кротко взглянувъ на него, продолжала разсказчица. — Бѣдныя созданія опрометью кинулись на волю, сбились въ проходѣ и въ смятеньи какая-то закудахтала... Варваръ выскочилъ съ ружьемъ... Мать моя была ранена, но нравственное мужество дало ей силы добѣжать до норы, схватить меня и пробраться за границу владѣній Максима. О, чт̀о это было за бѣгство! Она на каждомъ шагу спотыкалась, стонала отъ мучительной раны...

Волненье пресѣкло ея голосъ... Мягкая лапа Барбоски снова невольно протянулась...

— Благодарю, прошептала она дрожащимъ голоскомъ, помолчала, какъ-бы подавливая одолѣвающее ее волненіе, затѣмъ продолжала снова:

— Мы поселились въ чужомъ небольшомъ лѣскѣ, недалеко отъ деревеньки. Мать моя хотя поправилась, но уже не наслаждалась здоровьемъ и утратила прежнюю ясность духа. Рана отъ картечи мучительно ныла, но еще мучительнѣе ныли раны сердечныя. Ахъ! сердечныя раны незалечимы!

Сочувственный визгъ вырвался изъ груди Барбоски.

— Нѣкоторое время мы вели безрадостную, бѣдную, но спокойную жизнь, но разъ, гуляя подъ вечеръ по чащѣ, мы встрѣтили горько плачущую и прикрывающую крыльями цыплятокъ насѣдку...

Опять Барбоску чт̀о-то кольнуло въ сердце...

— Однако, к̀акъ сильны въ насъ предразсудки! подумалъ онъ съ досадой.

— Мать подошла къ ней, старалась ее успокоить и скоро узнала ея грустную исторію. У нея было семеро дѣтей и трое старшихъ были зажарены въ это утро;

она, въ порывѣ отчаянія, вырвалась съ остальными изъ курятника, скрылась въ этой чащѣ, каждую секунду ожидала преслѣдованія и не знала, что̀ ей дѣлать.

Мать моя не колебалась ни минуты.

— Норка у меня убогая, сказала она несчастной насѣдкѣ: — но вы съ малютками, все-таки, найдете тамъ убѣжище! Вы слишкомъ слабы, я поддержу васъ...

Она подхватила насѣдку подъ крылья, я, по ея знаку, тотчасъ-же собрала испуганныхъ малютокъ, и мы поспѣшили къ норкѣ...

Но насѣдку такъ растрогало участіе моей матери, что съ ней сдѣлалась истерика и она огласила лѣсъ истерическимъ хохотомъ.

Это всѣхъ насъ погубило! Преслѣдователи напали на нашъ слѣдъ и настигли насъ.

Раненая нога не позволяла матери шибко бѣжать, насѣдка лишилась чувствъ при видѣ убійцы своихъ дѣтей...

Я могла-бы спастись, но у меня на рукахъ было четверо цыплятокъ, которыя съ жалобнымъ пискомъ жались къ моей груди...

Могла-ли я ихъ бросить?

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безнадежнаго сопротивленья, мать моя лежала бездыханная на травѣ, около нея трепетала умирающая насѣдка, я и малютки находились во власти ужаснаго человѣка, который превосходилъ свирѣпостью самого варвара Максима...

Онъ скрутилъ меня и вкинулъ меня въ мѣшокъ и въ мѣшкѣ принесъ домой. Дорогой я слышала отчаянный пискъ цыплятъ... Они призывали меня на помощь, но, увы! я сама была безпомощна!

Началась ужасная жизнь — точнѣе говоря, ужасная пытка — я сидѣла въ темномъ чуланѣ... Но я не хочу входить въ страшныя подробности... Скажу вамъ только, что

Семенъ и Мавра — такъ звали моихъ злодѣевъ — хотѣли принудить меня ѣсть курятину!

Разсказчица закрыла рыльце лапками.

Барбоска пролаялъ:

— И вы?.. И вы?..

— Вы можете сомнѣваться? тихо проговорило возвышенное творенье, съ кроткимъ укоромъ устремляя на него глаза.

— О, нѣтъ!.. Но хлыстъ... заточенье... неопытность... Вѣдь, можно съ ума сойти! взбѣситься!

— Мнѣ посчастливилось выдержать до конца, смиренно опуская глаза, отвѣчала она. — Злодѣи, наконецъ, утомились истязать меня и продали сюда... Здѣсь я немного отдохнула... Я много страдала, Барбосъ Иванычъ, я ничего уже не желаю отъ жизни *для себя*. Единственная моя отрада — служить, чѣмъ могу, ближнимъ... Я не имѣю предразсудковъ и стремлюсь ко всему прекрасному, въ какомъ бы видѣ оно мнѣ ни являлось — въ видѣ благороднаго человѣка, сладкогласой птички, милой овечки, золотистой мошки, великодушнаго бульдога... Нерѣдко лучшія, чистѣйшія мои чувства попираются, но я считаю недостойнымъ платить тѣмъ-же! Я счастлива тѣмъ, что отроду не оскорбила ни одного невиннаго существа оскорбительнымъ подозрѣніемъ потому только, что кто-нибудь изъ его породы оказался жестокимъ или низкимъ!

Барбоска не находилъ словъ въ отвѣтъ...

— Ахъ, здравствуйте, Сусанна Матвѣевна! давно-ли вы здѣсь? вдругъ раздался голосъ, похожій на скрипъ немазаннаго колеса, но преисполненный самыхъ заискивающихъ нотокъ, и чья-то голова, покрытая голубымъ вуалемъ, просунулась сквозь березовыя вѣтки около ограды.

— Здравствуйте, милая Наденька! вскрикнула Тобишка.

— Ахъ, какой букетъ! Какъ вы умѣете подбирать цвѣ-

ты, Сусанна Матвѣевна! Что̀-жь вы это сами наклоняетесь! Я сейчасъ пойду и помогу вамъ...

Раздался солидный топотъ, воротца хлопнули и скоро показалась Наденька въ пестромъ клѣчатомъ платьѣ.

Барбоска залаялъ.

— Фингалъ! Фингалъ! tout beau! tout beau! закричала Тобишка, спѣша на встрѣчу Наденьки.

Чмокъ — чмокъ — чмокъ...

— Ахъ, какая миленькая собачка! воскликнула Наденька. — Гдѣ вы достали?

— Это Жоржъ себѣ досталъ.

— Гороховы тоже достали себѣ, только плохенькую... Ка̀къ зовутъ, Сусанна Матвѣевна?

— Фингалъ.

— Фингалъ, дай лапку, дай миленькій... поди, я тебя поглажу...

— Не пойду! не пойду! пролаялъ Барбоска.

— Ай, какой онъ у васъ сердитый, Сусанна Матвѣевна! Это не то, что̀ ваша Дорочка! Что̀ Дорочка? отчего она не съ вами?

— Больна что-то! Вотъ ужь два дня мало ѣстъ, мало пьетъ, все стонетъ... Такъ жалко, просто душа разрывается!

— Ахъ, бѣдненькая! воскликнула Наденька, словно у нея отъ этого извѣстія если и не разорвалась душа, то, по крайней мѣрѣ, гдѣ-нибудь треснула.—Чѣмъ-же вы ее лечите?

— Припарками.

— На животикъ, Сусанна Матвѣевна?

— На животикъ.

— Изъ чего припарки, Сусанна Матвѣевна?

— Изъ теплыхъ отрубей и фіалковаго корня въ порошкѣ... Я прибавляю туда еще немножко гвоздички...

— Ахъ, я была у тетеньки Палестины Мартыновны, Су-

санна Матвѣевна, и тамъ меня научили одной припаркѣ, которая ужасно помогаетъ...

— Неужели?

— Ей Богу, Сусанна Матвѣевна!

— Ахъ, скажите, какъ ее приготовить!

— Я вамъ ее приготовлю, Сусанна Матвѣевна.

— Добрая Надя!

Чмокъ въ щеку.

Отвѣтный чмокъ въ плечо.

— Надо взять сто зернышекъ льна, Сусанна Матвѣевна, щепотку земли изъ-подъ порога, горячей золы... Я вамъ сегодня-же сдѣлаю...

Барбоска почти не слыхалъ этого разговора, потому что очень занялся наблюденьемъ новой физіономіи.

Физіономія эта казалось ему престранной. Надъ маленькимъ, ввалившимся ложбинкою лбомъ лежали начосы темныхъ, грязноватыхъ волосъ, изумительно гладко примасленные. Барбоска ни на минуту не усомнился, что то было дѣло не гребенки, а усердно лизнувшаго коровьяго языка; за начосами топырился какой-то тугой, твердый, какъ арбузъ, волосяной шаръ, обмотанный яркою ленточкою. Крупный носъ, какъ будто, сначала собрался выскочить далеко впередъ, но нашелъ выгоднѣе раздаться въ ширину и образовалъ невѣроятно тупой конецъ; крупныя губы, которыя могли-бы прикрыть цѣлую гряду капусты, не прикрывали, однако, зеленовато-голубоватыхъ зубовъ. Но самымъ занимательнымъ казались Барбоскѣ глаза: они прыгали и вертѣлись на желтомъ, какъ застывшее лампадное масло, лицѣ, точно изжелта-коричневыя колесики, причемъ зрачокъ одного колесика стоялъ какъ слѣдуетъ, а зрачокъ другого уходилъ къ самому переносью.

Все, взятое вмѣстѣ, представляло какое-то жадное, обжорливое, алчное, трусливое и терпѣливое двуногое пресмы-

кающееся, нѣчто въ родѣ слабой представительницы особаго рода доморощенныхъ мелкихъ крокодиловъ, которые еще не причислены научно къ особому семейству и часто тогда только познаются своими жертвами, когда жертвы уже попадаютъ имъ на зубы.

Барбоска, котораго неотступно преслѣдовала тревога о безопасности цыпочки, разглядывая ее, не могъ не рычать и не вздрагивать: одинъ такой зеленовато-голубоватый зубъ могъ лучше всякаго ножа перехватить любое нѣжное горлышко!

— Кто это такая? спросилъ онъ у своей новой пріятельницы лисички.

— Это здѣшняя поповна.

— Поповна?

— Дà, попова дочь. Вы, вѣдь, видали поповъ?

— Видалъ одного, отца Амвросія Глаза-Завидущіе.

— Это ей близкая родня. Одна Глаза-Завидущіе вышла замужъ за Руки-Загребущія, и это ихъ дочка.

— Зачѣмъ она сюда пришла?

— За поживой.

— За поживой?!

Онъ впился сверкающими глазами въ Глаза-Завидущіе Руки-Загребущія и залаялъ.

— Ахъ, онъ меня укуситъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, милая, не бойтесь! Онъ не кусается. Фингалъ, couche! Да, Надя, такова-то моя жизнь!

— Ахъ, ужь и не говорите, Сусанна Матвѣевна! Вы всѣмъ пожертвовали, все отдали ей, а она этого совсѣмъ не чувствуетъ! Господи! бываютъ же такіе люди! Все ссорятся?

— Да, вздохнула Тобишка. — Теперь за эту бѣдную собаку... Я, право, не знаю, чтò будетъ изъ Эли!

— А чтò?

— Она ей все позволяетъ! Выростетъ ужасный палачъ изъ этой дѣвочки! Да ужь теперь, въ четырнадцать лѣтъ, она палачъ! Вчера, вообразите, раздавила муху! Я задрожала, закричала, а она только-что не смѣется!

— Ахъ — ахъ!

— Теперь ей дали въ забаву цыпленка!

— Слышала! Купили за полтинникъ у егерихи?

— Вообразите, вчера я говорю Динѣ: что̀ будетъ съ этимъ несчастнымъ цыпленкомъ, когда Эли имъ натѣшится? А она хохочетъ и отвѣчаетъ: *тогда* мы ее въ пасть къ твоей лисицѣ!

— Ахъ — ахъ!

— Какъ будто моя лисинька...

— Вы, вѣдь, знакомы съ пріѣзжей курочкой? спросила лисичка трепещущаго Барбоску.

— Съ пріѣзжей? Съ какой пріѣзжей? взвизгнулъ Барбоска, подпрядывая. — Когда она пріѣхала? Откуда?

— Не могу вамъ сказать, откуда именно. Мы недолго разговаривали... Я слышала, Эли говорила, что она ее привезла отъ какого-то егеря...

— Цыпочка! гдѣ она? что̀ съ нею?

Мрачныя подозрѣнія, которыхъ Барбоска только-что стыдился, свирѣпо пробудились въ его сердцѣ. Онъ устремилъ пылающіе взоры на кротко улыбающееся ему рыльце и испустилъ глухое рычанье, шерсть его ощетинилась...

— Не знаю, гдѣ она, отвѣчала собесѣдница, показывая видъ, что не замѣчаетъ его грубыхъ, буйныхъ ухватокъ, и въ то же время давая ему понять, что только деликатность заставляетъ ее показывать этотъ видъ незамѣчающей:—я ее уже давно не видала. Я хотѣла у васъ спросить о ней. Такое очаровательное созданіе! Въ ней что̀-то неземное!

— Но гдѣ она? гдѣ она? пролаялъ Барбоска.

— Я постараюсь это разузнать. Хотите?

— О, да!.. Нѣтъ, нѣтъ... О, какое несчастье!..

Барбоска, какъ безумный принялся неистово рыть землю передними лапами, затѣмъ вдругъ остановился, словно у него блеснула какая-то мысль, затѣмъ вскочилъ, перепрыгнулъ чрезъ голову Нади Глаза-Завидущіе-Руки-Загребущія, прыжкомъ зацѣпилъ голубой вуаль, сорвалъ волосяной арбузъ съ маковки, не обращая вниманья на ахъ и ай, стрѣлой помчался изъ рощицы и исчезъ изъ виду.

IX.

Было чудеснѣйшее ясное утро. Солнце жарко сіяло на голубомъ безоблачномъ небѣ, но въ саду подъ старыми липами, гдѣ лежалъ грустный Барбоска, зной не безпокоилъ.

Положивъ морду на переднія лапы, онъ уныло смотрѣлъ въ одну точку, на какую-то былинку. Онъ не замѣчалъ окружающаго его лѣтняго великолѣпія и думалъ свои думы.

Онъ очень упалъ духомъ съ тѣхъ поръ, какъ убѣжалъ изъ березовой рощицы.

Да и было отчего!

Тобишка вообразила, что онъ взбѣсился и въ первую минуту всѣ повѣрили полоумной старухѣ...

Впрочемъ, по правдѣ говоря, повѣрить было нетрудно, Барбоска это сознавалъ. Онъ, дѣйствительно, какъ безумный, кидался куда попало... Онъ искалъ цыпочку, лай и вой его были отчаяннымъ призывомъ, а не угрозой, не буйствомъ; но кто-же это зналъ!

Цыпочки онъ не нашелъ, хотя ему удалось проникнуть

въ комнаты налѣво, повалить тамъ какое-то зеркальцо, испугать Эли... Вмѣсто того, чтобы отвѣтить на его умоляющій лай, гдѣ цыпочка, Эли принялась кричать и вскочила на столъ...

Скоро, однако, всѣ убѣдились, что онъ въ здравомъ разсудкѣ, и превосходительство опять взялъ къ себѣ его въ кабинетъ. Вчера Дина, которой превосходительство откуда-то принесъ какія-то коробки, погладила его и потрепала за уши, старая Тобишка при всякой встрѣчѣ суетъ ему въ пасть какое-нибудь пирожное.

Но развѣ все это можетъ утѣшить въ разлукѣ съ названой сестрицей, съ драгоцѣнной цыпочкой?

Небо! до чего безсиленъ, до чего ничтоженъ всякій песъ! Какое-то превосходительство, которое ему совершенно неизвѣстно, беретъ его, надѣваетъ на него ошейникъ и лишаетъ всѣхъ радостей жизни!

Барбоска взвылъ...

— Ахъ, кто это воетъ въ такую прекрасную погоду, когда все цвѣтетъ и благоухаетъ? Вотъ чудакъ! прощебетала молодая чечотка, порхая съ вѣтки на вѣтку надъ его головою. — Надо пѣть и веселиться! Вотъ чудакъ!

Раздраженный Барбоска вскочилъ на всѣ четыре лапы, но, увидавъ крошечную головку, въ которой едва могла помѣститься какая-нибудь капля мозгу, онъ снова упалъ на траву, прорычавъ съ горечью:

— О, чечотки!

И снова взвылъ.

Онъ взвылъ еще пуще, когда вдругъ около самой той липы, подъ которой онъ лежалъ, раздался голосъ Тобишки:

— Фингалъ! Фингалъ! Милая собачка! вотъ тебѣ кренделекъ!

И она начала совать ему въ пасть какіе-то кусочки.

— Оставьте меня! оставьте меня! завизжалъ Барбоска.

— Чтò-жь ты не кушаешь, Фингаликъ, а? Кушай, кушай, славный мой песикъ!..

— Оставьте же меня, Бога ради! визжалъ Барбоска.— Неужто вы думаете, что мнѣ пріятно ваше вниманье? Не глядите на меня такими сладкими глазами! Я разъ видѣлъ, какою злобой, какимъ коварствомъ они исполнены, и этого довольно! Кто лицемѣритъ съ людьми, тому и собаки не вѣрятъ! Вы думаете, что если сунуть собакѣ какой-нибудь лакомый кусочекъ, такъ она сейчасъ и возведетъ васъ въ доброе созданіе? Уйдите отъ меня, безтолковая шутиха!

— Фингалочка, чтò съ тобою? Кушай, кушай...

Она его не понимала.

Она вообще не понимала, до чего можетъ надоѣсть, пока ей этого не высказывали чистымъ русскимъ или французскимъ языкомъ.

Барбоска умѣлъ только лаять!

И это къ счастью для него: иначе добрая Тобишка поспѣшила-бы сплести ò немъ такія кружева, что у всего собачьяго рода шерсть стала-бы дыбомъ и всѣ шавки кинулись-бы рвать его...

Но юный Барбоска не умѣлъ заглядывать такъ далеко въ будущее, а главное, презиралъ всякія житейскія мудрости.

Видя, что Тобишка не понимаетъ лая, онъ зарычалъ такъ, что она отшатнулась, воспользовался этимъ и кинулся отъ нея бѣжать.

— Пусть разсказываетъ, что я взбѣсился! думалъ онъ, забившись подъ низкія вѣтви громаднаго куста калины: — мнѣ все равно!

Онъ закрылъ глаза и на нѣкоторое время впалъ въ какое-то забытье.

Легкій шорохъ заставилъ его очнуться и приподнять голову.

Силы небесныя! что̀ онъ увидѣлъ!

Какъ разъ противъ куста калины, на дорожкѣ, усыпанной желтымъ пескомъ и испещренной движущеюся тѣнью ближнихъ древесныхъ вѣтвей, стояла цыпочка и что̀-то клевала!

Да̀, цыпочка! цыпочка! хотя ее скорѣе угадало его вѣрное, преданное сердце, чѣмъ признали глаза — до того она выросла, пополнѣла, разцвѣла.

Неожиданная радость чуть не лишила его чувствъ... Онъ даже не могъ взвизгнуть и съ минуту не былъ въ состояніи вскочить съ мѣста.

— Цыпочка! вырвалось, наконецъ, изъ его груди и онъ ринулся къ любимицѣ сердца.

Цыпочка громко кудахтнула и, растопорщивъ крылышки, побѣжала въ кусты.

— Цыпочка! цыпочка! Это я! это я!

Но она не слушала. Когда онъ уже настигалъ ее, она взлетѣла на вѣтку старой груши, но сорвалась и упала ему въ лапы.

— Цыпочка, сокровище мое! это я! Узнай меня! Это я! я! я!

— Ахъ, тише! тише! Что̀-жь ты такъ лаешь? Тише! Ахъ, ты меня всю измялъ! Кто-то, кажется, идетъ... Пусти! пусти!..

Она высвободилась изъ его лапъ, отпрыгнула шага на два, оглянулась во всѣ стороны и поспѣшно начала расправлять перышки.

— Цыпочка, что̀ съ тобой! Гдѣ ты живешь? Хорошо-ли тебѣ? Я все тебя искалъ... Наконецъ-то тебя вижу! Ка̀къ тебѣ жилось? Ка̀къ живется? Ты поправилась... Ты, кажется, довольна?

— Ахъ, какъ ты громко лаешь! Прошу тебя, по-тише! Кто-нибудь услышитъ, подумаетъ Богъ вѣсть что̀... Вотъ ты опять разѣваешь пасть...

Но Барбоска разинулъ пасть не лаять, а потому, что горло ему словно сдавили въ желѣзныхъ тискахъ. Жалкой гримасы, исказившей при этомъ его добрую морду, не видали, по счастью, ни чьи посторонніе глаза и никто, благодаренье небу, не могъ, значитъ, «подумать Богъ вѣсть чего».

Слова цыпочки подѣйствовали на него, какъ пригоршня мелкаго каенскаго перцу, вкинутая въ пасть, которая-бы разинулась въ ожиданьи восхитительнаго лакомства, но онъ не сталъ ни визжать, ни выть, а постарался оправиться и тихонько попросилъ названную сестрицу:

— Разскажи-же мнѣ, цыпочка, все, что̀ съ тобою было съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались. Ты все время была довольна?

— О, да̀, очень довольна! отвѣчала цыпочка. — Знаешь, меня кормятъ и печеньемъ, и ягодами, и червячками, и зерномъ, и котышками; что̀ хочу, то и клюю! А ужь что за котышки! Ты не можешь себѣ и вообразить! А какое у меня гнѣздышко! Мягкое — мягкое, теплое — теплое — восторгъ! заключила цыпочка съ паѳосомъ.

— Гдѣ-жь ты живешь, цыпочка?

— Я живу въ саду, у меня...

— Въ саду? Въ этомъ самомъ саду?

— Ну, разумѣется, въ этомъ самомъ! У меня прелестный рѣшетчатый домикъ! Перекладинки точеныя, насѣстъ, просто, божественный! Одинъ пухъ!

— Это близко отсюда?

— Очень близко. Вонъ въ концѣ той аллеи!

— Какъ-же ты не слыхала меня? Я здѣсь часто бѣгалъ, часто призывалъ тебя...

— Ахъ, я слышала...

— Слышала? слышала?

— Конечно...

— И не откликнулась даже? О, цыпочка!

— Какъ-же мнѣ было откликаться? Я не знала, что̀ тутъ дѣлается, почему ты такъ лаешь... Почему ты такъ лаялъ?

Барбоска постарался справиться со второю пригоршней каенскаго перцу и отвѣтилъ:

— Я не зналъ, гдѣ ты, и безпокоился!

— Все-таки, зачѣмъ-же такъ лаятъ! Знаешь, что всѣ говорили? «Вотъ неучъ собака!» Пожалуйста, никогда не лай...

— О, цыпочка!

— Не называй меня цыпочкой, прошу тебя! Это какъ-то странно звучитъ...

— Какъ-же мнѣ тебя называть!

— Авдотьей Ѳедотовной. Меня теперь всѣ зовутъ Авдотьей Ѳедотовной!..

— Ахъ, цыпочка! я думалъ, что я всегда останусь для тебя Барбоской, а ты для меня останешься...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Ты теперь Фингалъ! Это гораздо лучше! Ну, что̀ за имя Барбоска? Фи!

— Цыпочка!

— Авдотья Ѳедотовна! Запомни-же, пожалуйста... если меня любишь... Ну, запомнишь?.. Не забудешь?..

— Запомню. Не забуду.

— И ты ужь будешь Фингалъ, да̀? И не станешь откликаться, если кто тебя покличетъ Барбоской?

— Да̀... не стану...

Бѣдный песъ какъ-то одурѣлъ отъ горестнаго изумленія. Голова у него горѣла, мысли путались, сердце тяжело, мучительно билось...

— Пойдемъ, посмотримъ на мой домикъ! пригласила Авдотья Ѳедотовна. — Ты увидишь, что̀ это за прелесть!

Онъ всталъ и покорно послѣдовалъ за нею по аллеѣ.

— Ты только, пожалуйста, иди прилично, Фингалъ, не кидайся въ стороны, не скачи, внушительно замѣтила Авдотья Ѳедотовна.—Пойми, что здѣсь не то, что̀ у Тришкиныхъ! Понимаешь?

— Понимаю.

— Когда мы будемъ проходить мимо розовой куртины, такъ навѣрное увидимъ куръ и пѣтуховъ! Они такъ тамъ и дежурятъ! Ты не гляди въ ихъ сторону, мы сдѣлаемъ видъ, будто ихъ не замѣчаемъ... Вонъ они! Поверни голову сюда, къ липѣ...

Онъ покорно исполнилъ приказанное.

— Слышишь, закудахтали? шепнула Авдотья Ѳедотовна. — Не оглядывайся, не оглядывайся! Дѣлай видъ, будто не видишь и не слышишь... Тутъ есть пѣтухъ очень хорошей фамиліи — Краснокрылъ, но онъ разорился и не имѣетъ никакого положенія въ обществѣ... Ну, теперь оглянись, какъ будто нечаянно .. Видишь ихъ? Краснокрыла видишь?

— Да̀, вижу...

— Краснокрыла?

— Тамъ ихъ много, отвѣчалъ бѣдный песъ, машинально обращая глаза на рѣшетчатыя ворота въ садовой оградѣ, черезъ которыя зазирали круглые, блестящіе глаза, мелькали красные гребни и разноцвѣтные зобы.

— Ахъ, какой ты! Да куда-жь ты?

— Я подойду поближе...

— Помилуй, помилуй!.. Перестань-же глядѣть туда... Они подумаютъ, что я очень ими занята...

Авдотья Ѳедотовна нѣсколько нахохлилась, но лестное вниманье трехъ во̀роновъ, выглядывавшихъ на нея изъ-

за вѣтвей раскидистой ивы, снова привело ее въ хорошее расположенье духа.

— Видишь? видишь?

— Что̀? спросилъ ея горемычный спутникъ.

— Ахъ, какой! Да во̀роновъ!

— Гдѣ?

— Ахъ, Боже! да не останавливайся! Иди, какъ будто не знаешь, что они тутъ...

Во̀роны проводили ихъ до самаго рѣшотчатаго домика, перелетая съ ивы на тополь, съ тополя на другой, съ этого на липу, посылая вслѣдъ Авдотьѣ Ѳедотовнѣ весьма одобрительное карканье, и, наконецъ сѣли на громадную старую грушу, какъ разъ противъ изящнаго насѣста красавицы.

— Ну, вотъ видишь мой домикъ, нравится? спросила Авдотья Ѳедотовна, граціозно вспрыгивая на первую перекладинку, то небрежно развертывая, то небрежно свертывая крылышки, поводя головкою, поправляя хохолокъ, то сверкая глазками, то закатывая ихъ, то сжимая клювикъ, то запуская его въ свой крапчатый зобикъ.—Нравится?

— Нравится, отвѣчалъ бѣдняга.

Онъ чуялъ, онъ видѣлъ, что всѣ граціозныя эволюціи крылышками и глазками, головкою и клювикомъ къ нему, злополучному псу, не имѣютъ никакого отношенія, но предназначены единственно для носатыхъ черныхъ птицъ, которыя глядѣли съ старой груши, щурили свои воровскія буркалы и нагло вертѣли головами.

— Вотъ моя чашечка для воды... Вотъ мое блюдечко для зернышекъ... Эли сама мнѣ насыпаетъ кормъ!

— Эли? машинально повторилъ удрученный Барбоска.

— Да̀, да̀, Эли! Эли со мной очень дружна! Она говоритъ, что еще никогда отъ роду не видала такой куроч-

ки, какъ я! Она говоритъ, что я, какъ двѣ капли воды, похожа на одну ея знакомую знаменитую принцесу, которая несла золотыя яички... Она говоритъ, что у меня... Ахъ, Боже мой!

Послѣднее восклицанье относилось къ молодому щеголю павлину, который остановился у рѣшотчатыхъ дверецъ Авдотьи Ѳедотовны и, улыбаясь, распускалъ свой вѣеръ.

— Какова погода! громко и рѣзко объявилъ подошедшій и улыбнулся такъ самодовольно, словно погода хороша была только по его милости.

— Ахъ, прелесть!

— Я люблю хорошую погоду: въ хорошую погоду можно гулять.

— Ахъ, да̀!

— Я не люблю дождя: въ дождь весь измокнешь.

— О, да̀!

— Пріятно имѣть вкусный кормъ, а имѣть дурной — непріятно!

— Ахъ, какъ это справедливо!

— Мнѣ нравится, какъ блеститъ солнце.

— О, удивительно!

— Удивительнѣй всего оно блеститъ у меня на хвостѣ!

— Ахъ, невыразимо!..

— Прощай, цыпочка, сказалъ Барбоска: — мнѣ пора... Еслибы онъ сказалъ «мнѣ не въ мочь» это было-бы точнѣе!

Авдотья Ѳедотовна встрепенулась, словно на нее щедро брызнули ключевой водой, глазки ея сверкнули досадой и перышки взъерошились.

Она сдѣлала видъ, что желаетъ перелетѣть повыше на другую перекладинку и при взлетѣ пропустила сквозь клювикъ:

— Опять «цыпочка»!

*

— Прощай, Авдотья Ѳедотовна, мнѣ пора...

— Прощай, Фингалъ...

«Фингалъ» долетѣло до него, когда онъ уже былъ за розовой куртиной, потому что, боясь зарыдать, онъ стремглавъ кинулся отъ рѣшетчатаго домика по аллеѣ, въ глубину сада.

X.

Понятно, что всю остальную часть этого дня Барбоска провелъ въ горестномъ изумленіи, которое сначала выражалось то неистовымъ бѣгомъ, то катаньемъ по землѣ, то скусываньемъ цвѣточныхъ головокъ, то рытьемъ цвѣтниковъ, то лаемъ, то визгомъ, а затѣмъ безсильною неподвижностью въ углу кабинета превосходительства, потерей апетита и сна, нытьемъ всего существа, тихимъ визгомъ и проч. и проч. и проч.

Понятно и то, что на другой день Барбоска, даже не дождавшись часа вчерашней встрѣчи, побѣжалъ на садовую дорожку, усыпанную желтымъ пескомъ, на то самое мѣсто, гдѣ наканунѣ увидалъ клевавшую цыпочку.

Когда на разсвѣтѣ онъ приподнялъ неосвѣженную сномъ голову, у него и мысли не было искать новаго свиданья съ названной сестрицей.

Когда онъ лежалъ, обхвативъ лапами голову, и безцѣльно смотрѣлъ на разгоравшуюся все ярче и ярче розовую полосу на востокѣ, онъ думалъ о томъ, ка̀къ она отрекалась отъ своего прежняго имени, ка̀къ хотѣла заставить его отречься отъ своего, какимъ несчастнымъ простофилей онъ

стоялъ у дверецъ рѣшотчатаго домика, а она кудахтала съ павлиномъ...

— Отчего я не откусилъ голову этой безмозглой птицѣ? задавалъ онъ себѣ вопросъ. — Отчего я, по крайней мѣрѣ, не истрепалъ его вѣеръ, не повыдергалъ этихъ отвратительныхъ перьевъ, не оборвалъ радужнаго галстуха?

Когда засіяло солнце, онъ пришелъ къ твердому убѣжденію, что больше ему видѣться съ цыпочкой ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ, и порѣшилъ, что порядочный песъ, песъ, у котораго сохранилось чувство собственнаго достоинства, не долженъ поддаваться слабости.

Онъ улегся по-спокойнѣе, какъ тварь, которая собирается отдохнуть подольше, закрылъ глаза, словно хотѣлъ заснуть и...

И вдругъ вскочилъ, какъ обожженный, и пустился на мѣсто вчерашней встрѣчи...

Очутившись на дорожкѣ у калиноваго куста, вы, быть можетъ, воображаете, что онъ смутился своею непослѣдовательностью, или хоть подумалъ о ней, или хоть замѣтилъ ее?

Какъ-бы не такъ!

Онъ метался, какъ угорѣлый, туда и сюда, во всѣ четыре стороны и поглощенъ былъ единственно вопросомъ: придетъ или не придетъ она? Скоро-ли покажется? Ну, какъ не придетъ?

Онъ помнилъ ея внушительное наставленье «не врываться» и минутъ съ пять ему казалось немыслимымъ отправиться прямо къ рѣшотчатому домику, но на седьмой минутѣ онъ уже началъ убѣждаться, что, въ важныхъ случаяхъ жизни, возможно и даже должно преступать тѣ зароки, которые «ни къ чему не ведутъ».

Неизвѣстно, какъ-бы поступилъ онъ на восьмой минутѣ, еслибы Авдотья Ѳедотовна не показалась въ концѣ аллеи.

— Здравствуй, цыпочка... Авдотья Өедотовна... Ты, вѣдь, не разсердилась, что я вчера убѣжалъ... такъ... такъ... скоро... не простясь...

— Ты, вѣдь, прощался!

— Да̀... разумѣется... но такъ на̀скоро... Мнѣ нездоровилось, поэтому, я спѣшилъ... Такъ ты не сердишься на меня?

— Нѣтъ.

— Я былъ очень разстроенъ... Разумѣется, это глупо... Какая ты сегодня веселая! Тебѣ очень весело?

— Очень! Вообрази, эта глупая индѣйка вздумала распускать слухи, будто я къ ней приду съ визитомъ!

Она даже не замѣтила вчера его волненья и печали! Она не обратила никакаго вниманья на его слова!

— Индѣйка?

— Да̀, индѣйка! Какъ тебѣ это покажется?

— Тебя занимаютъ индѣйки, цып... Авдотья Өедотовна?

— То-есть, какъ это «занимаютъ»? Что̀ ты хочешь этимъ сказать? Пожалуйста, не придумывай глупостей, Фингалъ! Ты вѣчно меня разстроиваешь!

— Я? тебя?

— Да̀, *ты! меня!*

— Но...

— Ужь, пожалуйста, безъ *но!* У тебя ужасный характеръ! Ты всегда постараешься смутить мою веселость! У тебя на это особенный талантъ!

Бѣдный Барбоска — или, точнѣе, Фингалъ, такъ какъ онъ ужь рѣшительно былъ перекрещенъ изъ Барбоски въ Фингала — могъ только хлопнуть себя лапами по ушамъ.

Уши эти, безъ сомнѣнія, имѣли ложный слухъ!

Весь этотъ бойкій потокъ гладкихъ упрековъ вылетѣлъ изъ клювика цыпочки... Авдотьи Өедотовны?..

Да и по глазамъ пришлось провести лапою, потому что, безъ сомнѣнія, и зрѣніе было ложное...

Это робкая, скромная, застѣнчивая, пугливая цыпочка съ такою небрежною граціей расправляетъ перышки? Это она такъ ловко, съ такимъ навыкомъ взбиваетъ свой хохолокъ и изъ простаго, обыкновеннаго хохолка превращаетъ его въ какой-то кудрявый каскадъ?

Откуда-жь все это взялось?

— Ты очень перемѣнилась, цыпочка!

— Опять цыпочка! Это ужасно, Фингалъ! Неужто тебѣ пріятно меня мучить этимъ противнымъ именемъ! Я удивляюсь!

— Извини...

— Не буди, прошу тебя, ужаснаго прошлаго!.. Я хочу позабыть прошлое!

— Позабыть прошлое?!

— Ну, дà, разумѣется! Чтò-жь въ этомъ прошломъ? Одна гадость! А ты все мнѣ напоминаешь!

Онъ хотѣлъ напомнить, что въ прошломъ ихъ знакомство, дѣтская дружба и привязанность, общія надежды и мечтанья, взаимныя утѣшенія въ скорби, но почему-то не напомнилъ этого, а только повторилъ:

— Какъ ты перемѣнилась!

— Ты находишь? спросила она, окидывая себя самодовольнымъ взглядомъ. — Можетъ быть, тебѣ это только такъ кажется?

— Мнѣ кажется? Ты говоришь мнѣ кажется? Повтори это, повтори, и я готовъ вѣрить!.. Я вѣрю!..

— Ахъ, какой ты странный Фингалъ! рѣзко замѣтила Авдотья Ѳедотовна, нахохливаясь: — я, право, тебя не понимаю! Скажи, пожалуйста, чего ты отъ меня хочешь? Чтò-жь ты смотришь на меня какими-то растерянными глазами? Это, право, ужасно! За чтò ты отравляешь мнѣ жизнь?

Или тебѣ завидно, что мнѣ хорошо здѣсь и весело? Что̀-жь ты молчишь и весь дрожишь? Я-же и виновата! Вотъ всегда такъ! Если ты злишься, такъ я лучше уйду!

— Нѣтъ, нѣтъ, я не сержусь... Я только хотѣлъ поговорить съ тобою... хотѣлъ тебя спросить...

— Что̀ это? Вѣрно про павлина?

— Какое мнѣ дѣло до этой глупой птицы!

— Я-бы тебѣ совѣтывала быть поучтивѣе... Ты, право, похожъ на Тришкиныхъ!..

— Я...

— Ради Бога, тише! Сюда, кажется, идутъ цесарки...

— Никого нѣтъ!

— Все равно, потише. На меня ужасно непріятно дѣйствуетъ, когда ты начинаешь метаться или на всю околицу лаешь... И всѣ смотрятъ на такія манеры съ удивленіемъ, всѣ насмѣхаются... Знаешь, что̀ мнѣ сказала Дорочка? Какъ только насъ познакомила Эли, она сейчасъ-же ко мнѣ съ вопросомъ: «скажите, пожалуйста, что̀ это за дикобраза привезли вмѣстѣ съ вами?» Я ужасно смутилась. «Его», говоритъ, «безъ американскаго намордника нельзя никуда пускать!» Тебя, кажется, это нисколько не трогаетъ?

— Пускай эта собаченка брешетъ, сколько ей угодно!

— Фингалъ! cela n'a pas de nom! Ты знаешь, кто такая Дорочка?

— Тобишкина фаворитка?

— Фаворитка Сусанны Матвѣевны!

— Ну, да̀. Я называю ее Тобишкой, потому что она похожа лицомъ на Тобишку...

— Фингалъ! ты меня убьешь!

И Авдотья Ѳедотовна присѣла на траву, растопорщила крылышки и завела глазки подъ самый хохолокъ.

— Помилуй, чего-жь ты такъ этимъ разстроиваешься? Развѣ она непохожа на Тобишку? Помнишь Тобишку?

— Говорить такія оскорбительныя вещи!

— Кому-же оскорбительныя? Ужь, конечно, не двуногой, потому что четвероногая въ сто тысячъ разъ лучше!

— Ахъ, Боже! какъ ты разозлился! Я, право, боюсь, чтобы на тебя не надѣли этотъ американскій намордникъ!

— Изъ-за кого ты надо мной издѣваешься!

— Пожалуйста, не начни опять лаять! Я уйду...

— Я лаять не стану, не бойся, не уходи!.. Выслушай... Я хочу, чтобы ты знала, за кого ты заступаешься, чтобы ты знала, кто тебя окружаетъ!

И онъ съ пламеннымъ визгомъ и рычаньемъ подробно передалъ ей все, что̀ видѣлъ и слышалъ.

— Теперь ты ужь не скажешь, что я нападаю! заключилъ онъ, переводя дыханье и въ изнеможеньи склоняясь головой въ траву...

— Я только скажу, Фингалъ, что не слѣдуетъ намъ мѣшаться въ чужія дѣла!

— Что̀ ты хочешь сказать?

— Не вскакивай-же, лежи смирно! Я хочу сказать, что не слѣдуеть намъ мѣшаться въ чужія дѣла — больше ничего!

— То-есть, равнодушно смотрѣть на...

— Да. Зачѣмъ тебѣ принимать къ сердцу ихъ лицемѣріе, какъ ты называешь, и обманы? Пусть ихъ!

— Какъ!..

— Такъ.

— Или я начинаю бѣситься, или...

— Да̀, начинаешь! Помни, Фингалъ, что мы въ ихъ власти, и если тебѣ все равно, то мнѣ... Пожалѣй хоть меня! Теперь меня всѣ подчуютъ катышками, а если ты будешь... Тсс! сюда идетъ Дорочка... Фингалъ! умоляю

тебя, если ты хотя капельку меня любишь и жалѣешь, не дѣлай скандала... Ради Бога, веди себя прилично! Фингалъ! если любишь меня, хоть капельку... Здравствуйте! Вотъ пріятная встрѣча!

Послѣднее относилось къ старой, черной, растрепанной собаченкѣ, которая, то помахивая кудрявымъ хвостомъ, то свертывая этотъ хвостъ колечкомъ, легкой рысцей бѣжала по дорожкѣ.

— Здравствуйте, моя красотка! отвѣчала собаченка, пріостанавливаясь и обращая свои живые смышленые глаза, надъ которыми красовалось по желтобурому пятнышку въ родѣ фронтончика, на Авдотью Ѳедотовну и ея собесѣдника. — Наслаждаетесь прогулкой?

— Дà! Погода такая чудная!

— Недурна, недурна...

— Только солнце свѣтитъ немножко ярко...

— Мы, старыя собаки, на это не жалуемся; солнечный свѣтъ помогаетъ, говорятъ, отъ ревматизмовъ...

— Позвольте представить вамъ моего... моего давняго знакомаго, Фингала Ивановича Лягаваго... Вы такъ добры, что вѣрно не откажете ему въ вашихъ дружескихъ совѣтахъ; онъ здѣсь между чужими...

Темные живые глаза, изукрашенные желтобурыми пятнышками, въ видѣ фронтончиковъ, уже давно замѣтили и узнали необузданнаго щенка, врывавшагося въ залу; отъ нихъ не ускользнуло и то, что представленье пришлось въ самое неблагопріятное время, такъ какъ шерсть на представляемомъ вся ощетинилась и зубы оскалились не въ улыбку, но, тѣмъ не менѣе, глаза обратились на мрачную морду весьма развязно и въ отвѣтѣ выразилась доза привѣтливости, требуемая общежитіемъ.

— Очень пріятно познакомиться! Дора Шпицъ-Пинчеръ, дѣвица...

— Удивительно, милостивая дѣвица Дора Шпицъ-Пинчеръ, что вы находите пріятность въ знакомствѣ съ собакой, которую, по вашему мнѣнію, нельзя никуда пускать безъ американскаго намордника! отрычалъ злополучный буянъ, впиваясь въ ея черную кудрявую мордочку налившимися кровью глазами.

— Фингалъ! Фингалъ! О, Фингалъ! кудахтнула Авдотья Ѳедотовна и, совершенно растерявшись, метнулась вправо, метнулась влѣво, затѣмъ, припала къ землѣ.

— Мнѣ дурно! Ахъ!.. Кво—кво!

Сердечный песъ забылъ все, кинулся на колѣни и принялся молить красавицу, чтобы она успокоилась.

— О! это меня убьетъ! слабо пискнула Авдотья Ѳедотовна:—это хуже кастрюли... Хуже сковороды... Кво!.. Кво!.. Кво!..

— О! что̀ я надѣлалъ! что̀ я надѣлалъ! прости! прости!.. Прикажи!.. вели!.. Я готовъ...

Онъ наклонился надъ ея безпомощно уткнутой въ траву головкой и съ тоской прислушался, дышетъ-ли она.

— Обѣщай, тихо квокнула Авдотья Ѳедотовна:—обѣщай, что ты извинишься... что будешь любезенъ съ ней... Обѣщай!.. Дай слово!..

— Обѣщаю! обѣщаю!

— Тише... Дай честное слово!

— Даю! даю!

— Помни-же: далъ честное слово! Кто честному слову измѣняетъ, тотъ... Такъ честное слово?

— Честное слово!

— Иди-же, извинись!

— Но ты... Я помогу тебѣ встать...

— Иди, извинись! О, Фингалъ, ты меня уморишь!

Одурѣлый песъ поднялся, обратился къ дѣвицѣ Шпицъ-Пинчеръ и провылъ:

— Извините мое незнанье приличій... Позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтенье...

Шпицъ-Пинчеръ, отступившая при началѣ суматохи шага на три въ глубину аллеи и наблюдавшая за происходящимъ съ видомъ философа во всѣхъ отношеніяхъ, исключая статьи касательно презрѣнья свалокъ и личныхъ оскорбленій, поняла, ка̀къ дорого сто̀итъ бѣднягѣ это извиненіе, приблизилась и прогавкала:

— Охотно извиняю вамъ, юноша, охотно — охотно — охотно! Въ свою очередь, прошу васъ извинить мнѣ неосторожное слово и нѣсколько рѣзкій пріемъ въ залѣ... Я, впрочемъ, существеннаго вреда вамъ не нанесла: я вырвала у васъ изъ боку самый крошечный клочекъ — всего какихъ-нибудь десятка два шерстинокъ... При пышной густотѣ вашей волнистой шерсти, это совсѣмъ незамѣтно... Что касается до отзыва о вашей неукротимости, то его можно объяснить и иначе, — не какъ порицанье, а какъ своего рода похвалу: псы, которые лаютъ, юноша, не хуже псовъ, которые лижутъ; нерѣдко они неизмѣримо лучше! Теперь дайте мнѣ вашу лапу, вотъ такъ! и пойдемте ко мнѣ. Я угощу васъ превосходными телячьими косточками! Что они превосходны, въ этомъ можете повѣрить Дорѣ Шпицъ-Пинчеръ — она толкъ знаетъ!

— Извините... но я не могу... Авдотья Ѳедотовна... Авдотьѣ Ѳедотовнѣ...

— Она сейчасъ оправится! Вставайте, душенька, вставайте! не терзайте вашего пылкаго друга!

Авдотья Ѳедотовна, которая, лежа въ травѣ и слѣдя глазкомъ за физіономіями объясняющихся, то испуганно захлопывала, то тревожно вытаращивала этотъ глазокъ, проквохтала:

— Ахъ, какъ я рада! Вы простили Фингала? Онъ никогда уже не будетъ! Никогда!..

Авдотья Ѳедотовна была чрезвычайно пріятно удивлена добродушною снисходительностью старой Доры и, разумѣется, не рискнула омрачить ея хорошее расположеніе духа какимъ-нибудь прекословіемъ. Она тотчасъ-же поднялась, расправила перышки и развеселилась.

Удивленъ былъ чрезвычайно и «пылкій другъ» быстротой, съ какою Авдотья Ѳедотовна совершенно оправилась; но, увы! нельзя сказать, чтобы онъ былъ удивленъ пріятно!

— Чтò-жь, посѣтите вы меня? спросила старая Дора.

— Дà, дà, поспѣшила отвѣтить за своего друга Авдотья Ѳедотовна. — Иди, Фингалъ!.. Иди-же...

— Иду...

— А вы, душенька? спросила учтивая старушка.

— Ахъ, я не могу! Я, къ сожалѣнью, обѣщала одной знакомой ждать ее здѣсь!..

— А! Ну, чтò-жь, дѣлать нèчего, до другого разу... Идемте, Фингалъ!

— Иди-же, Фингалъ! внушительно — очень внушительно! — кудахтнула Авдотья Ѳедотовна.

И, любезно раскланиваясь съ вліятельною фавориткой, добавила какъ-бы въ объясненье своего понуканья:

— Онъ такой разсѣянный!

Фингалъ побрелъ слѣдомъ за новой знакомой къ дому, къ балкону съ колоннами, черезъ который они проникли въ огромную комнату, гдѣ занавѣси и портьеры были еще пышнѣе, а куколки еще многочисленнѣе, чѣмъ въ кабинетѣ превосходительства.

— Гостиная, пояснила старая Дора.

Въ гостиной лежала въ креслѣ, какъ она всегда любила лежать, откинувъ головку, Дина, а у ея ногъ на скамеечкѣ сидѣла Надя Глаза-Завидущіе-Руки-Загребущія.

Онѣ были заняты разговоромъ и не замѣтили вошедшихъ.

Фингалъ слышалъ, какъ Надя Глаза-Завидущіе-Руки-Загребущія говорила:

— Ахъ, какой вы ангелъ! А Сусанна Матвѣевна этого не умѣетъ цѣнить!

— Она только цѣнитъ свою скверную собаченку!

— Ахъ, прескверная собаченка! Я-бы ее просто пришибла!

— Когда будете приготовлять ей припарку, всыпьте немножку перцу! Ха—ха—ха!

— Ха—ха—ха! А какъ Сусанна Матвѣевна узнаетъ? Она меня съ свѣту живетъ! Начнетъ кричать, что я неблагодарная, что она обѣщала мнѣ шалевый платочекъ...

— Я вамъ отдамъ свою лиловую тальму!

— Ахъ, Дина Матвѣевна! какъ это можно! Такая прекрасная тальма...

— Она мнѣ ненужна!

— Ахъ, Дина Матвѣевна!

Пріостановившійся Фингалъ взглянулъ на поджидавшую его на порогѣ въ слѣдующій покой проворную старушку и не безъ горечи улыбнулся.

Но она, хотя не хуже его слышала, какъ ее честили и что противъ нее замышляли, ничуть, повидимому, этимъ не огорчалась, а принимала, какъ вещь совершенно обыкновенную, — какъ жужжанье мухи, или пѣнье птицы. На горькую улыбку Фингала она отвѣтила улыбкой безпечной, какъ-бы говоря:

— Знаю, давно знаю!

И кивнула, приглашая за собой дальше.

— Вотъ моя конурка! указала она, когда они очутились въ углу большой комнаты, изувѣшанной безчисленными портретами, изуставленной безчисленными коробочками, баульчиками, вазочками, тумбочками, подставочками, подвѣсочками, подпорочками, крючками, ящичками,

пяльцами, бутылочками, флакончиками, шкатулочками, альбомчиками, футлярчиками, бомбоньерочками, чашечками, точно сюда свалена была цѣлая партія никому ни на что̀ ненужныхъ вещей. Не взирая на изрядное количество цвѣтовъ, здѣсь пахло прогорклымъ миндальнымъ молокомъ. Старый попугай, смотрѣвшій совершеннымъ идіотомъ, то взбирался, то спускался по своей мѣдной лѣсенкѣ и таращилъ глаза по сторонамъ.

— Вотъ телячьи косточки... вотъ желе... подчивала хозяйка. — Кушайте, любезный гость...

Гость благодарилъ, но даже весь смакъ телячьихъ косточекъ, очевидно, не могъ живительно подѣйствовать на его упадокъ духа. Онъ ни разу не зажмурился отъ наслажденья, какъ его любезная хозяйка: онъ медленно, разсѣянно, томно грызъ каждый кусочекъ, и бралъ эти кусочки даже не глядя, что̀ беретъ.

— Полноте, юноша, обратилась къ нему хозяйка дружески наставительнымъ тономъ: — позволительно-ли такъ грустить!

— Помилуйте, я вовсе не грущу... началъ-было бѣдняга, но мыши такъ невыносимо заскребли на его юномъ, нѣжномъ сердцѣ, что онъ не выдержалъ стоической роли и заключилъ жалобнымъ, негодующимъ лаемъ:

— О, жизнь!

— Вы жалуетесь на жизнь, юноша? Не порицаю васъ за это, потому что знаю, какое это трудное дѣло; но позволю себѣ замѣтить, что у васъ еще много надеждъ впереди и — нѣтъ ревматизма!

— Надежды? Какія надежды? Къ чему онѣ приведутъ, если... У меня нѣтъ надеждъ!

— Вы теперь черезчуръ огорчены и смотрите слишкомъ мрачно на все окружающее... Вы рѣшительно не хотите взять этой косточки? Съ мозжечкомъ!

— Благодарю...

— Ну, такъ сядьте вотъ сюда, на постилку. А я съ вашего позволенья лягу... Ревматизмъ проклятый!.. Поговоримъ по душѣ. Ваше чистосердіе, неопытность и пылкость меня трогаютъ. И я когда-то была такова! Я-бы желала, для вашей пользы, дать вамъ нѣсколько совѣтовъ. Вы не разсердитесь?

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ уныло.

— Знаете, что̀ сказалъ одинъ мудрецъ?

— Какой мудрецъ?

— Я забыла его имя; но, кажется, онъ былъ изъ породы линей.

— Что̀-же онъ сказалъ?

— Онъ сказалъ: не будь слишкомъ сладокъ—проглотятъ! не будь черезчуръ горекъ — расплюютъ! Ходи какъ линь по дну. Понимаете?

— Не совсѣмъ. Я не знаю, ка̀къ лини ходятъ по дну.

— Весьма осмотрительно.

— Вы хотите сказать, что надо быть осмотрительнымъ?

— Да̀, то-есть, говоря яснѣе, надо быть уживчивѣе, приноровливаться нѣсколько... соображаться съ обстоятельствами... Ахъ, любезный юноша! безъ этого нельзя! Очень горько придти къ такому заключенью, но, рано или поздно, всѣ приходятъ! Вы думаете, мнѣ сладко лизать ручки моей Сусанны? Вѣдь, это все равно, что лизать прокислый грибъ въ постномъ маслѣ; а что̀ дѣлать, лижу!

— А зачѣмъ вы лижете?

— А затѣмъ, что она-бы меня не выкинула изъ дому.

— Ну, и пусть бы выкинула!

— А кто-бы мнѣ далъ мягкую постилку и телячьи косточки? Ахъ, юноша! юноша! вѣдь, у меня ревматизмъ. Будь онъ у васъ, вы-бы залаяли другое!

— Я?!

— Вы не знаете, что̀ такое ревматизмъ во всѣхъ четырехъ лапкахъ, а потому вамъ и простительно такъ самонадѣянно взвизгивать! Послушайте, что̀ собсвнтено вамъ такъ претитъ въ этомъ... изъявленіи привѣта? Это просто общепринятая манера обращаться съ господами, отъ которыхъ зависитъ наше благосостояніе. Убудетъ васъ отъ того, что вы лизнете какую-нибудь противную руку? Вѣдь, не убудетъ! Это просто-на-просто такое-же скверное ощущенье, какъ, напримѣръ, пріемъ какого-нибудь отвратительнаго лекарства. А лекарство, вы, вѣрно, не станете спорить, необходимо въ болѣзни, и ка̀къ вы ни морщитесь, а пьете его. Лизните съ такимъ-же мужествомъ и противную руку, плюньте, выполоскайте хорошенько пасть и постарайтесь заѣсть чѣмъ-нибудь пріятнымъ... Напримѣръ, мыслью, что вы этимъ пріобрѣтаете возможность лежать на мягкой постилкѣ, угощать достойныхъ пріятелей... Что̀ вы такъ странно на меня смотрите?

— Вы мнѣ жалки!

— То-есть, какъ это понимать? спросила старушка, нѣсколько смущаясь.

— Вы мнѣ жалки!

— Объясните...

— Вы мнѣ жалки!

— Послушайте, вѣдь, это ничего не доказываетъ...

— Вы мнѣ жалки!

— Это ничего не доказываетъ...

(Судя, однако, потому, что она начала ворочаться на своей мягкой постилкѣ такъ безпокойно, словно ее положили на муравейникъ, можно было подумать, что это что̀-нибудь да доказываетъ).

— Послушайте, юноша...

Но въ эту самую минуту въ комнату вошла Сусанна

Матвѣевна и Надя Глаза-Завидущіе-Руки-Загребущія. Первая тотчасъ-же вскрикнула:

— А, Фингалъ! собачка! собачка! дай лапку! дай лапку!

— Дай лапку! дай лапку! повторила за ней вторая.

— Фи! какой злой! рычитъ! Стыдно!

— Стыдно, стыдно, Фингалъ!

— Вотъ моя милая Дорочка, никогда на меня рычать не станетъ! Дорочка! Дорочка!

— Дорочка! Дорочка!

Но Дорочка, хотя, точно, не зарычала, однако, и не высказала особой ласковости: она свернулась калачикомъ и только вздрагивала подъ гладившей ее рукой.

— Такъ поможете мнѣ снизать бусы, Надя?

— Ахъ, Сусанна Матвѣевна, ка̀къ вамъ не грѣхъ! вскрикнула Надя. — Я для васъ...

— Я знаю, знаю, милая!

— Ка̀къ я радуюсь, когда зайду въ вашу комнату, Сусанна Матвѣевна, такъ сердце и облегчится! говоритъ Надя, посылая одинъ глазъ въ одинъ уголъ, между тѣмъ какъ другой шаритъ въ другомъ. — Ка̀къ я люблю смотрѣть на эту картинку!

— Ахъ, на эту?

— Какая бесѣдочка!

— Я когда-то по-долгу въ ней сиживала съ Иракліемъ!

— Вотъ, я думаю, онъ счастливъ-то былъ! Вѣдь, онъ васъ любилъ, Сусанна Матвѣевна!

— Да̀, любилъ!

— Онъ и теперь любитъ, Сусанна Матвѣевна. Ей-Богу, любитъ!

— Полноте, милая!

— Ей-Богу любитъ, Сусанна Матвѣевна! Да отчего-жь не любить? Кто васъ не любитъ! Васъ всѣ...

— Ахъ, Надя!

— Вы думаете, вы измѣнились? Да вы нисколько... Вы все такія же... Вы поглядите-ка на свои глаза...

— Ахъ, эти глаза сколько слезъ пролили!

— Богъ судья за эти слезы Динѣ Матвѣевнѣ! Я ужь и не знаю, что̀ у нея за каменное сердце! Только какъ вотъ ни мучили, а вы все хороши, какъ были! Еще вы лучше теперь!.. Чѣмъ дальше, тѣмъ лучше!.. А ужь душа-то у васъ какая!

— Ахъ, Надя, вы ко мнѣ пристрастны!

— Я-то пристрастна, Сусанна Матвѣевна? Я? Когда вы надѣли тогда зеленую распашонку, такъ всѣ такъ и обомлѣли...

— Ахъ, да̀, милая! Вѣдь, я для васъ приготовила голубое платье...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не возьму, Сусанна Матвѣевна, не возьму ни за что̀ на свѣтѣ!

— Я обижусь... Я ужасно обижусь!

— Умоляю васъ, Сусанна Матвѣевна, не обижайтесь! Мнѣ совѣстно!

— Отъ меня совѣстно? Отъ меня не возьмете?

— Ужь только отъ васъ... отъ другой бы ни за что̀... Ахъ, какія вы добрыя! О всѣхъ несчастныхъ думаете и заботитесь!

Чмокъ въ плечо.

Чмокъ въ щеку.

Дора все лежала, свернувшись калачикомъ, Фингалъ все сидѣлъ на заднихъ лапахъ, и оба слушали. При раздавшемся чмоканьи, молодой гость обратилъ глаза на старую хозяйку и когда взоры ихъ встрѣтились, черную мордочку опытной въ жизни старушки такъ передернуло, что, пожалуй, излишне было-бы лаемъ объяснять языкъ глазъ.

*

— Вы *это* мнѣ совѣтуете? прорычалъ онъ, махнувъ головой на двухъ старыхъ двуногихъ.

— О, юноша! вы не такъ все принимаете... у васъ нѣтъ ревматизма...

— Прощайте!

Онъ направился къ дверямъ, она вскочила съ своей мягкой постилки, догнала его у дверей и не безъ волненія провизжала:

— Помните, юноша, что у меня ревматизмъ!.. во всѣхъ четырехъ лапкахъ!..

X.

— Фингалъ! сказалъ превосходительство.

Но Фингалъ не узналъ его и залаялъ:

— Какой еще новый образчикъ лицемѣра и варвара вижу я передъ собой?

— Фингалъ!

Фингалъ вглядѣлся пристальнѣе и убѣдился, что передъ нимъ превосходительство, правда, шутовски наряженное, но превосходительство, которое прямо изъ дверей шагнуло къ зеркалу и съ торжествомъ созерцало себя.

— Что̀ это значитъ? подумалъ Фингалъ. — Ка̀къ онъ доблестно смотритъ! Грудь ужь совсѣмъ теперь дугою! Гдѣ же собственно доблесть? Въ чемъ?

Онъ обѣжалъ кругомъ превосходительства, нюхнулъ штиблеты, ткнулъ носомъ въ зеленый бархатъ, чудными выемками обтягивающій его мясистую фигуру, въ блестящія пуговицы, усыпавшія этотъ бархатъ, и, вспомнивъ

одну сказку о томъ, какъ одна собачка въ самой неприглядной плошечкѣ нашла самую вкусную косточку, рѣшилъ, что доблесть должна быть подъ кругленькимъ шлычкомъ, который прикрываетъ лысину.

— Фингалъ! за мной!

Фингалъ повиновался нетолько охотно, но даже съ радостью, когда увидалъ, что превосходительство, повѣсивъ себѣ черезъ плечо плетеную сумку и ружье, направилъ стопы черезъ большую залу на крыльцо.

— Куда-бы ни повелъ, думалъ онъ, слѣдуя за нимъ: — все лучше, чѣмъ валяться подъ диваномъ или слоняться по саду! Хуже быть не можетъ! А если и будетъ хуже, но, все-таки, будетъ иначе хуже... Это для меня главное! Онъ взялъ сумку и ружье, какъ бралъ хозяинъ Тришкинъ, когда шелъ стрѣлять птицъ. Ахъ! ка̀къ, помнится, меня интересовала эта стрѣльба! Ка̀къ я старался всегда увязаться за Тришкинымъ, чтобы поглядѣть на нее, и ка̀къ огорчался, когда онъ топалъ ногами и кричалъ: домой! Я не видалъ тогда, глупый щенокъ, настоящихъ горестей и печалей! Ахъ, золотое прошлое время, не взирая на прокислую овсянку, колотушки по головѣ уполовникомъ и порку нагайкой! Хлыстъ тоже пребольно бьется, а главное, поднимается на одного меня, тогда какъ нагайка хлестала и по Домнѣ Тришкиной, а уполовникъ задѣвалъ, случалось, и самого хозяина... Было, по крайней мѣрѣ, своего рода равенство! А что̀ главнѣе всего, тогда... Впрочемъ, къ чему безполезный вой и визгъ! Постараемся справиться съ собой!... Какія прекрасныя мѣста!

Мѣста, дѣйствительно, были недурны.

Отъ дому они спустились по аллеѣ къ берегу рѣки, слѣдуя береговою полосой, зеленѣвшей бархатистой лентой подъ невысокими горками, поросшими темными соснами, дошли до узенькой тропинки между косматыми ку-

стами, повернули на нее и очутились въ высокомъ, негустомъ лѣсу. Между большими, гладкими стволами бархатились и темнозеленые, и свѣтлозеленые, и яркозеленые мхи, алѣли крупныя ягоды, попадались то участочки папоротниковъ, то куртины черничника или земляничника, попадались громадные зеленые клубки разныхъ, сбивавшихся вмѣстѣ, вьющихся и ползучихъ растеній: одни стебли вились вверхъ, другіе ползли внизъ, цѣпляя другъ дружку и образуя новые клубки, между которыми иногда виднѣлся кустъ, обсыпанный мелкою спѣлою малиной, или высовывалась вѣтка дикаго шиповника съ двумя-тремя нѣжными розовыми цвѣтками. Пахло земляникой, бѣлыми грибами, а когда вѣтерокъ тянулъ съ опушки, то свѣжескошенной травой.

— Здѣсь дышется вольнѣе! пролаялъ Фингалъ. — Я тутъ успокоиваюсь!

Онъ кинулся въ папоротники, прилегъ и засунулъ голову подъ ихъ зубчатые листья.

— Фингалъ! крикнулъ превосходительство.

Въ этотъ день Фингалъ могъ какъ нельзя лучше убѣдиться, что щенку, на котораго надѣтъ ошейникъ, нельзя свободно няньчится съ своими огорченьями. Только-что онъ отбѣгалъ въ сторону, только-что успѣвалъ обратить тоскующіе глаза на просвѣтъ между лѣсомъ или на голубое небо, мелькавшее сквозь темный навѣсъ вѣтвей, какъ снова раздавалось:

— Фингалъ! ісі! за мной!

А, все-таки, бѣднягѣ хорошо было на этомъ просторѣ. Въ сердце его незамѣтно проникло какое-то кроткое чувство, которое нельзя было назвать ни собственно снисхожденіемъ, ни собственно смиреніемъ, но въ которомъ было очень много того и другаго. Гложущая, ѣдкая тоска смѣнилась глубокою, мягкою грустью, буйное негодованье

улеглось, уступивъ много мѣста сострадательному взгляду на господнихъ тварей и анализу всего окружающаго. У него не было ни малѣйшаго помысла, никакого поползновенія переходить на мягкую постилку практической старушки Дорочки Шпицъ-Пинчеръ, но онъ начиналъ допускать нѣкоторое вліяніе ревматизма, особенно если этотъ ревматизмъ во всѣхъ четырехъ лапкахъ...

— Я слишкомъ строгъ! думалъ онъ, слѣдуя за превосходительствомъ по лѣсу. —Я требую совершенства и ни во что̀ не вникаю! Я придаю слишкомъ большую важность мелочамъ... пустякамъ... ребяческимъ выходкамъ... Цыпочка вовсе не такъ виновата, какъ кажется... Она даже вовсе не виновата! Она просто — доброе, чистое созданье, которое всѣмъ увлекается... Она сама хороша и все и всѣхъ считаетъ хорошими... И немудрено, что она любитъ такъ эти котышки, о которыхъ говорила: бѣдняжкѣ часто приходилось довольствоваться скуднымъ кормомъ! Смѣшно требовать отъ нея стоицизма, когда она еще не ясно понимаетъ, зачѣмъ и для чего это нужно... Надо ей прежде растолковать, внушить... И сдѣлать это спокойно, кротко... О, тогда она... Задатки богатые! Изъ нея выработается настоящая гражданка!.. Гражданка, которая...

— Здравс... твуй! сказалъ превосходительство, останавливаясь неожиданно для Фингала, котораго до того поглотили мысли, что онъ не слыхалъ раздавшагося имъ на встрѣчу «моего почтенія», прямо ткнулъ мордою подъ колѣнки превосходительства и заставилъ его заикнуться на отвѣтномъ привѣтѣ, за что̀ награжденъ былъ порядочнымъ пинкомъ.

— На охоту изволите, ваше превосходительство? спросилъ подошедшій человѣкъ.

— Да, Иванъ Ивановичъ, на охоту.

— Молодая собачка?

— Да. Погляди-ка на нее, какова?

— Еще не натаскана?

— Нѣтъ еще. Я самъ буду ее учить... Фингалъ, ісі!

Фингалъ, оттолкнутый пинкомъ въ сторону, приблизился.

Иванъ Ивановичъ безъ церемоніи схватилъ его за шею и началъ щупать подъ жилами, приговаривая:

— Коли породистъ, такъ у него подъ ушами должны быть этакія бородавки... шишечки... семь шишечекъ...

Такая фамильярность не оскорбила и не разсердила Фингала, вопервыхъ, потому, что онъ находился въ томъ мягкомъ настроеніи, которое всякое дѣйствіе смягчаетъ; а вовторыхъ, ему невыразимо отрадно было увидать послѣ крахмальныхъ оборокъ, изнѣженныхъ физіономій, холеныхъ рукъ, надушенныхъ шелковъ и всякихъ барскихъ гримасъ простое, шершавое, полуиспеченное солнцемъ лицо, сильныя мышцы и ветхій полотняный балахонъ. Въ благодарность за доставленную отраду, онъ даже лизнулъ Ивана Ивановича въ високъ и въ щеку.

Иванъ Ивановичъ ласково потрепалъ его по боку, примолвивъ:

— Ахъ, ты песикъ хорошій!

— Есть бородавки? спросилъ превосходительство.

— Есть! Собачка важная!

Превосходительство взялъ Фингала за морду, повернулъ къ себѣ и поглядѣлъ на него благосклоннѣе обыкновеннаго.

— Эта дорога въ Крутой Верхъ?

— Эта; а то есть ближняя, оврагомъ.

— Тамъ много дичи?

— Водится, ваше превосходительство. Мужики нашли тамъ волчицу съ волченятами!

— Волчицу?

— Точно такъ, ваше превосходительство.

— Никого не покусала?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

— Это интересно!.. Ты куда собрался?

— По грибы, ваше превосходительство.

— Иди-ка за мной. Я тебѣ дамъ на грибы.

— Радъ стараться, ваше превосходительство. Пожалуйте по ближней дорожкѣ!

— Иди впередъ!

Иванъ Ивановичъ, закинувъ плетушку за плечи, проворно началъ двигаться впередъ, спустился къ оврагу и повелъ по густой заросли. Превосходительство на каждомъ щагу съ неудовольствіемъ вскрикивалъ:

— Помилуй! куда это ты завелъ? Помилуй! это ни на что̀ не похоже!

А Иванъ Ивановичъ отвѣчалъ, мелькая въ зеленой гущинѣ и сокрушая сучья и даже цѣлые кусты:

— Сейчасъ выберемся, ваше превосходительство... сейчасъ... Вотъ тутъ и поворотка будетъ...

Когда, наконецъ, они достигли желанной поворотки и выбрались на прогалинку, Фингалъ не могъ воздержаться отъ громкаго лая, взглянувъ на превосходительство.

Превосходительство былъ красенъ, какъ вареный ракъ, его бархатный зеленый костюмъ весь утыканъ колючками и шипами, за блестящія пуговицы зацѣпились разные листки, правое крупное ухо исполосовано царапиной, а къ кончику крупнаго носа пристала лѣсная паутинка, что̀ придавало органу обонянія нѣкоторое сходство съ какимъ-то аляповатымъ точиломъ, которое еще не совсѣмъ развернули изъ бумажки. При этомъ онъ пыхтѣлъ, отплевывался, чихалъ, кашлялъ, старался сохранить величественный видъ и съ безпокойствомъ и огорченіемъ хватался то за свои блестящія пуговицы, то за фалды и раздражительно вскрикивалъ:

— Почисть-же меня, братецъ! Это, наконецъ... Почисть-же, наконецъ!..

— Сію минуту, ваше превосходительство, сію минуту, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, проворно срывая въ пучекъ какія-то травы и принимаясь чистить превосходительство...

Фингалъ присѣлъ на густой высокой травѣ, скоро углубился снова въ свои заботы и думы и забылъ и превосходительство, и все окружающее.

— У цыпочки богатые задатки! думалъ онъ. — Изъ нея выйдетъ удивительно, что̀ такое, когда она разовьется и окрѣпнетъ! Необходимо только терпѣніе... Я ей терпѣливо объясню, что пристрастія къ котышкамъ имѣть не слѣдуетъ, что не въ однихъ котышкахъ дѣло... не для однихъ котышковъ мы созданы... Она это отлично пойметъ... только надо терпѣнье.

— Фингалъ! крикнулъ отчищенный превосходительство: — за мной! Показывай дорогу, Ивановъ!

— Сюда, ваше превосходительство... Вотъ сюда... Тутъ сейчасъ и бережокъ... Вотъ онъ и есть!.. Утка!

— Гдѣ? Гдѣ утка?

— Вонъ! вонъ! на водѣ! плаваетъ! вонъ!

И превосходительство, и Иванъ Ивановъ такъ взволновались, что Фингалъ встрепенулся и, путеводимый пахнувшею въ морду свѣжею сыростью, кинулся къ водѣ.

Раздался выстрѣлъ... Передъ глазами его мелькнули ярко-зеленые берега, свѣтлая водяная поверхность, быстро нырнувшая темная птица, затѣмъ все въ глазахъ у него помутилось, онъ взвизгнулъ и упалъ.

— Эхъ, ваше превосходительство, поспѣшили! долетѣло до его слуха восклицаніе Ивана Иванова.

— Странное что̀-то со мной! провылъ Фингалъ. — Я...

Онъ не окончилъ, потому что лишился чувствъ.

Когда онъ очнулся, глаза его прямо упали на Ивана

Иванова, который, стоя на колѣняхъ, промывалъ ему переднюю лапу холодною водою.

— Чтò, песикъ, плохо, братъ? сказалъ Иванъ Ивановъ.

Фингалъ завизжалъ; но никакой визгъ не могъ вполнѣ выразить, кàкъ ему было плохо.

— Ну, лежи смирно, я вотъ еще травки приложу... Эхъ! сузика-то и позабылъ! Погоди, пойду, поищу... Лежи, лежи! смирно!

Онъ оставилъ пучокъ сорванныхъ травъ, которыя взялъ-было въ руки, и скрылся за кустами.

Фингалъ поглядѣлъ кругомъ.

По глубокому лѣсному оврагу бѣжала свѣтлая рѣчка. Сломленная бурею, громадная сосна и разныя береговыя деревца, подмытыя весеннею водою, преграждали ея теченье, и тутъ она разстилалась круглымъ озерцомъ, немножко превышала запруду и съ тихимъ журчаньемъ переливалась черезъ древесные стволы. Солнце начинало заходить. Верхушки нагорныхъ сосенъ, казалось, охвачены пламенемъ, а яркозеленые, обросшіе орѣшникомъ, черемухой, рябиной, берега были въ тѣни. Прокатились два выстрѣла гдѣ-то по близости и опять все стихло, ничего не слышно, кромѣ легкаго шума лѣсной рѣчки, перепархиванья птицъ въ листвѣ, да всплеска отъ выскакивавшихъ рыбъ.

Голова бѣднаго пса начала снова кружиться, круги на водѣ задвоились въ глазахъ, дрожь пробѣжала по спинѣ, рѣчныя струи вдругъ зажурчали сильнѣе и словно подступали подъ самыя лапы...

— Опять кровь хлещетъ! сказалъ возвратившійся Иванъ Ивановъ. — Экъ онъ хватилъ тебя, бѣднягу!

Мучительная перевязка уже подходила къ концу, когда изъ-за деревьевъ показался превосходительство съ какою-то убитой птицей въ сумкѣ.

— Долго-ли ты будешь еще возиться? спросилъ онъ.

— Перевязалъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Иванъ Ивановъ, затягивая узелокъ на своемъ дырявомъ клѣтчатомъ платкѣ, который пожертвовалъ на бинтъ для раненой лапы.

— Ну, что̀? поправится?

— Наврядъ, ваше превосходительство. Извольте видѣть, какъ глазами-то заводитъ! Точно человѣкъ! Ни дать, ни взять, какъ Никита Прохоровъ, когда ему осколкомъ бокъ проткнуло! Подхожу я къ нему; «плохо», говорю, «Прохоровъ?» а онъ: «Эхъ!» говоритъ...

— Полно, братецъ! что̀ за глупыя исторіи ты разсказываешь! Поди, принеси воды въ фляжку, да дай мнѣ руки вымыть!

Иванъ Ивановъ отправился съ фляжкой зачерпнуть воды, а превосходительство высморкался и закурилъ сигару. Лицо у него было недовольное. Вымывъ руки, онъ сказалъ Ивану Иванову:

— Проводи меня на настоящую дорогу. Ты завелъ меня въ какія-то ямы, изъ которыхъ нельзя выбраться до завтра!

— Пожалуйте сюда...

— Да ты опять, кажется, хочешь меня вести по какимъ-то буеракамъ?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, тутъ сейчасъ торная дорожка, только вотъ перейти эту поросль... А собачку-то, ка̀къ прикажете?

— Что̀ такое собачку?

— Брать съ собою?

— Какъ-же ее брать, если она околѣваетъ?

Фингалъ собралъ всѣ свои силы и поднялся.

Съ минуту длилось молчанье. Превосходительство и Иванъ Ивановъ глядѣли на него, а онъ глядѣлъ на нихъ.

— Какъ-же ты сказалъ, что околѣваетъ? замѣтилъ превосходительство. — Видишь, онъ всталъ! Фингалъ! ici! ici!

Фингалъ, не взирая на жестокую боль, сдѣлалъ шагъ впередъ.

— Можетъ, и поправится, сказалъ Иванъ Ивановъ. — Только на охоту ужь не годится!

— Какъ-же поправится, если на охоту не годится? На охоту не годится, слѣдовательно, и не поправится! Какой ты, братецъ, безтолковый! Впрочемъ, всетаки, снеси его: я прикажу позвать ветеринара и онъ его осмотритъ. Куда-же идти?

— Сюда, ваше превосходительство.

Иванъ Ивановъ взялъ горемычнаго раненаго на руки и началъ пробираться по зарости, показывая путь превосходительству.

Каждое, даже легкое прикосновенье вѣтокъ причиняло такую мучительную боль, что невозможно было не взвизгивать. Добрѣйшій, но неловкій Иванъ Ивановъ при каждомъ стонѣ поглаживалъ раненую лапу и тѣмъ усиливалъ пытку.

Наконецъ, выбрались на торную дорожку, наконецъ, достигли берега, аллеи, дома.

— Отнеси его, положи въ саду, только подальше отъ оконъ, чтобы не безпокоилъ визгомъ, приказалъ превосходительство Ивану Иванову, пріостанавливаясь на крыльцѣ.—Сейчасъ-же послать верхового въ городъ за ветеринаромъ Сергѣевымъ! обратился онъ къ выскочившему на встрѣчу лакею. — Не мѣшкать!

— Пойдемъ въ садъ, горемычный песикъ! сказалъ Иванъ Ивановъ.

Фингалъ могъ только слабо взвизгнуть и лизнуть подбородокъ этого добраго человѣка.

Иванъ Ивановъ положилъ раненаго подъ липой, погладилъ его и ушелъ.

— Прощай, добрая душа! спасибо тебѣ! слабо пролаялъ ему въ слѣдъ Фингалъ.

— Я радъ, что есть добрые люди! провизжалъ онъ про себя. — Я очень этому радъ...

Онъ чувствовалъ несносную боль въ лапѣ и страшную слабость во всемъ тѣлѣ, но на сердцѣ у него было такъ тихо, что ни единому бурному чувству не могло быть туда доступа. Онъ то закрывалъ глаза, то взглядывалъ на склонявшіяся надъ нимъ вѣтви липы и на свѣтящееся между листвой ясное вечернее небо.

Не взирая на физическія страданія, ему было хорошо.

— Ахъ! подстрѣлили?

— Совсѣмъ застрѣлили?

— Въ бокъ попали?

— Голова вся размозжена?

— Сегодня?

— Околѣлъ уже?

— Дышетъ еще?

Чьи это возгласы?

Онъ приподнялъ голову, осмотрѣлся кругомъ и увидалъ, что у рѣшетчатыхъ воротъ толпятся всѣ дворовыя куры и индѣйки съ своими пѣтухами. Справа спѣшила утка съ утятами и издали крякала:

— Чтò за удивительный случай! Это совершенно какъ въ Москвѣ!

Слѣва шла гусыня съ гусакомъ и гоготала о томъ, что огнестрѣльное оружіе, всетаки, выдумка хорошая. Въ толпѣ суетилась цесарка, выкрикивая: «Гдѣ онъ? Гдѣ убитый? Покажите мнѣ, гдѣ онъ!», въ отвѣтъ на чтò кто-то хрюкалъ: «тамъ! тамъ!»

— Онъ живъ! живъ! живъ! чирикала воробьиха.

— Умеръ! умеръ! ворковалъ голубь.

Однако, самаго дорогого голоса не было слышно!

— Вѣрно, она еще не знаетъ! подумалъ Фингалъ, и двѣ слезы скатились изъ его глазъ въ траву.

— Что̀ это съ вами, милый мой юноша? пролаяла старая Дорочка, выбѣгая изъ аллеи и кидаясь къ раненому. — Вы очень страдаете?

— Нѣтъ... не очень...

— Послали за ветеринаромъ Сергѣевымъ... Онъ скоро вылечитъ васъ...

Старушка сѣла на заднія лапки. Она, видимо, была взволнована происшествіемъ.

— Гдѣ онъ, бѣдненькій? раздался дребезжащій жалостный голосъ.

— Моя идетъ! прорычала Дорочка.

Фингалъ закрылъ глаза.

— Ахъ, бѣдненькій! ахъ, бѣдненькій! запѣло у него подъ ухомъ и костлявыя, холодныя руки принялись его гладить.

— Оставьте меня! провизжалъ Фингалъ.

— Что̀, бѣдненькій? Погляди-ка сюда!

И Тобишка ухватила его бѣдную, искаженную страданіемъ морду и потянула ее къ себѣ.

— Да кусните ее хорошенько! пролаяла старая Дорочка. — Теперь вы ранены и хлыста нѐчего бояться!

— Сюда! раздался голосъ превосходительства. — Трофимъ, проводи къ собакѣ!

Трофимъ проводилъ молодого человѣка, коренастаго, но щеголеватаго, съ сѣроватыми, подвитыми волосами; сапожки на немъ были лаковые, на тупомъ мизинчикѣ колечко съ сапиромъ. Онъ отрекомендовался:

— Врачъ Сергѣевъ...

И не безъ граціи расшаркался на травѣ.

— Ахъ, помогите бѣдной собачкѣ! Такое несчастье! завела Тобишка.

— Будьте увѣрены, любезно успокоительнымъ тономъ отвѣчалъ врачъ Сергѣевъ, наклоняясь надъ Фингаломъ.

— Ну, что̀?

— Будетъ живъ-съ... Не безпокойтесь...

— Ну, что̀? спросилъ превосходительство, появляясь изъ глубины аллеи.

— Выздоровѣетъ, ваше превосходительство.

— Навѣрное?

— Я полагаю...

— Да не полагать надо, а сказать рѣшительно!

— Эти собаки очень живучи, ваше превосходительство...

— Вы, любезнѣйшій, пустяки толкуете, а я хочу знать дѣло.

— Лапа раздроблена, ваше превосходительство...

— Слѣдовательно, собака во всякомъ случаѣ останется хромою?

— Да̀... То-есть... Да̀, будетъ хромать, ваше превосходительство...

— Это все, что̀ я желалъ знать!

И превосходительство удалился.

— Что̀-же дѣлать съ больною лапкой? спросила Тобишка, склоняя головку на сторону.

— Промывать холодною водою, отвѣчалъ врачъ Сергѣевъ.

— Ахъ, не лучше-ли тепленькою?

— Если угодно, то и тепленькою...

— А мази вы не дадите?

— Извольте...

— И примочку-бы какую-нибудь?

— Извольте...

Тобишка чрезвычайно цѣнила мягкіе пріемы и имѣла слабость къ щеголеватымъ людямъ. Врачъ Сергѣевъ, очевидно, ей понравился. Она дѣлала ротъ сердечкомъ и щурилась.

— Бѣдненькая собачка! Не положить-ли припарку на лапку?

— Дà, можно припарку...

— Изъ льняного сѣмени въ порошкѣ и немножко гвоздички... Это хорошо?

— Очень хорошо...

— Пойдемте ко мнѣ въ комнату, я вамъ покажу свою аптечку. Ахъ! собаки добрѣе людей! Вѣдь, добрѣе? Думали вы объ этомъ! Вѣрно, думали!

Врачъ Сергѣевъ, собственно говоря, отъ роду объ этомъ не думалъ, но безъ запинки отвѣчалъ:

— Дà, думалъ.

— Вѣдь, добрѣе?

— Добрѣе...

— Ахъ, люди ужасно злы! Я столько потерпѣла разочарованій! Самые близкіе...

Окончаніе потерялось на поворотѣ аллеи и оба скрылись.

— Чтò, не лучше? спросила оставшаяся Дорочка.

— Послушайте, провизжалъ Фингалъ: — я буду просить васъ...

— Позвать Авдотью Ѳедотовну?

— Дà...

— Эхъ, юноша! Авдотья Ѳедотовна... Я позову, позову ее, не волнуйтесь!

— Сейчасъ?

— Сію минуту.

Старушка покатила къ рѣшотчатому домику и не успѣлъ Фингалъ привести нѣсколько въ порядокъ свою особу,

прикатила обратно, сопровождаемая Авдотьей Өедотовной.

— Цыпочка! сестрица! взвизгнулъ Фингалъ, вскакивая и не чувствуя, ка̀къ больно бередитъ свою рану.

Авдотья Өедотовна отпрыгнула и въ испугѣ проквоктала:

— Кровь! Кровь! Ахъ, я запачкалась кровью! О, я не могу этого видѣть! Ахъ, уведите меня отсюда! Кво! кво! кво!

Старушка Дорочка бросила на нее огненный взглядъ презрѣнія.

— Перестаньте квоктать! прорычала она

Фингалъ легъ и глядѣлъ во всѣ глаза на свою названную сестрицу. У него не было никакихъ опредѣленныхъ послѣдовательныхъ мыслей, но сердце ныло пуще раны и тихія горячія слезы орошали вдругъ осунувшуюся морду.

— Иди домой, цыпочка, провизжалъ онъ, наконецъ.— Не разстроивайся... Отведите ее, обратился онъ къ старой Дорочкѣ: — и... и успокойте...

— Я тебѣ пришлю самыхъ крупныхъ зернышекъ, прокудахтала Авдотья Өедотовна. — Я тебѣ пришлю котышекъ...

— Пойдемте! прервала Дорочка.

Авдотья Өедотовна растопорщила крылышки и, какъ пуля, полетѣла по саду.

Фингалъ спряталъ голову въ траву.

Старушка Дорочка постояла, поглядѣла на него и, тряхнувъ ушами, какъ будто хотѣла сказать: «тутъ ничего не подѣлаешь!» тоже побѣжала къ дому.

— Боже! Боже! провизжалъ Фингалъ чуть слышно, не поднимая головы изъ травы.

— Что̀ это такое? что̀ это такое лежитъ въ травѣ? процокотали двѣ неизвѣстно откуда выпрыгнувшія сороки.

— Вѣдь, неподвижно?

— Неподвижно?

— Не клевнуть-ли!

И вѣрно онѣ-бы клевнули, еслибы издали не раздалось строгое цокотанье матери:

— Извольте вернуться! Прилично-ли молодымъ дѣвицамъ отлетать отъ родителей на такое разстояніе?

Совсѣмъ смеркалось. Повѣялъ теплый вѣтерокъ, липовые листочки зашелестѣли и ласково коснулись ушей Фингала.

Онъ поднялъ голову, тихо пролаялъ: «о, добрая липовая вѣточка!» и снова еще глубже спряталъ ее въ траву.

— Милый мой юноша! милый мой юноша! раздалось надъ его ухомъ. — Я принесла вамъ добрыя вѣсти!

Онъ встрепенулся и обратилъ на старую Дорочку чающіе взоры.

— Васъ не выкинутъ, милый юноша, вы останетесь здѣсь! Моя беретъ васъ себѣ. Сейчасъ была изъ-за васъ цѣлая баталія! Дина и Сусанна грызлись ужасно! Но, вѣдь, они въ рукахъ у моей и потому сдались! Васъ сейчасъ перенесутъ къ намъ! Успокойтесь-же и ободритесь, милый мой юноша! Ну, что̀-жь вы такъ на меня глядите и молчите?

— Я живой не пойду туда! отвѣтилъ Фингалъ безъ гнѣва, но съ твердостью.

— Не пойдете? Но, милый мой юноша, вѣдь, вы себя погубите! Вѣдь, васъ выкинутъ куда-нибудь на задній дворъ, гдѣ всякая грязь и гдѣ вамъ и понюхать не придется телячьей косточки! Понимаете-ли вы это, милый юноша?

— Понимаю.

— Это безуміе! Вы говорите въ бреду! Вы...

— Сдѣлайте мнѣ одолженье, побѣгите, скажите Авдотьѣ

Ѳедотовнѣ, что я желаю съ ней проститься... Сдѣлайте одолженье!

Старушка безпрекословно побѣжала.

— Красавица меня поддержитъ! думала она на бѣгу.

— Вотъ онъ здѣсь! Несите его!

Въ полусвѣтѣ сумерекъ Фингалъ увидалъ костлявый палецъ, который указывалъ на него двумъ лакеямъ...

Онъ громко залаялъ.

— Берите, берите!

Онъ залаялъ еще громче и оскалилъ зубы.

— Онъ, сударыня, можетъ, бѣшеный? проговорилъ одинъ лакей.

— Нѣтъ, нѣтъ... Фингалочка, Фингалочка! Ахъ!

— Укусилъ! укусилъ! вскрикнули лакеи.

— Я предупреждалъ! раскатился басъ превосходительства.

— Ахъ! теперь она насъ всѣхъ искусаетъ! разнеслось восклицанье Дины.

— Николай! вели Прохору сейчасъ-же пристрѣлить собаку!

— Слушаю, ваше превосходительство!

— Ахъ, перевяжите мнѣ руку! Ахъ! Мнѣ дурно... за докторомъ... за докторомъ!

— Послать верхового за Карломъ Карловичемъ!

Садъ быстро опустѣлъ, въ домѣ поднялась суматоха: слышно было, какъ бѣгали лакейскія ноги, какъ хлопали дверями, какъ перекликались и во дворѣ, и около конюшенъ.

— Что̀ вы надѣлали, безумный, бѣшеный щенокъ! Вы погубили и себя, и другихъ!

Это лаяла старая Дорочка. Она вся съёжилась отъ страха и глаза ея сверкали гнѣвомъ.

— Чѣмъ я погубилъ другихъ? спросилъ Фингалъ. — Кого я погубилъ? Авдотью...

— Пропадай ваша Авдотья! Вы погубили меня, глупый головорѣзъ! *Меня, меня!* Понимаете? За все мое участье вы отплатили мнѣ самою низкою неблагодарностью! Вы вырыли мнѣ яму! Если моя Сусанна околѣетъ, куда я дѣнусь? Куда я дѣнусь съ своими ревматизмами? Гдѣ найду мягкую постилку и телячьи косточки?

До сихъ поръ старушка стояла, вздрагивая отъ гнѣва, но тутъ присѣла на заднія лапки и залилась старческими слезами.

— Не плачьте, успокоилъ ее Фингалъ. — Тобишка... то-есть, Сусанна, не околѣетъ: я ее не укусилъ, а только притиснулъ зубами.

— Вы не обманываете меня? Нѣтъ? провизжала Дорочка.

— Нѣтъ.

— Какъ честный песъ говорите правду?

— Какъ честный песъ...

— Но, вѣдь, она трухла, какъ изсохшая гнилушка, и что другой ни по чемъ, отъ того она можетъ разсыпаться! Пойду, посмотрю!

Дорочка стрекнула по саду и исчезла.

Фингалъ попытался приподняться и устоять на трехъ лапахъ. Это было мучительно, но возможно.

— Придетъ ли она? думалъ онъ. — Сказала ли ей Дорочка, что я желаю съ нею проститься? Конечно, она придетъ! Но, можетъ быть, Дорочка не сказала и она не знаетъ! Каждую минуту можетъ придти Прохоръ съ ружьемъ и пристрѣлить меня!.. Я хотѣлъ-бы съ нею увидаться... проститься... Я хотѣлъ-бы ей дать нѣсколько совѣтовъ... предупредить ее...

Звѣзды начали загораться въ небѣ. Садъ окутался мракомъ и все утихало кругомъ.

— Попробую добраться до рѣшотчаго домика...

Онъ попробовалъ сдѣлать шагъ и глухо завизжалъ.

— Куда вы? гавкнула старая Дорочка, выбѣгая изъ-за темной массы деревьевъ. — Все отлично уладилось! У нея нѣтъ даже и царапины на рукѣ!.. Дина издѣвается надъ нею... предложила послать воротить ветеринара Сергѣева, чтобы онъ ей далъ мази... Теперь онѣ опять схватились и опять грызутся. Прохоръ пьянъ и лежитъ за кухней подъ заборомъ... Его не могли растолкать... Хватитъ у васъ силъ проползти подальше, вонъ туда? Тамъ бы спрятались, пока дѣло позаглохнетъ...

— Вы сказали Авдотьѣ...

— Сказала, сказала. Я ее вела сюда, но тутъ поднялась эта глупая суматоха, она до смерти перепугалась, кинулась назадъ и забилась въ свое гнѣздо. Куда-же вы?

— Я долженъ съ ней проститься.

— А потомъ?

— А потомъ я уйду.

— Хватитъ силъ?

— Хватитъ.

— Глядя на васъ, нельзя на это надѣяться... Погодите, я лучше сбѣгаю за нею... Пока вы дотащитесь до ея гнѣзда, она можетъ десять разъ побывать здѣсь. Лягьте же, я побѣгу...

Но онъ не легъ, а потихоньку заковылялъ за побѣжавшей Дорочкой.

Не дотащился онъ и до розовой куртины, какъ увидалъ бѣгущую обратно Дорочку.

Она была одна!

— Не можетъ придти, прогавкала Дорочка, задыхаясь отъ быстраго бѣга: — не хочетъ! Говоритъ, что очень больна... что у нея ссадинка на бородавкѣ...

— Больна? Я самъ пойду...

— Остановитесь, остановитесь... О, слѣпой юноша!

Она не хочетъ, чтобы вы приходили!.. Говоритъ, что это можетъ ее страшно компрометировать... Она такъ разквохталась, что прибѣжала Эли и унесла ее къ себѣ въ комнату... Ну, что̀-жь, бѣдный юноша? Неужто пропадать изъ-за какой-нибудь мокрой курицы? Соберитесь съ силами и бредите куда-нибудь въ укромное мѣстечко... Завтра я васъ отыщу... Ай! меня кличутъ! Сусанна знаетъ, что я страдаю ревматизмами и не позво́ляетъ мнѣ выходить по вечерамъ... Прощайте мой милый, не унывайте — это главное! Вооружитесь философіей...

Дорочка, совершенно забывшая, какъ она растеряла это оружіе при вопросѣ о мягкой постилкѣ и телячьихъ косточкахъ, бодро пустилась къ дому.

Фингалъ постоялъ, поглядѣлъ кругомъ, внизъ, вверхъ, словно ему казалось, что онъ потерялся въ пустынѣ, и упалъ...

Онъ, однако, скоро собрался съ силами и поползъ въ укромное мѣстечко.

Звѣзды кротко мерцали на небѣ, серпокъ молодого мѣсяца выдвигался изъ-за вершинъ темныхъ деревьевъ...

Тутъ кончается первая часть нашей исторіи и начинается вторая, болѣе краткая и послѣдняя.

XI.

Дѣло, какъ ожидала старая Дора, заглохло. Фингалъ, промучавшись мѣсяцевъ пять, поправился здоровьемъ и никто не мѣшалъ ему безпріютно жить, какъ вздумается, и хромать, гдѣ заблагоразсудится.

Горе только одного рака краситъ, говоритъ пословица, а потому нѣчего удивляться, что Фингалъ не похорошѣлъ. Изъ юркаго, живаго, ловкаго, рѣзваго, шелковистаго щенка онъ сдѣлался колченогимъ, взъерошеннымъ, угрюмымъ псомъ. Въ мягкихъ волнахъ прежде серебристо-бѣлой шерсти закатались репейники и всякая дрянь, бока втянулись, морда заострилась.

Пятимѣсячная болѣзнь можетъ нѣсколько укротить какой угодно пылъ, а пятимѣсячныя уединенныя размышленія разсѣять кое-какія иллюзіи; Фингалъ сталъ поспокойнѣе, по-умѣреннѣе и въ изъявленіи, и въ воспринятіи чувствъ.

Но сердце его не очерствѣло. Въ немъ уцѣлѣла прежняя мягкость и, увы! собачья преданность и вѣрность къ названной сестрицѣ—къ Авдотьѣ Ѳедотовнѣ. Онъ испытывалъ мучительную смѣсь негодованія и нѣжности. Иногда негодованье какъ будто одерживало верхъ, но съ новою силой нахлынувшая нѣжность побѣждала его и снова начиналась борьба.

Первые шаги, какіе онъ могъ сдѣлать на трехъ лапахъ, были на барскій дворъ.

Еще издали его поразило, что съ барскаго двора несутся плясовые звуки гармоники, топотъ и гиканье.

— Кто можетъ плясать тамъ? Неужто превосходительство?..

У кухонныхъ дверей была цѣлая толпа двороваго народу. Лакей Трофимъ, замѣнивъ лакейскую куртку розовою ситцевою рубахой, съ какимъ-то неистовымъ увлеченіемъ наяривалъ на гармоникѣ; ноздри у него раздувались, волосы, баки, рукава развѣвались; онъ притоповалъ ногами и подергивалъ плечами. Прохоръ — тотъ самый, котораго «въ достопамятный для Фингала вечеръ» не могли «растолкать» подъ заборомъ — плясалъ въ присядку, присвистывалъ, пригаркивалъ, прикрикивалъ; бабы шумно

болтали, и смѣялись, два, три мужскіе голоса подпѣвали кто въ лѣсъ, кто по дрова; ребятишки звонко перекликались...

— Неужто превосходительство не слышитъ! Дорожка отъ кухни къ хоромамъ, видно, давно не усыпалась пескомъ; отчего это? Почему двери въ хоромы наглухо заперты?

Но калитка въ садъ отперта. Какое удивительное счастье!

Вотъ этотъ садъ! Сколько тутъ было передумано и перечувствовано!

Но почему окна кабинета превосходительства, да и всѣ окна барскаго дома, заколочены? Отчего повсюду это мертвое безмолвіе!

Онъ заковылялъ къ рѣшетчатому домику.

Въ домикѣ ни души не было и все въ немъ являло признаки давняго запустѣнія.

— Гдѣ-же она! подумалъ бѣдный хромой, холодѣя.

Онъ громко залаялъ, забывая, или, точнѣе, презирая всякую опасность, не разсчитывая, хорошо-ли, худо-ли будетъ онъ встрѣченъ, а разсчитывая только на свиданье съ дорогой его сердцу Авдотьей Ѳедотовной.

Ни звука въ отвѣтъ!

Оглашая садъ то воемъ, то визгомъ, онъ обшарилъ каждый кустикъ.

Ни души!

Онъ снова выбѣжалъ во дворъ. У кухни все еще раздавалась дикая музыка, все еще шумѣли, пѣли и плясали.

Онъ началъ шарить по двору. Какая-то мелкая шавка выскочила изъ конюшни, пристала къ нему, подняла лай, лаяла до изнеможенія и, наконецъ, вынуждена была, высунувъ языкъ, сѣсть на заднія лапки около амбара.

Въ одномъ углу двора онъ увидалъ двухъ павлиновъ,

которые, стоя другъ противъ друга, съ жаромъ толковали о своихъ хвостахъ. Только и слышно было:

— Мой хвостъ...

— Нѣтъ, мой хвостъ...

— Позвольте! мой хвостъ...

— Погодите! мой хвостъ...

Въ одномъ изъ препирающихся Фингалъ узналъ того самаго щеголя, который когда-то былъ причиной великаго огорченья для его бѣднаго сердца.

— Можетъ быть, онъ знаетъ, гдѣ она! подумалъ бѣдный песъ.

И кàкъ ни противно, кàкъ ни тяжело было ему обращаться къ безмозглой птицѣ, онъ, ни минуты не колеблясь, подошелъ и спросилъ:

— Не можете-ли вы сообщить мнѣ, гдѣ теперь Авдотья Ѳедотовна?

Павлинъ уставилъ на него свой глупый, блестящій, круглый глазъ, поднялъ носъ и напыщенно отвѣтилъ:

— Не имѣю васъ чести знать...

— И не нужно вамъ имѣть этой чести, прервалъ Фингалъ, воображавшій, что въ совершенствѣ усвоилъ себѣ сдержанность и что поступаетъ по всѣмъ правиламъ строгаго этикета: — скажите мнѣ, гдѣ Авдотья Ѳедотовна, и только!

Павлинъ мотнулъ головкой, хлопнулъ крыльями, отступилъ, вытянулся, хотѣлъ прикрикнуть, но мохнатый, зубастый песъ ощетинился и изъ горла щеголя, вмѣсто надменнаго крика, вырвалось какое-то бульбульканье. Онъ отскочилъ за пріятеля, съ которымъ препирался о хвостѣ, но пріятель, въ свою очередь, отпрыгнулъ за него, онъ опять за пріятеля, пріятель опять за него...

— Скажете вы или нѣтъ? зарычалъ Фингалъ, сверкая глазами.

— Однако... однако... Я не знаю...

— Не знаете?

— Не знаю...

Несовсѣмъ зажившая рана не позволяла дольше держаться на ногахъ. Злополучный песъ легъ на траву.

Павлины ободрились и снова распустили свои вѣера.

— Какая это Авдотья Ѳедотовна? спросилъ одинъ: — Та, что̀ съ ума сходила по моемъ хвостѣ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ другой: — та, что̀ безумствовала и сохла по моемъ...

— Что̀? залаялъ Фингалъ, забывая всю боль, вспрыгивая и кидаясь на франтовъ.

Франты вихремъ понеслись куда глаза глядятъ, наткнулись грудью на заборъ, метнулись въ сторону, проскочили въ какую-то дырку и исчезли.

У Фингала въ зубахъ остались три блестящія пера, которыя онъ съ отвращеніемъ выплюнулъ.

— Ты прекрасно ихъ, любезный, отдѣлалъ! крикнула ему̀ крупная бѣлая утка, возвращавшаяся съ купанья въ рѣкѣ. — Жаль, что со мной ничего нѣтъ, а то-бы я дала тебѣ на чай. Эти скоморохи воображаютъ, что они первые красавцы! Да весь ихъ родъ не сто̀итъ одной селезневой косицы!

— Не знаете-ли вы, гдѣ Авдотья Ѳедотовна?

— Какая это Авдотья Ѳедотовна? А! знаю! Ты къ ней? Отъ кого?

— Гдѣ она? Гдѣ она? Отвѣчайте-же!

Бѣлая утка вытаращила глаза и оторопѣла, но, не желая этого выказать, внушительно замѣтила:

— Что̀-жь вы такъ лаете на̀ даму? Я приняла васъ за посыльнаго! Я не виновата, что вы на него похожи! Я...

— Гдѣ она? Гдѣ?

— Кря — кря — кря! Мой селезень потребуетъ отъ васъ удовлетворенія...

— Гдѣ она?

— Кря! кря... она на черномъ дворѣ, въ курятникѣ...

Фингалъ кинулся на черный дворъ.

— Мой селезень потребуетъ отъ васъ удовлетворенія! Потребуетъ! потребуетъ! крякала ему въ слѣдъ бѣлая утка.

Очутившись на черномъ дворѣ, онъ увидалъ сидящую на низкомъ плетнѣ, который выходилъ на поле, какую-то съежившуюся, обдерганную курочку.

Онъ приблизился...

Вседержитель! неужто?...

— Цыпочка!

Она громко кудахтнула отъ изумленія и испуга, потомъ кудахтнула отъ радости.

— Что̀ съ тобою случилось! Почему ты здѣсь?

Она прежде всего разквохталась на свою судьбу.

— О, я несчастная! какъ я страдаю! Всѣ меня бросили! ты меня бросилъ! А ты клялся, что никогда, никогда не бросишь!

— Успокойся... успокойся... Вотъ я пришелъ... Я былъ боленъ, цыпочка, и раньше не могъ...

— Не могъ? Отчего-жь ты не лечился? Развѣ ты не зналъ, что я тутъ одна, что я терплю нужду, что я...

— Не зналъ... Вѣдь, я не выходилъ изъ своей конуры, я никого не видалъ изъ знакомыхъ...

— А я за тебя пострадала!

— За меня?

— Конечно! Кто укусилъ Сусанну Матвѣевну?

— Я не укусилъ...

— Ну, хотѣлъ укусить! Съ этого и началось! Всѣ знали, что мы знакомы; вѣдь, ты на всю околицу лаялъ, что я твоя названная сестрица! и мнѣ начали за тебя мстить!

— Мстить? Кто?

— Всѣ! Эли вдругъ перестала прыгать и смѣяться, познакомилась съ какою-то гадкой сосѣдкой, которая ей сказала, что ей пора перестать возиться съ цыпленкомъ, и она послушалась, бросила носить свѣтлыя, хорошенькія платьица, не стала завивать локоны, начала читать книжки... Я нисколько не удивляюсь, что всѣ въ домѣ жаловались на ея невниманіе и упрекали ее въ безсердечіи и варварствѣ! Я по цѣлымъ днямъ, по ея милости, сидѣла безъ котышекъ! Сусанна ей говоритъ: «какъ тебѣ не грѣхъ забывать бѣдняжку! хоть бы ты ей одну котышечку приготовила!» А она отвѣчаетъ: «Возьмите себѣ эту бѣдняжку, ей у васъ будетъ лучше!» Безсердечная дѣвчонка! Вотъ награда за всю мою любовь!

— Сусанна взяла тебя?

— Дà, взяла, и я была очень рада, потому что у нея котышки еще лучше; ахъ, какіе котышки! Но эта старая вѣдьма Дорочка начала меня ужасно преслѣдовать. Ей давно было завидно, что всѣ меня любятъ и всѣ кричатъ о моей красотѣ! За меня сватался павлинъ, но она разстроила эту свадьбу! Я знаю, что это разстроила она!.. потому что павлинъ былъ отъ меня безъ ума!

— Цыпочка!..

— Она, она разстроила! Она начала на меня ворчать, рычать, лаять — просто, не давала мнѣ проходу! Чуть я чтò-нибудь клевну, она кричитъ, что я обжора, что я только о томъ и думаю, какъ-бы потуже набить себѣ зобъ... Она насплетничала на меня Сусаннѣ! Разъ я взлетаю на подоконникъ и вижу, что Эли горько плачетъ и говоритъ Сусаннѣ: «Вы жалѣете мухъ и пауковъ, пожалѣйте и меня! Зачѣмъ вы доносите?» Я догадалась, что рѣчь обо мнѣ! Она просила, чтобы меня отдали назадъ и такъ была взволнована, что, вмѣсто зачѣмъ «уносите»,

говорила: зачѣмъ «доносите»... Сусанна, вотъ видишь, всегда сидѣла за кустомъ, около хмѣлевой бесѣдки, гдѣ вѣчно шепталась Эли съ своею глупою, новою знакомою, сосѣдкой. Я тоже туда любила ходить, потому что тамъ есть одно мѣстечко, гдѣ множество червячковъ.

— Сидѣла за кустомъ?

— Ну, да! сидѣла за кустомъ, и когда разъ чихнула и Эли вскочила и заглянула за кустъ, она схватила меня, сказавъ: «Я за курочкой! я ее унесу!», и унесла меня...

— Цыпочка!

— Ты опять меня такъ называешь? Ты думаешь, что можно оскорблять тѣхъ, кто несчастенъ? Что можно помыкать тѣми, кто... Кудахъ — тахъ — тахъ! Кудахъ — тахъ — тахъ!

— Помилуй, цып... Авдотья Ѳедотовна! Я...

— Всегда такъ! всегда такъ! Кудахъ — тахъ — тахъ! Кудахъ...

— Успокойся, успокойся, дорогая, неоцѣненная, прекрасная!..

— Когда я такъ несчастна! Кудахъ — тахъ — тахъ!

— Ради Бога!.. успокойся... Прости меня, милая, и разсказывай!

Наконецъ, Авдотья Ѳедотовна успокоилась, простила и стала разсказывать дальше.

— Сусанна разсердилась, закричала: «Я имѣю право!», бросила меня и побѣжала, а на встрѣчу ей эта гадкая Дорка и лаетъ на меня, какъ бѣшеная. Я кинулась къ Эли, но она, глупая, только прижималась къ своей противной сосѣдкѣ и не обратила вниманія, что я тутъ и готова къ ней возвратиться. Я начала квоктать, но старая Дорка уже успѣла насплетничать превосходительству. Онъ пришелъ, ужасно на меня шикнулъ, схватилъ Эли за руку... Я бросилась въ кусты и просидѣла тамъ до

самаго вечера. И вечеромъ такая суматоха была въ домѣ, что я вся дрожала и едва рѣшилась пробраться на свой рѣшотчатый насѣстъ... Слышу: выгнали сосѣдку! выгнали сосѣдку! уѣзжаютъ! уѣзжаютъ! Противная Дорка бѣгаетъ, суетится и лаетъ: «Сосѣдка напоминала мнѣ бѣднаго юношу Фингала!»—Чѣмъ-же она похожа на Фингала? спрашиваю. «Тѣмъ, отвѣчаетъ, чего вамъ не понять, бисерная головка!» Захохотала, замахала хвостомъ и убѣжала... Безобразная образина! «Бисерная головка!» Когда пѣтухъ Пестрый находитъ, что у меня чистый греческій типъ, а бѣдный погибшій фазанъ Золотой говорилъ, что его поражаетъ во мнѣ бурбонскій профиль! Завистливая вѣдьма! А все изъ за тебя!

— Изъ-за меня?

— Разумѣется! Ты умѣлъ подладиться къ Доркѣ и съ тѣхъ поръ она стала меня преслѣдовать! Знакомство съ тобой погубило меня!

— Боже мой!..

— Да̀! теперь и «Боже мой!». Повторяю: знакомство съ тобою погубило меня! Всѣ начали думать, что я такая-же кусака, какъ ты, и вотъ всѣ уѣхали, всѣ меня бросили! Живи теперь на черномъ дворѣ! Кудахъ — тахъ — тахъ!..

Горемычный песъ не могъ не видѣть, что ни послѣдовательностью, ни логикой названная сестрица не отличается, но она была такъ разстроена, такъ огорчена, находилась въ такомъ бѣдственномъ положеніи, что онъ счелъ жестокимъ пускаться теперь въ какія-нибудь объясненія и ограничился тѣмъ, что началъ ее успокоивать, утѣшать и ободрять.

— Я тебя никогда не брошу, моя несравненная! Я здѣсь, около тебя!

— Да̀, и еще чѣмъ-нибудь меня скомпрометируешь!

Ахъ, кончится тѣмъ, что ты доведешь меня до вертела или до кострюли! Кудах...

— Я отыщу тебѣ отличнаго зерна...

— А котышекъ? Развѣ ты дашь мнѣ котышекъ?

— Я постараюсь...

— Постараешься! Знаю я, какъ ты постараешься!

— Я сдѣлаю все, что̀ совѣсть и честь дозволятъ...

— Совѣсть и честь! Я говорю про котышки, а ты про совѣсть и честь! Развѣ это имѣетъ между собой какое-нибудь отношеніе?

— Но позволь тебѣ объяснить... совѣсть и честь...

— Я сама понимаю, что̀ это такое совѣсть и честь! Пожалуйста, безъ объясненій! Можешь быть увѣренъ, что я стала-бы презирать всякаго, кто отказался-бы отъ поединка, кто...

— Но...

— Пожалуйста, не спорь, у меня и такъ страшно разстроены нервы! Ты эгоистъ и больше ничего! Ты могъ-бы помочь мнѣ и не хочешь! Кудахъ — тахъ — тахъ!..

— Я не хочу? Только скажи!.. только прикажи!..

— Кудахъ — тахъ — тахъ! Кво! кво!

— Скажи!.. прикажи!..

— Ты сходишь къ Модестѣ Петровнѣ?

— Къ Модестѣ Петровнѣ?

— Ну, да̀! къ лисинькѣ! Развѣ ты ее не знаешь?

— Это та, что̀ жила въ березовой рощицѣ?

— Да̀! Сходишь? Узнай, вернулась-ли она съ богомолья, и если вернулась, скажи, что я ее умоляю исполнить свое обѣщанье провѣдать меня, что я ее жду здѣсь, на плетнѣ... гдѣ мы уже разъ видѣлись...

— Развѣ теперь воротца въ березовой рощицѣ не на замкѣ?

— Конечно, нѣтъ!

— И... Модеста Петровна свободно вездѣ бываетъ?

— Вездѣ! Сусанна передъ отъѣздомъ отдала ей ключъ отъ замка̀ и подарила рощицу! Что̀-жь ты не идешь?

— Я хочу только тебѣ посовѣтовать...

— Ахъ, вотъ и она сама идетъ! О, какое счастье! какое счастье!

Авдотья Ѳедотовна спрыгнула съ плетня на поле и въ восторгѣ принялась хлопать крыльями и присѣдать.

Фингалъ тоже перескочилъ въ поле.

Модеста Петровна приближалась не спѣша, глядѣла кротко и задумчиво, улыбалась привѣтливо и меланхонически; двуличневая мягкая шубка переливалась на ней то красноватымъ, то желтоватымъ цвѣтами, пушистый хвостъ тихо волновался, словно желалъ обнять весь куриный міръ.

— Здравствуйте, милое дитя... сказала она, останавливаясь поодаль. — Но, быть можетъ, я вамъ помѣшала?..

И она скромно обратила глаза на Фингала.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! какъ можно! нисколько не помѣшали! закричала Авдотья Ѳедотовна. — Это Фингалъ... Я хотѣла его послать...

— Боже мой! какая неожиданная встрѣча! воскликнула Модеста Петровна, подпуская въ свои ясные глаза сколько слѣдовало пріятнаго изумленія.

Фингалъ поклонился.

— Ка̀къ поживаете? продолжала Модеста Петровна. — Я слышала, какое ужасное несчастье васъ постигло! Это растравило мнѣ сердечныя раны! Но не будемъ говорить объ этомъ... Вы поправились, чрезвычайно возмужали, чрезвычайно...

Она не докончила, но ея умильная мордочка была такъ краснорѣчива, что всякій старый тетеревъ и тотъ угадалъ-бы, что только отъ скромности замерли на ея язычкѣ выраженія восхищенія.

— Какъ вы счастливы, дитя мое, что имѣете *такого* друга! обратилась Модеста Петровна къ Авдотьѣ Ѳедотовнѣ: — и какъ должны вы благодарить небо за ниспосланье вамъ *такой* дружбы!

Авдотья Ѳедотовна, начинавшая волноваться, что на всѣ милыя рѣчи Фингалъ не отвѣчаетъ и стоитъ пень-пнемъ, слабо улыбнулась.

— До свиданія, дитя мое...

— Ахъ, какъ вы скоро уходите! Когда-жь мы увидимся?..

— Скоро... Прощайте, Фингалъ Ивановичъ! Я не умѣю красно говорить, но... но сердце мое глубоко вамъ сочувствуетъ!.. Вы здѣсь надолго?

— Да, я надолго!

— Какъ пріятно! Я, однако, боялась, что вы насъ скоро покинете! Авдотьѣ Ѳедотовнѣ теперь необходима дружеская лапа, которая-бы ее поддержала... До свиданія... Надѣюсь, вы посѣтите меня въ моей березовой пустыни? До свиданія...

Фингалъ поклонился.

Авдотья Ѳедотовна переступала съ лапки на лапку, то порщилась, вытягивала горлышко, то откидывала головку направо и вытаращивала лѣвый глазъ, то откидывала головку налѣво и вытаращивала правый глазъ... Наконецъ, съ клюва ея сорвался завѣтный вопросъ:

— А вы... вы видѣлись съ вашимъ крестникомъ?

— Да, отвѣчала Модеста Петровна, глядя ясными глазами на фингаловы уши, которыя замѣтно насторожились. — Все онъ, бѣдный, хвораетъ!

— Ахъ, какая жалость! Ахъ, что съ нимъ? Неужто типунъ?

— Нѣтъ, не типунъ... Его недугъ болѣе нравственный, чѣмъ физическій...

— Оскомина? мрачно рѣшилъ Фингалъ.

— О, нѣтъ... Онъ, видите, поэтъ въ душѣ... У него тысячи неясныхъ стремленій... пламенная любовь къ прекрасному, жажда высокаго и великаго... Это тоже изгнанникъ! У него была дуэль съ однимъ чрезвычайно вліятельнымъ Кохинхинцемъ и вотъ онъ долженъ скрываться! Онъ ищетъ, какъ пробраться въ Америку, и по пути посѣтилъ меня... Его присутствіе здѣсь тайна, но вамъ я, разумѣется, могу довѣрить всякую тайну! Однако, я все болтаю! До свиданья... Я спасаюсь бѣгствомъ отъ искушенія бесѣдовать съ вами дольше! До свиданья, Фингалъ Ивановичъ! Позвольте васъ обнять, дитя мое!

Фингалу показалось, что, обнимая, Модеста Петровна чтò-то шепнула его названной сестрицѣ. Онъ, разумѣется, не могъ замѣтить, когда и кàкъ она шепнула, но «кудахъ», вылетѣвшее изъ клюва названной сестрицы и вдругъ поднявшійся хохолокъ на ея головкѣ выдали ему, что ее чѣмъ-то утѣшили.

— Ахъ, дитя мое, не поколола ли я васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Я такъ...

— До свиданья!

— До свиданья! до свиданья!

Когда кончикъ пушистаго хвоста исчезъ вдали, Фингалъ спросилъ названную сестрицу:

— Чтò она тебѣ шепнула?

— Ничего она мнѣ не шепнула! отвѣчала Авдотья Ѳедотовна.

Она ходила гоголемъ кругомъ оттаявшей за день лужицы, смотрѣлась въ воду, расправляла перышки, прищуривалась, вздувала хохолокъ...

— Знаешь, милая, сказалъ Фингалъ: — я-бы просилъ тебя быть осторожнѣе...

— Въ чемъ это осторожнѣе?

— Что̀ это за новое знакомство? Что̀ это за крестникъ?

— Господи! ты изъ всего вѣчно затѣешь какую-нибудь ужасную исторію! Знай, что *новый* знакомый *не хуже старыхъ!* Это, наконецъ невыносимо! Какъ ты обращался съ Модестой Петровной? Ça n'a pas de nom! А теперь ты начинаешь чернить его... Такого божественнаго звѣрка!

— Я не чернилъ его, милая... Я-бы только хотѣлъ зна́ть, что̀ это за звѣрёкъ... Ты его видѣла?

— Разумѣется, видѣла!

— Онъ приходилъ?..

— Ну, да̀! Такой робкій, грустный... Скажи, пожалуйста, это очень далеко ѣхать въ Америку?

— Очень далеко. А что̀?

— Такъ... Ну, прощай...

— Куда-жь ты?

— Пора... уже поздно... я озябла... Завтра увидимся... Ты завтра приходи, пожалуйста, пораньше... Придешь пораньше?..

— Приду... Но я хотѣлъ-бы остаться здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?

— Во дворѣ, около курятника... Я-бы оберегалъ тебя...

— Отъ кого? отъ чего?

— Въ случаѣ какой-нибудь опасности...

— Что̀ за вздоръ! Какія-же у насъ опасности? Нѣтъ, нѣтъ, иди домой и усни... Ты усталъ и тебѣ непремѣнно надо отдохнуть! Иди, иди домой!..

— У меня, вѣдь, нѣтъ теперь дому, милая, возразилъ Фингалъ, пытаясь улыбнуться: — ты развѣ забыла, что я лежалъ въ развалившейся сторожкѣ...

— Ну, иди въ сторожку! Надо-же тебѣ отдохнуть, наконецъ! Тамъ тебѣ будетъ хорошо... Я хочу, чтобы тебѣ было хорошо!

— О, милая! не заботься обо мнѣ!.. Позволь мнѣ остаться!

— Иди, иди въ сторожку! Тамъ тебѣ будетъ отлично, а здѣсь холодъ, снѣгъ!..

— Тамъ еще больше холоду... Крыши нѣтъ и меня совсѣмъ заноситъ снѣгомъ... А здѣсь...

— Нѣтъ, нѣтъ, уходи!.. Если любишь меня, уходи!.. Уйдешь?

— Если ты требуешь...

— Требую, требую!.. Прощай, прощай... Отдохни хорошенько, слышишь? И завтра рано приходи; придешь?

— Приду...

Авдотья Ѳедотовна рѣзво перелетѣла черезъ плетень и скрылась по направленію къ курятнику.

XII.

Повѣсивъ голову, опустивъ хвостъ и уши, тихо ковылялъ Фингалъ по узенькой полевой тропинкѣ къ лѣсу, гдѣ стояла разваленная сторожка, служившая ему пріютомъ.

Солнце закатилось, замѣтно похолодѣло и всѣ лужицы быстро затянуло тоненькимъ, какъ писчая бумага, льдомъ, на которомъ отражался пурпуръ заката.

— Нѣтъ, она-таки жалѣетъ меня! думалъ Фингалъ. — Она-таки обо мнѣ заботится!.. Она не позволила остаться, но это потому, что она, вѣдь, не знаетъ, куда посылала меня на отдыхъ! Нѣтъ, мнѣ еще нѣчего горевать!

Не взирая, однако, на такія отрадныя разсужденія, ему было такъ тошно, что хоть ложись да пропадай.

Повалилъ снѣгъ большими мягкими хлопьями, и когда онъ добрался до разваленной сторожки, она уже на половину была занесена бѣлымъ сугробомъ.

Онъ остановился на порогѣ, поглядѣлъ, но войти не рѣшился и началъ кружить между кустами и деревьями.

Онъ чувствовалъ, что въ сердце его словно вползало какое-то холодное жало и мертвило тамъ прочно гнѣздившіяся дорогія чувства любви и вѣры.

Время отъ времени, онъ, для бо̀льшей убѣдительности, громко лаялъ:

— Строго осуждать ее невозможно! Задатки богатые! Надо терпѣніе! Изъ нея можетъ выработаться удивительный характеръ!

Но никакимъ громкимъ лаемъ нельзя воскресить почившей вѣры!

— Да что̀-жь это со мною? провылъ онъ, остановившись.—Изъ меня точно вынули сердце! Какъ пусто! Создатель! какъ пусто! Да не оскорбленное-ли это самолюбіе такъ дѣйствуетъ?

Онъ сталъ себя допытывать, заглядывать во всѣ свои сердечные тайники, но ничего подобнаго не обрѣлъ.

Если, допуская образное выраженье, дорогой образъ былъ напечатлѣнъ на его сердцѣ, то теперь онъ началъ какъ-то стираться самъ собою. Напрасно горемычный песъ съ мучительною тоской пытался возстановить его, или хотя остановить процесъ дальнѣйшаго сглаживанья—образъ все блѣднѣлъ, все тускнѣлъ...

Въ недоумѣньи, онъ оглядѣлся кругомъ.

Снѣгъ пересталъ падать. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ поле, покрытое мягко-сіяющею бѣлою пеленою, занесенные сугробами кусты, опушенныя деревья. Вдалекѣ виднѣлась усадьба, гдѣ свѣтились огоньки.

Ему просто стало страшно. Съ безсознательною надеж-

дой, что близость предмета долгой беззавѣтной привязанности оживитъ гаснущее съ такою страшною непонятною быстротою пламя, онъ пустился къ усадьбѣ, достигъ чернаго двора и очутился у курятника.

Что̀-же?

Великій Боже! какъ все измѣнилось!

Онъ сѣлъ на заднія лапы и съ испугомъ началъ вглядываться въ каждый окружающій его предметъ.

Всего какихъ-нибудь два-три часа тому назадъ, этотъ амбаръ, напримѣръ, казался ему совсѣмъ не такимъ жалкимъ строеньемъ, какъ теперь. Неужто этотъ самый курятникъ могъ когда-нибудь представляться ему въ радужномъ свѣтѣ?

Хоть-бы кто-нибудь прошелъ, или крикнулъ! Хоть-бы что̀-нибудь упало, или зашумѣло!

Онъ принялся ходить по двору изъ угла въ уголъ, машинально вездѣ шаря, словно надѣялся отыскать потерянное.

Онъ испытывалъ и глубокія огорченья, и сильное горе, и грызущую тоску, но подобнаго ничего никогда.

— Я, кажется, просто умираю! подумалъ онъ и легъ около курятника, подъ плетнемъ.

Ему припомнилось, ка̀къ онъ разъ видѣлъ въ кабинетѣ превосходительства потухающую лампу.

— Я, должно быть, какъ эта лампа, гасну! вздохнулъ онъ. — Какое странное, жуткое ощущеніе! Гасну — гасну — гасну...

Ему было ни холодно, ни тепло, ни легко, ни тяжело. Яркій свѣтъ мѣсяца немножко слѣпилъ глаза, но это его не безпокоило.

— Гасну — гасну — гасну... думалъ онъ.—Какъ-же жить-то потомъ?

Этого онъ никакъ не могъ себѣ представить...

Вдругъ раздался легкій шорохъ.

Онъ обрадовался этому звуку, поднялся, насторожилъ уши...

Шорохъ, очевидно, происходилъ въ курятникѣ.

Сердце у него какъ будто шевельнулось, что̀ его несказанно обрадовало, — хотя шевельнулось не по-старому, но, все-таки, шевельнулось.

Курятникъ былъ очень ветхій и черезъ прогнившія доски легко можно было заглянуть въ его внутренность.

Онъ заглянулъ.

Кружки и полоски мѣсячнаго свѣта, падавшіе сквозь многочисленныя дыры и щели, позволяли видѣть цѣлые ряды спящихъ куръ на насѣстѣ. Нѣсколько черныхъ зобовъ, охваченныхъ мѣсячнымъ лучомъ, казались вылитыми изъ чистой блестящей стали, бѣлыя крылья принимали серебристый оттѣнокъ.

— Хорошо, кто можетъ свернуться вотъ этакъ въ комочекъ и сладко заснуть! вздохнулъ Фингалъ.

Кто-то, однако, и здѣсь не спитъ. Шорохъ слышенъ изъ темнаго угла. Оттуда кто-то крадется...

Она!

Творецъ! ка̀къ въ прежнее время забилось-бы его сердце! А теперь онъ только удивленъ!

Прежнее время! Да развѣ въ прежнее время онъ могъ, какъ теперь, засматривать въ этотъ курятникъ и замѣчать, ка̀къ отсвѣчиваютъ разные зобы при мѣсячныхъ лучахъ? Въ прежнее время, у него, не доходя четверти версты до курятника, уже начала-бы мелькать радуга въ глазахъ!

Однако, куда-же она такъ крадется?

Къ самому большому отверстію въ стѣнкѣ, которое выходитъ къ полю.

Она высовываетъ головку, вглядывается, вслушивается... Она словно кого-то ждетъ...

А! вотъ и снаружи шорохъ!

Она радостно взмахиваетъ крыльями и отвѣчаетъ кому-то на что̀-то утвердительно...

Нѣсколько паръ чьихъ-то ловкихъ, проворныхъ, опытныхъ лапъ начинаютъ расширять дыры въ стѣнкѣ...

Наконецъ, въ отверстіи показывается знакомое рыльце, въ другомъ отверстіи другое, за нимъ и третье...

— Входите! входите! шепчетъ Авдотья Ѳедотовна:—всѣ спятъ и никто намъ не помѣшаетъ переговорить объ Америкѣ...

Модеста Петровна уже въ курятникѣ и помахиваетъ пушистымъ хвостомъ, за ней вскакиваетъ какой-то Модестъ Петровичъ, за первымъ Модестомъ Петровичемъ вскакиваетъ второй, за вторымъ третій...

— Вотъ и я съ крестничкомъ! шепчетъ Модеста Петровна:—а эти... тоже крестнички...

— Тоже преслѣдуемые?

— Тоже...

— И тоже въ Америку?

— Тоже...

— Я очень счастливъ, Авдотья Ѳедотовна, началъ первый крестничекъ.

Это слово точно послужило сигналомъ, по которому прочіе крестнички и крестная мамаша сыпнули по угламъ.

Послышался слабый пискъ... Затѣмъ раздался пискъ отчаянный... произошла суматоха. Съ насѣста однѣ куры валились, другія взлетывали къ самому потолку, третьи метались, какъ угорѣлыя, по полу... Запищало, захрустѣло, закудахтало, замелькали острыя мордочки и пушистые хвосты.

Фингалъ залаялъ, однимъ прыжкомъ перескочилъ черезъ плетень въ поле, но простреленная нога не позволяла ему впрыгнуть въ отверстіе!

— Ахъ! кудахъ — тахъ — тахъ! раздался знакомый голосокъ...

Видно, въ гаснущей лампѣ еще сохранилась малая толика масла, потому что она вспыхнула очень ярко.

Сильнымъ ударомъ грудью онъ откинулъ полусгнившую доску и кувыркомъ слетѣлъ вкурятникъ...

— Цыпочка! гдѣ ты? лаялъ онъ, сокрушительно стискивая въ лапахъ одного гибкаго крестничка въ мягкой шубкѣ и поймавъ зубами пушистый хвостъ крестной мамаши.

Остальные крестнички легче мухи взлетѣли къ отверстію и исчезли.

— Цыпочка! гдѣ ты? лаялъ Фингалъ.

— Полноте, дорогой Фингалъ Ивановичъ, умильно-убѣдительно уговаривала Модеста Петровна, силясь высвободить свой пушистый хвостъ: — вѣдь, все это одно недоразумѣнье... Пустите меня на секунду, и я вамъ объясню...

— Вы нападаете на преслѣдуемаго... на изгнанника... на поэта... визжалъ Модестъ Петровичъ...

Куриные трупы устилали полъ. Одна курица видимо со страху помѣшалась и оглушительно, неистово кудахтала въ углу.

— Цыпочка! гдѣ ты?

— Помогите!

— Гдѣ ты? гдѣ ты?

— Вотъ она, у меня подъ лапой, я ее съѣмъ! крикнула Модеста Петровна.

— Кудахъ — тахъ!

Фингалъ выпустилъ хвостъ и хотѣлъ схватить за лапу, но лапа выскользнула, какъ угорь, и Модеста Петровна мелькнула между небомъ и отверстіемъ... Онъ хотѣлъ

придержать изгнанника и поэта, но цыпочка еще громче закудахтала.

— Помогите! помогите! меня ѣдятъ! ѣдятъ! ѣдятъ! и онъ кинулся сокрушать зубы, осмѣлившіеся ее коснуться.

Онъ нашелъ ее въ углу съ оборваннымъ крыломъ, обезумѣвшую отъ ужаса.

— Ты ранена? ты дурно себя чувствуешь? спрашивалъ онъ, поддерживая ее.

Но она ничего не въ состояніи была отвѣтить и только вытягивала шею и дико поводила растерянными глазами.

Между тѣмъ, со двора уже неслись человѣческіе крики.

Фингалъ схватилъ названную сестрицу и выскочилъ съ нею на свѣжій воздухъ.

— А! вотъ онъ воръ-то! закричалъ кто-то торжествующимъ голосомъ. — Не уйдешь!

Фингалъ слышалъ, какъ тяжелый камень свиснулъ въ воздухѣ, потомъ вдругъ все кругомъ потемнѣло...

— Эхъ ты, умница! ты, вѣдь, это въ собаку угодилъ! сказалъ кто-то.

— Да, вѣдь, у нея курица была въ зубахъ! отвѣчалъ другой кто-то.

— Должно, со сна померещилось!

— Нѣтъ, не померещилось!

— Кудахъ—тахъ—тахъ!

— Э! хохлатая-то курочка уцѣлѣла! только крылышко маленько помято!

— Неси ее въ избу!

Все стихло.

Фингалъ вдругъ вздрогнулъ, приподнялся, открылъ глаза и, казалось, спросилъ:

— Такъ это-то и вся жизнь?

И, какъ-бы получивъ безотрадный отвѣтъ, отнявшій у него послѣднюю бодрость, грохнулся на землю.

*

Мѣсяцъ высоко поднялся и ярко свѣтилъ. Можно было различить каждый репейникъ въ испятнанной кровью, всклоченной шерсти покончившаго съ міромъ.

Пробѣжали какія-то двѣ крысы и пріостановились.

— Вѣдь, вѣрно, и любилъ, и вѣрилъ, и страдалъ, и блаженствовалъ, сказала одна крыса, которая казалась помоложе: — а теперь?

— Это общая участь, ma chère, наставительно замѣтила крыса по-старше.

КОРОЛЕВНА Я.

(Посвящается Вѣрѣ Александровнѣ Ераковой).

I.

За тридевять земель, въ тридесятомъ царствѣ, въ далекомъ государствѣ жилъ-былъ король съ королевой, которые всѣмъ были-бы довольны, еслибы не сокрушало ихъ одно: у нихъ не было дѣтей.

— Всѣхъ-то Богъ наградилъ дѣтками, вздыхала королева: — только насъ обошелъ своею милостью!

— Не ропщи, уговаривалъ ее король: — а надѣйся да молись: авось Господь и услышитъ наши молитвы.

Господь, точно, услышалъ. Не прошло и году послѣ этого разговора, какъ у нихъ родилась королевна.

Радостямъ, а на радостяхъ пирамъ, не было конца. Все королевство пѣло, плясало, ликовало и поздравляло другъ друга съ исполненіемъ завѣтнаго желанья.

Но на прочное счастье въ этомъ мірѣ никто не надѣйся!

*

Сначала король съ королевой только любовались своею красавицей королевной, но, наконецъ, волей-неволей, пришлось имъ замѣтить, что красавица королевна чрезвычайно своенравна и требовательна, вѣчно заботится о себѣ и никогда не помышляетъ о другихъ, прелестно поетъ и танцуетъ, когда бываетъ весела, и по своему благоусмотрѣнью заставляетъ пѣть и танцовать другихъ, ничуть не справляясь съ ихъ расположеніемъ духа.

II.

Однажды, поздно ввечеру, добрый старый король долго ходилъ озабоченный взадъ и впередъ по своему спальному покою. Доброй старой королевѣ тоже, повидимому, чтò-то взгрустнулось и она сидѣла, машинально расправляя и разглядывая золотое шитье своей мантіи.

Во дворцѣ все уже утихло и они были наединѣ.

Наконецъ, добрый старый король остановился передъ доброю старою королевой и сказалъ ей:

— Она съѣла сегодня всѣ мои пирожки!

На чтò добрая старая королева отвѣчала ему:

— Она выпила до послѣдней капли мой сиропъ!

— Вертѣла трещоткой, когда я засыпалъ!

— Свистала въ дудку, когда у меня болѣли зубы!

Они поглядѣли другъ на друга.

— Надо обратить на это вниманіе! сказалъ добрый старый король, скрещивая руки на груди.

— Непремѣнно надо, подтвердила добрая старая королева, складывая руки на желудкѣ.

— И исправить ее!

— И исправить!

— Самое лучшее средство лишить ее завтра пирожковъ!

— И сиропа!

— Отнять трещотку!

— И дудку!

— Это заставитъ ее понять, что она должна насъ почитать!

— И любить!

— Намъ угождать!

— И насъ утѣшать!

Порѣшивъ это дѣло, добрые старые король и королева успокоились, помолились Богу, легли почивать и уснули.

III.

Но не такъ-то все легко дѣлаетсся, какъ предполагается!

Когда, на другой день, подали пирожки и добрые старые король и королева, скрѣпивъ сердце, отстранили отъ золотаго блюда ручки королевны, королевна заколотила кулачками по столу, затопала ножками и подняла такой крикъ, что оглушила добраго стараго короля на правое, а добрую старую королеву на лѣвое ухо.

— Я! Я !Я! разносились по всему дворцу, по дворцовому саду и даже по окружнымъ лѣсамъ и полямъ. — Я! Я! Я! Это Я значило:

Я единственное первое и главное лицо! Мнѣ одной подобаетъ всякая честь, поклоненіе и утѣха! Всѣ обязаны мнѣ прислуживать и угождать, всѣ должны почитать за счастье думать обо мнѣ и заботиться!

Но гнѣвъ королевны доходилъ до того, что языкъ у нея почти отнимался и она ничего не въ состояніи была выкрикнуть, кромѣ одного Я.

Впрочемъ, королевнино Я обладало достаточною выразительностью и всѣ, кто его ни слышалъ, отлично поняли его смыслъ.

Очень огорчились добрые старые король съ королевой и долго совѣтывались между собою наединѣ, что̀ предпринять и чѣмъ помочь бѣдѣ.

Но что̀ они ни придумывали, все оказывалось безуспѣшнымъ: королевнино Я раскатывалось все голосистѣе да голосистѣе. Приближенные старались утѣшать добрыхъ старыхъ короля и королеву:

— Ахъ, ваше величество! говорили они: — пословица говоритъ, что розы безъ шиповъ не бываютъ!

— Да̀, да̀, отвѣчалъ добрый старый король: — но это плохое утѣшенье! Еслибы хоть розы не были такъ мимолетны, или шипы хоть на нѣкоторое время опадали!

Добрая старая королева только вздыхала и гладила рукою золотое шитье своей мантіи, какъ она всегда это дѣлала въ затруднительныхъ обстоятельствахъ.

IV.

Между тѣмъ часы, дни, недѣли, мѣсяцы и годы шли. «Я» такъ гремѣло, что нетолько все королевство, но и самые добрые старые король и королева забыли прежнее имя своей красавицы-дочки и никто иначе не величалъ ее, какъ королевна Я.

Мы уже сказали, что королевна Я была красавица, и она это очень хорошо знала, потому что часто смотрѣлась въ зеркало.

Жениховъ у нея было столько, что хоть огородъ городи, хоть мосты мости, но она ни за кого не шла замужъ и говорила:

— Когда много былья въ полѣ, то поглядѣть, ка̀къ оно волнуется и зеленѣетъ даже пріятно, а возьмите одну былинку — она никуда не годится!

Добрые старые король и королева пробовали ее склонить къ замужеству. Нерѣдко добрый старый король, походивъ взадъ и впередъ по покоямъ, что̀ всегда у него служило признакомъ душевнаго волненья, откашливался и мягко начиналъ:

— Какой молодецъ Иванъ королевичъ!

Добрая старая королева сейчасъ-же спѣшила на подмогу и со вздохомъ замѣчала:

— Золото, а не королевичъ!

Королевна Я ни гугу, словно рѣчь до нея и не касается.

Добрый старый король опять начиналъ ходить взадъ и

впередъ по покою, опять откашливался и приступалъ уже порѣшительнѣе:

— Я-бы желалъ съ нимъ породниться!

— И я-бы желала! поддерживала добрая старая королева.

— А я не желала, не желаю и желать не буду! рубила, какъ топоромъ, королевна Я.

И ужь послѣ этого настаивать было невозможно, иначе она начинала метаться и кружиться по покою, какъ вьюга по полю, и на всю околицу гремѣла:

— Я! Я! Я!

Доброму старому королю оставалось только беречь отъ глухоты уцѣлѣвшее лѣвое ухо, а доброй старой королевѣ правое, а Ивану королевичу, потуживши, поплакавши, отъѣзжать во-свояси.

V.

Въ одинъ ненастный осенній вечеръ добрый старый король получилъ черезъ гонца извѣстіе, что къ нему спѣшитъ въ гости новый женихъ для королевны Я.

Добрый старый король прочиталъ грамату, бросилъ ее и махнулъ рукой.

Добрый старый король не имѣлъ привычки отчаяваться; напротивъ, онъ всегда надѣялся на устраненье всѣхъ напастей, и хотя прошлое давало ему полное право махнуть рукой, онъ не махнулъ-бы, не будь ненастной, сырой погоды, которая дурно дѣйствовала на его подагру.

Однако, онъ, прихрамывая, пошелъ къ своей доброй старой королевѣ и сказалъ ей:

— Къ намъ ѣдетъ новый женихъ, новый Иванъ королевичъ. Я не жду проку отъ этого посѣщенья, но, все-таки, слѣдуетъ его принять согласно нашему сану и нашей славѣ.

— Разумѣется, надо, отвѣчала, вздыхая, добрая старая королева.

— Я велю розыскать шесть шестиголовыхъ гусей и подать ихъ на жаркое къ обѣденному столу. Ка̀къ ты думаешь, вѣдь это хорошо будетъ?

— Очень хорошо! отвѣчала добрая старая королева.

— Потомъ, я прикажу... Но надо спѣшить! Онъ, пожалуй, того и гляди, нагрянетъ! Но прежде всего пойдемъ, подготовимъ ее къ свиданію!

Противъ всякаго ожиданья, королевна Я весьма благосклонно приняла переданное ей извѣстіе о пріѣздѣ новаго Ивана королевича.

— Очень рада! отвѣтила она: — очень рада!

Не взирая на разыгравшуюся подагру, добрый старый король тотчасъ-же развеселился отъ этихъ привѣтливыхъ словъ.

— Увидишь, что дѣло пойдетъ на ладъ! сказалъ онъ своей доброй старой королевѣ, когда надѣлъ свой ночной колпакъ, а она ночной чепецъ.

— А шестиголовые гуси? Ты не забылъ распорядиться! напомнила старая добрая королева.

VI.

Иванъ королевичъ пожаловалъ и свиданье обошлось какъ нельзя благополучнѣе.

Королевна Я очаровательно съ нимъ раскланилась и спросила о здоровьѣ.

— Я тебѣ говорилъ! шепнулъ добрый старый король своей доброй старой королевѣ.

Потомъ пошли къ обѣденному столу, кушали шестиголовыхъ гусей и всякія сласти, запивали разными питьями и винами, а откушавши, сѣли на атласныхъ подушкахъ и начали бесѣдовать.

Доброму старому королю нетерпѣливо хотѣлось уладить поскорѣе свадебное дѣло, и онъ украдкой моргалъ своей доброй старой королевѣ, чтобы она какъ-нибудь половче удалилась изъ покоя и оставила жениха съ невѣстой объясниться между собой наединѣ.

Но добрая старая королева была очень недогадлива, а главное, нерѣшительна. Она и видѣла, что ей моргаютъ и ей казалось, что это знакъ уйти.

— А если это знакъ не уйти, а остаться? брало ее вдругъ сомнѣнье.

И она оставалась на своей атласной подушкѣ въ нерѣшимости.

— Какая чудесная звѣзда на небѣ сверкаетъ! сказала вдругъ королевна Я, обращая свои звѣздоподобные глаза на голубое небо, гдѣ ярко сіяло солнце.

— Вы хотите сказать: солнце? спросилъ Иванъ королевичъ.

— Нѣтъ, я хочу сказать звѣзда! отвѣчала королевна Я.

— Но, вѣдь, это солнце!

— Нѣтъ, это звѣзда!

— Помилуйте...

— Звѣзда!

Добрый старый король, видя, какъ повертывается дѣло, ужасно встревожился, растерявшись, подбѣжалъ къ Ивану королевичу, дернулъ его за полу и шепнулъ:

— Не перечьте! это пройдетъ!

Но Иванъ королевичъ не слыхалъ этого предостереженія. Онъ съ удивленіемъ и горемъ долго глядѣлъ на королевну Я, у которой глаза сверкали, щеки горѣли, а уста улыбались, и, наконецъ, проговорилъ:

— Я не понимаю...

— Это звѣзда! высокомѣрно повторила королевна Я.

— Это солнце!

— Звѣзда!

— Солнце!

— Не перечьте! почти крикнулъ добрый старый король.

Но было уже поздно. Гроза разразилась и эхо отдавало на разные лады:

— Я! Я! Я!

VII.

Когда ураганъ, наконецъ, стихъ, то изъ одного угла послышались вздохи доброй старой королевы, изъ другого смущенныя восклицанья добраго стараго короля, а изъ третьяго — горькій плачъ Ивана королевича.

Изъ четвертаго угла, куда забилась королевна Я, ничего не было слышно.

Добрый старый король хотѣлъ сказать слово утѣшенія гостю и двинулся изъ своего угла, но Иванъ королевичъ предупредилъ его.

Онъ мужественно отеръ свои горькія слезы и, поклонившись доброму старому королю, поблагодарилъ его за ласковый пріемъ и сталъ съ нимъ прощаться.

— Чтò-жь это вы? Куда-жь вы? заговорилъ добрый старый король.—Стòитъ ли изъ-за пустой размолвки... Вѣдь, вы немного въ чемъ и разошлись-то!

— Какъ немного?!

— Ну, дà... Она говоритъ: звѣзда! а вы говорите: солнце! Разница небольшая, потому что оба свѣтятъ... Да и охота вамъ было спорить? Сказали бы ей: дà, звѣзда! Развѣ отъ этого васъ-бы убыло? И все-бы обошлось благополучно, а теперь...

Иванъ королевичъ опять еще горьче заплакалъ, но опять мужественно отеръ свои горькія слезы и распрощался съ добрымъ королемъ.

— Не послать-ли вернуть его? сказалъ добрый старый король своей доброй старой королевѣ.

Вѣроятно, добрая старая королева согласилась-бы, что надо вернуть, но тутъ вышла изъ угла королевна Я и твердо, холодно, какъ серебряный колокольчикъ, прозвенѣла:

— Чтобы его здѣсь не было духу! Чтобы о немъ здѣсь не было слуху! Это глупый, скучный, безобразный простофиля, котораго слѣдовало-бы засмолить въ бочкѣ, или... Точно ли онъ уѣхалъ? Прикажите обслѣдовать все королевство, и если онъ гдѣ-нибудь отыщется, немедленно выпроводить его за границы нашихъ владѣній!

VIII.

Королевна Я бодро вышла въ садъ, начала прогуливаться и стала напѣвать какую-то веселую пѣсенку

— Ка̀къ хорошо жить на свѣтѣ! говорила она и говорила именно потому, что ей въ эту минуту жить было худо.

Да̀, ей было какъ-то не по себѣ. Она совершенно не могла придумать почему, но такъ было.

Утро было тихое и ясное, птички щебетали, цвѣты благоухали. Все имѣло какой-то праздничный видъ, все дышало жизнью, силою, все ликовало, начиная отъ блѣдно-розовыхъ цвѣтовъ, осыпавшихъ яблони, до шелестящей темной листвы раскидистыхъ старыхъ дубовъ, отъ жаворонка, взвивающагося въ голубомъ воздухѣ, до крупнаго бѣлаго гуся, который кружился по озеру отъ одного берега къ другому, словно затруднялся, которому отдать

предпочтенье, отъ солнечнаго луча до сверкающихъ быстрыхъ волнъ.

Но королевна Я не ликовала. Далеко нѣтъ! Она чувствовала какое-то непонятное безпокойство, какую-то необъяснимую тревогу и недовольство собою.

— Что̀ со мною? задавала она себѣ вопросъ и удовлетворительнаго отвѣта не находила.

Промучившись нѣкоторое недолгое время надъ этимъ вопросомъ и не рѣшивъ его, она вдругъ вспыхнула гнѣвомъ и рѣшила во что̀ бы то ни стало положить конецъ такому необыкновенному и такому невыносимому для нея состоянію духа.

Она взялась за дѣло своимъ обычнымъ порядкомъ, то-есть, стала искать успокоенья въ томъ, чтобы кого-нибудь повергнуть во прахъ, затоптать или что̀-нибудь испортить, разрушить.

Она, какъ бѣшеный потокъ, пустилась впередъ, сокрушая цвѣты, ломая молодые отпрыски деревьевъ, пугая птицъ и приводя въ ужасъ всѣхъ, кто встрѣчался съ нею или до кого издали долеталъ ея голосъ.

Однимъ словомъ говоря, еще не видано было въ мірѣ королевны, которая подпимала бы такой гамъ, производила столько изъяну, такъ пугала людей и такъ огорчала родителей.

А главное то, что все это неистовство нимало ея не облегчало. Внутреннее недовольство, которое ее такъ возмущало, не отставало отъ нея ни на минуту и тихо, глухо, упорно точило да точило ее.

Королевну Я очень часто сравнивали съ розой. Ну, вообразите себѣ этотъ нѣжный цвѣтокъ, еслибы всѣ шипы куста, на которомъ онъ цвѣтетъ, обратились на него и впились въ его нѣжную чашечку, и это дастъ вамъ нѣкоторое понятіе о томъ, ка̀къ безпокойное, тошное недо-

вольство и тревога все глубже и глубже входили въ сердце королевны Я.

Доведенная до отчаянія, она побѣжала, какъ безумная, куда глаза глядятъ: всѣ восхищались ея несравненною легкостью и ей блеснула надежда, что такая тяжелая тревога не поспѣетъ за нею.

IX.

И она бѣжала, бѣжала, бѣжала... пока не добѣжала до громаднаго дремучаго лѣса..

Сердце ея было до того неспокойно, а умъ до того поглощенъ разгадываньемъ непонятной, овладѣвшей ею тревожной тоски, что она даже не обратила вниманья: лѣсъ передъ нею или поле и устремилась въ чащу.

Она пыталась и тутъ бѣжать, но такъ какъ деревья, стоявшія почти сплошною стѣной, заграждали ей путь, то она прыгала, скакала, то громко смѣялась, то во весь голосъ пѣла и вскрикивала:

— Что̀ за вздоръ, какая у меня тоска? откуда? Мнѣ мнѣ весело! весело! весело! Прочь всякая тоска! прочь всякая тревога! Шш! шш! Я прогоню ихъ, какъ глупыхъ воронъ! Шш! шш! шш!

И она махала руками и трясла своею прекрасною кудрявою головкой.

Но есть ощущенья и мысли, которыя, вопреки всему, къ намъ привязываются и отъ которыхъ не отдѣлаешься ника-

кимъ шиканьемъ. Напрасно говоришь себѣ: отгонимъ ихъ и развеселимся! они тутъ, какъ тутъ, и все тошнѣй, да тошнѣй отъ нихъ становится.

Стремительный бѣгъ, дикіе прыжки, оглушительный хохотъ и отчаянное пѣнье ни къ чему не привели, развѣ только къ одному тому, что прекрасная королевна совершенно заблудилась въ лѣсу и не могла изъ него выбраться.

Тогда она замѣтила, что лѣсъ этотъ вдругъ потемнѣлъ и вдругъ сдѣлался угрюмъ и мраченъ, какъ лицо человѣка, котораго вдругъ поразила нехорошая мысль.

Прекрасные глаза королевны Я растерянно наблюдали, какъ со всѣхъ сторонъ все болѣе и болѣе сгущались тѣни.

Отовсюду неслись какіе-то тихіе, зловѣщіе звуки, отъ которыхъ страшно ныло и замирало ея сердце.

Она все пробиралась впередъ, лихорадочно раздвигая косматыя вѣтви, но вдругъ очутилась въ такой непроницаемой гущинѣ, что вынуждена была остановиться.

Удивленная, испуганная, она глянула впередъ, глянула назадъ, направо, налѣво, и не увидала нигдѣ ни малѣйшаго просвѣта.

Обширный дремучій лѣсъ, по истинѣ, имѣлъ въ себѣ что̀-то грозное. Куда ни обрати глаза, вездѣ воздвигаются черноватые громадные стволы и зеленыя массы непроницаемой листвы. Куда ни попытайся двинуться, отовсюду протягиваются вѣтви, которыя хлещутъ въ лицо, иглистые кусты, которые впиваются въ тѣло, колючіе терновники, которые, словно крючья, рвутъ одежду, колеблющіяся надъ головою гирлянды зелени, которыя цѣпляютъ за волосы. Безпрестанно приходилось спотыкаться на повалившіяся деревья, а скрывавшія ихъ гордовины, хмѣль и другія ползучія и вьющіяся растенія опутывали ноги, словно цѣпи, или змѣи, и тянули назадъ.

И все это, казалось, спрашиваетъ съ угрожающимъ видомъ:

— Зачѣмъ вы сюда зашли? Что̀ вамъ тутъ надо?

Королевна Я ничего не могла отвѣтить, развѣ только то, что зашла сюда, сама не зная, какимъ образомъ, и что теперь, измученная и обезсиленная, не имѣла силъ отсюда выбраться.

Она упала на землю, устланную обломками сухаго дерева, схватила себя руками за голову и громко зарыдала.

X.

Случилось, что неподалеку проходилъ веселый юноша, который отыскивалъ въ лѣсу прямую крушиновую вѣтку на трость. Шапка на бекрень, охапка крушины подъ мышкой, весело насвистывая пѣсенку и въ тактъ помахивая гибкою вѣточкой, онъ пробирался по тропинкѣ, возвращаясь домой, какъ вдругъ услыхалъ громкое, отчаянное рыданье.

— Кто это могъ-бы тутъ рыдать? сказалъ онъ.

И путеводимый раздирающими душу звуками, онъ направился въ чащу и проникъ до мѣстечка, гдѣ лежала королевна Я.

— Что̀ съ тобою, красная дѣвица? спросилъ онъ, просовывая сквозь листву свое доброе, круглое лицо, исчерченное, какъ географическая карта населенной страны, перекрестными царапинами, которыя онъ пріобрѣлъ, спѣша на рыданія. — Что̀ съ тобою? Кто тебя обидѣлъ?

Въ первый разъ въ жизни надменной королевнѣ пришлось услыхать предположенье, что ее, королевну Я, можетъ кто-нибудь обидѣть, но, тѣмъ не менѣе, слова простодушнаго юноши не раздражили ее, а скорѣе тронули. Она хотѣла ему что-то отвѣтить; быть можетъ, попросить, чтобы онъ ее вывелъ на дорогу, но, къ ужасу ея, она ничего не могла выговорить, кромѣ своего несчастнаго Я.

— Я! Я! Я! разнеслось по темному лѣсу. — Я! Я! Я!

— Да что̀ такое ты? добивался юноша. — Полно такъ сокрушаться! Можетъ, твое дѣло не совсѣмъ еще пропало!

Она опять пыталась что̀-то сказать, но изъ устъ ея опять вылетало только одно отчаянное:

— Я! Я! Я!

Бился-бился добрый юноша, наконецъ, выбился изъ силъ и оставилъ рыдающую королевну.

Она снова очутилась одна.

Ея тревога, тоска и страхъ удвоились и она еще громче и отчаяннѣе принялась рыдать.

Часы проходили и лѣсъ все больше и больше хмурилъ свои густыя, мрачныя брови.

Случилось, что на закатѣ солнца одинъ знахарь собиралъ неподалеку разные лекарственные корни и цѣлебныя травы. Онъ услыхалъ рыданья и съ большими затрудненіями пробрался къ рыдающей королевнѣ.

— Кто тебя обидѣлъ, дѣвушка? спросилъ онъ, просовывая между листвой свое серьёзное лицо.

— Я! Я! Я! застонала королевна, ломая руки въ безсильномъ отчаяніи.

Знахарь строго на нее посмотрѣлъ.

— Кто тебя обидѣлъ, дѣвушка? повторилъ онъ, возвышая голосъ.

— Я! Я! Я!

Злополучная королевна не могла произнести другого слова, кромѣ своего роковаго «Я»!

Знахарь постоялъ нѣсколько минутъ, посмотрѣлъ на нее и удалился, бросивъ ей на прощанье:

— На себѣ и ищи!

Королевна снова осталась одна.

Она до того была измучена, что уже не имѣла силъ рыдать. Она прижалась лицомъ къ землѣ и ей казалось, что сердце разбилось у нея въ груди.

День, между тѣмъ, склонялся къ вечеру. Въ лѣсу сдѣлалось нетолько темно, а черно, и попади вы вдругъ въ чащу, вы навѣрное подумали-бы, что вамъ кто-то нахлобучилъ шапку на глаза. Темь была непроглядная. И все затихло, замолкло. Только чуть-чуть шелестѣла листва, да время отъ времени трещала гдѣ-нибудь сухая вѣтка, падая съ дерева. Затѣмъ наступало прежнее безмолвіе, которое казалось еще страшнѣе.

Королевна Я собрала послѣднія силы и приподнялась.

— Что̀ за страшный мракъ! хотѣла она вскрикнуть, но, вмѣсто этихъ словъ, у нея вырвалось одно «Я»!

— Я! Я! Я! кричала она, заливаясь горькими слезами.

И вдругъ со всѣхъ сторонъ, изъ далека и изъ близка, раздалось, повторяемое на разные тоны и лады странными, насмѣшливыми голосами тоже дикое «Я»!

Она обезумѣла отъ ужаса. Она упала на колѣни и, стиснувъ руки, дрожа съ ногъ до головы, такъ и осталась.

«Я» все разносилось, раскатывалось, гремѣло, рокотало, пѣло и визжало. Казалось, вся природа перекликалась этимъ страшымъ словомъ.

Начинало «Я» замирать по близости, «Я» отдавалось въ отдаленьи и ходило по лѣсу на разные голоса, одинъ другаго зловѣщее.

*

Бѣдной королевнѣ чудилось, что у нея въ ушкахъ гудитъ какой-то колоколъ; красныя точки и полосы молніей засновали у нея передъ глазами и она лишилась чувствъ.

XI.

Она, разумѣется, не знала, сколько именно времени длилось это безпамятство.

Когда она пришла въ чувство, ей казалось, что она погружена въ дремоту, что все кругомъ тихо и свѣжо и что великолѣпная ночь ласкаетъ ее своею мягкостью. Съ невыразимымъ наслажденьемъ она вдыхала запахъ лѣсной фіалки, хоронившейся во мху. Вотъ заблагоухали гдѣ-то и цвѣтки шиповника.

Эти легкіе ароматы казались ей чѣмъ-то въ родѣ дружескихъ голосовъ, которые ее оживляли и ободряли. Сердце ея какъ-то чудно расширялось и ныло...

И вотъ изъ глазъ ея полились тихія, обильныя слезы.

Эти слезы совсѣмъ не были похожи на прежнія: такими она отъ роду не плакивала. Они дѣйствовали на нее, какъ теплый майскій дождь на захирѣвшій луговой цвѣтокъ...

Въ груди ея тоже развертывался какой-то цвѣтокъ, и развертывался быстро: всѣ лепестки его начинали трепетать жизнію, всѣ волоконца тихо волновались и вздрагивали...

Тутъ она впала въ забытье, похожее на глубокій сонъ.

Королевну, какъ и всякаго, кто очутился-бы въ лѣсу на утренней зарѣ, разбудилъ солнечный лучъ.

Она встала и съ улыбкой оглядѣлась кругомъ.

Странная это была улыбка и странно она преображала лицо королевны!

Не то, чтобы улыбка была веселая—она, скорѣе, была грустная — а между тѣмъ, чуялось, что чье лицо ею озаряется, той нѣчего очень тужить.

А что̀ за превращенье совершилось съ лѣсомъ! Онъ, казалось, на улыбку королевны улыбнулся всею своею зеленою массой.

— Не понимаю, почему ты показался мнѣ такимъ непривѣтнымъ и страшнымъ! сказала королевна, обращаясь къ дремучему.

И она разсмѣялась.

Разсмѣялся и лѣсъ, разумѣется, не очень звонко, а съ нѣкоторою сдержанностью, какъ и подобаетъ величественному бору. Веселый трепетъ понесся по кустарникамъ, проникъ въ освѣжонную ночною росой листву, наполнилъ воздухъ тихимъ шелестомъ, разбудилъ разноголосое пѣнье, щебетанье и заставилъ дрогнуть всѣ тихія и звонкія ноты ликующаго весенняго утра.

Королевна тихо пробиралась по лѣсу, и ка̀къ хорошо было теперь по немъ пробираться!

Нельзя сказать, чтобы это не было сопряжено съ затрудненіями: то и дѣло приходилось останавливаться и долго раздвигать вѣтви и расплетать травы, пока проложишь себѣ дорожку; но, вѣдь, подъ движущимися зелеными лѣсными сводами, между зелеными шелестящими лѣсными стѣнами было такъ свѣжо и прохладно! Вѣтви скорѣе обнимали, чѣмъ задѣвали. Даже шипы и колючки, казалось,

для того только и давали себя знать, чтобы вы пріостановились, еще разъ обернулись и отвѣтили улыбкой на это шаловливое о себѣ напоминанье.

XII.

Въ глубокой задумчивости дошла королевна до лѣсной опушки и остановилась.

Она только-что припоминала и перебирала все свое прошедшее. Передъ нею мелькали цѣлыя вереницы огорченныхъ лицъ, которыхъ она когда-то угощала своимъ «Я».

«Когда-то!» будто это было такъ давно?

— Бѣдные! думала королевна, я постараюсь всѣхъ ихъ вознаградить за претерпѣнныя огорченья, утѣшить...

А что̀, если найдутся такіе, которые до того глубоко огорчились, что ихъ ничѣмъ уже не вознаградишь, ничѣмъ не утѣшишь?

Отъ этой мысли сердце у нея страшно замерло и вотъ тутъ-то она и остановилась, тоскливо обративъ глаза на дорогу, что̀ вилась отъ опушки по чистому широкому полю.

Она чувствовала, что, обратись на нее теперь одинъ взглядъ печальнаго упрека, это для нея будетъ тошнѣе всѣхъ смертей...

Однако, оставаться на мѣстѣ, во всякомъ случаѣ, было непригодно и королевна, скрѣпя сердце, отправилась дальше, по дорогѣ къ дому.

Скоро увидала она знакомыя окна, позлащенныя утренними лучами, цвѣтущія яблони въ саду, большой полуза-

сохшій дубъ, оплетенный цѣпкими гирляндами хмѣля, замшившуюся окраину брошеннаго колодца, старый кустъ жасмина, обвившаго рѣшотчатую калитку.

Она опять остановилась...

Кто могъ думать, что всѣ эти неодушевленные предметы когда-нибудь заставятъ такъ сильно забиться ея сердце!

Тихо и смиренно вошла она въ свой дворецъ.

Все было безмолвно въ покояхъ. Добрый старый розовый король и добрая старая розовая королева сидѣли другъ противъ друга и лица ихъ представляли одно перекрещиванье и пересѣченье жалобныхъ морщинокъ.

— Бѣдные! подумала королевна, глядя на нихъ издали и не зная, кàкъ лучше подойти.

Но на помощь ей тотчасъ-же явились ловкіе придворные, которые мигомъ уладили дѣло. Одинъ, самый ловкій, рѣшилъ, что радостное извѣстіе о возвращеніи королевны слѣдуетъ передать не иначе, какъ ползкомъ, и когда другіе послушались и поползли, онъ перескочилъ черезъ ихъ голову, однимъ прыжкомъ очутился передъ ихъ величествами и, проливая слезы умиленья, доложилъ о счастливомъ событіи.

Добрый старый король съ своею доброю старою королевой сначала заплакали, а потомъ захлопали въ ладоши, расцаловали свою красавицу королевну, тотчасъ-же повелѣли устроить великолѣпнѣйшій пиръ и къ обѣденному столу подать на жаркое уже не шестиголовыхъ, а двѣнадцатиголовыхъ гусей.

Во время пира, видя, что королевна сидитъ очень тиха и молчалива, добрый старый король окончилъ поскорѣе двѣнадцатиголоваго гуся, вытерся золотошитой салфеткой, расправилъ усы и сказалъ ей, указывая на ярко сіявшее солнце:

— Посмотри, ка̀къ славно блеститъ звѣздочка!

— Ахъ, какая звѣздочка! подхватили придворные: — Какое поэтическое мерцанье!

Королевна поблѣднѣла и задрожала, но скоро овладѣла собою и проговорила:

— Я такъ-же, какъ и вы, вижу, что это солнце...

Добрый старый король переполошился. Онъ уже пригнулся, ожидая обычнаго урагана. Сердце у него такъ заколотилось, что сначала онъ подумалъ, не затрепехался-ли это съѣденный имъ двѣнадцатиголовый гусь. Добрая старая королева отъ испуга начала затягивать ленты своего чепца и пролила на скатерть сладкое питье.

Но ничего подобнаго не случилось. Королевна умолкла и, попрежнему, сидѣла тихо и смирно.

Добрый старый король не довѣрялъ чуду и рѣшился сдѣлать еще испытанье.

— Какое яркое солнце! сказалъ онъ, нѣсколько заикаясь.

— Да, отвѣтила ему королевна: — яркое солнце.

Послѣ этого благополучнаго испытанія, добрый старый король заплакалъ отъ радости.

Затѣмъ, нѣсколько успокоившись и высморкавшись, онъ сказалъ:

— Это просто было колдовство, злыя чары... Теперь это перешло на бѣднаго Ивана королевича: по извѣстіямъ съ границы нашихъ владѣній, онъ теперь ничего не можетъ выговорить, кромѣ «Я»... Жаль! бѣднягу!

— Жаль — жаль! сказала добрая старая королева.

Блѣдная королевна ничего не сказала. Можетъ, ей тоже было жаль, но она считала за лучшее объ этомъ молчать.

ЗАТѢЙНИКЪ.

I.

Жила-была одна почтенная семья, которая, вовсе того не ожидая и не желая, воспитала пребезпокойнаго сына. Родители были почтенные, бабушка и дѣдушка почтенные, дяди и тетки почтенные, братья и сестры почтенные, но онъ ни въ кого изъ нихъ не уродился, и чѣмъ больше входилъ въ лѣта, тѣмъ чувствительнѣе огорчалъ всѣхъ родныхъ и знакомыхъ.

Сначала онъ росъ себѣ ничего и, казалось, мало чѣмъ отличался отъ прочихъ дѣтей, но не успѣлъ стать на ноги, какъ уже началъ чудить и затѣйничать.

II.

Былъ большой праздникъ: собирались встрѣчать Новый Годъ.

Погода стояла чудесная. Синее небо было чисто и прозрачно, звѣзды казались вдвое крупнѣе и выступали съ изумительною яркостью. По бѣлымъ улицамъ, испещреннымъ освѣщенными окнами и фонарями, съ визгомъ проносились санки, мягко катились кареты, мелькали торопливо скрещивающіеся пѣшеходы. Двери въ блестящихъ магазинахъ и модныхъ кондитерскихъ были въ постоянномъ движеньи и сквозь цѣльныя стекла въ кондитерскихъ преимущественно мелькали бѣлые и черные султаны, генеральскія перья, высокіе цилиндры и мѣховыя шапки, а въ магазинахъ толклись, какъ мошки, разноцвѣтныя шляпки и пуховые кружевные платки. Время отъ времени, пролетали удалыя тройки съ позвонками и прошмыгивали маленькія чухонскія розвальцы. Всѣ спѣшили. Изъ пяти пѣшеходовъ, двоимъ непремѣнно было такъ спѣшно, что они ужь не шли, а бѣжали; изъ пяти ѣздоковъ, двое непремѣнно укоряли извозчика за вялую ѣзду.

— Вотъ и Новый Годъ на дворѣ! раздавалось то справа, то слѣва.

— Вотъ и дождались!

Родители вышли въ гостиную, дѣти тоже.

Зажжена большая лампа, сняты чехлы съ голубой мёбели, на столѣ новая, удивительно яркая и красивая скатерть.

Папаша — онъ въ черномъ сюртукѣ, лакированныхъ

ботинкахъ, новомъ галстухѣ и со знакомъ за какую-то безпорочность въ петличкѣ — самъ заботливо осматриваетъ лампу, поправляетъ свѣтильню.

Мамаша — она въ новомъ шелковомъ платьѣ, кружевной наколкѣ и тяжеломъ золотомъ браслетѣ — держитъ новый абажуръ.

Прелесть, что̀ за абажуръ! Когда родитель возлагаетъ его на лампу, по комнатѣ разливается какой-то чрезвычайно мягкій, не то блѣдно-голубой, не то блѣдно-розовый свѣтъ.

Родители отступаютъ и окидываютъ взглядомъ гостиную. Они, видимо, очень довольны эфектомъ абажура.

— Не толпитесь вокругъ стола, сказалъ папаша дѣтямъ: — это нехорошо. Вы можете опрокинуть лампу. А кто подъ Новый Годъ ведетъ себя дурно...

— То-есть, кто встрѣтитъ Новый Годъ дурнымъ поведеніемъ, проредактировала мамаша.

— Ну, да̀, кто Новый Годъ встрѣтитъ дурнымъ поведеніемъ, тотъ цѣлый годъ будетъ дурно вести себя и никѣмъ любимъ не будетъ.

— Потому что не будетъ достоинъ любви! закруглила мамаша.

Затѣмъ родители прошли въ столовую, а дѣти за ними.

Столовая тоже имѣла праздничный видъ. Между чайнымъ сервизомъ очень красиво возвышались двѣ горки мелкаго печенья, а между горками печенья миндальный пирогъ.

Папаша поправилъ сбившуюся портьеру, мамаша возстановила нарушенную симетричность чайныхъ чашекъ на подносѣ, расправила розанъ, воткнутый въ вершину миндальнаго пирога.

Затѣмъ они посмотрѣли другъ на друга, какъ-бы говоря:

— Кажется, все въ порядкѣ?

— Цвѣтокъ-бы сюда какой-нибудь! сказалъ папаша послѣ нѣкотораго соображенія. — Въ томъ углу какъ-то пусто...

— Можно азалію туда переставить, сказала мамаша.

— Прекрасно! прекрасно!

Папаша обратился къ дѣтямъ:

— Дѣти! сказалъ онъ: — идите въ гостиную и имѣйте терпѣніе. Не шалите и не ссорьтесь. Братцы съ сестрицами должны обращаться деликатно...

— И никто не долженъ дразнить другихъ, закруглила мамаша.

Братцы и сестрицы возвратились въ гостиную.

— Не падай! сказала средняя сестрица среднему братцу, который зацѣпился ногой за коверъ. — А то цѣлый годъ будешь падать!

— Сама падай! рѣзко отвѣтилъ средній братецъ, которому, очевидно, непонравилось пророчество.

— Ну, садиться и имѣть терпѣнье! скомандовалъ другой братецъ, старшій.

И когда всѣ разсѣлись, онъ, съ самоувѣренностью генерала, который увѣренъ, что подъ его командой все исправно, подошелъ къ окну и началъ писать кончикомъ языка какіе-то вензеля на слегка замерзшемъ стеклѣ.

Средняя сестрица, вѣроятно, въ силу того, что если теперь «имѣть терпѣнье», то придется имѣть его и цѣлый годъ и, находя это для себя неудобнымъ, соскользнула съ кресла, очутилась у другаго окна, гдѣ тоже начала работать язычкомъ по стеклу.

А такъ какъ средній братецъ былъ чрезвычайно честолюбивъ и не выносилъ ничьего превосходства и ни въ чемъ, то и на стеклахъ третьяго окна скоро запестрѣла стара-

тельно, хотя и не особенно изящно выведенная фраза: «Зина дура.»

Старшая сестрица, откинувъ нѣсколько голову, любовалась, какъ эфектны ея ручки при свѣтѣ лампы подъ новымъ абажуромъ.

Самый меньшой братецъ сидѣлъ неподвижно. Онъ о чемъ-то думалъ.

Раздался звонокъ.

Старшій братецъ, какъ мячикъ, отскочилъ отъ окна на средину комнаты, средняя сестрица начала торопливо тереть стекло носовымъ платкомъ, но честолюбецъ, выводившій на стеклѣ «Зина дура», не имѣлъ силъ отказаться отъ удовольствія хотя на-скоро взглянуть, какой эфектъ произведетъ эта характерная надпись на ту, къ кому относилась, и крикнулъ средней сестрицѣ:

— Скорѣй сюда! Скорѣй!.. Ай! что нашелъ!..

И указалъ на надпись.

Быстрые, любопытные глаза стремительно подскочившей средней сестрицы сверкнули гнѣвомъ, щечки вспыхнули и...

И неизвѣстно, чѣмъ-бы окончилось это дѣло, еслибы дѣдушка и бабушка, вмѣстѣ съ тетеньками и дяденьками, не входили уже въ сопровожденіи родителей въ гостиную, гдѣ старшая сестрица встрѣчала ихъ граціознымъ книксеномъ, милою улыбкой и поцалуями.

— Здравствуйте, дѣтки, здравствуйте! игриво говорилъ разбитымъ теноромъ дѣдушка, сѣдой какъ лунь, щеголеватый, веселый старичокъ, въ бархатныхъ сапогахъ, въ широкомъ, какъ балахонъ, сюртукѣ съ огромными карманами, «числомъ свыше узаконеннаго числа», какъ острилъ дѣдушка, гдѣ у него всегда были запасы разныхъ гостинцевъ, которыми онъ любилъ подолгу поддразнивать внуковъ, потому что, былъ убѣжденъ дѣдушка, сперва слѣдуетъ подержать въ опасеньи и неизвѣстности, а по-

томъ ужь отдать, иначе не будутъ цѣнить и чувствовать.

— Здравствуйте, дѣтки, здравствуйте! говорила надтреснутымъ сопрано бабушка, сѣдая, какъ серебро, щеголеватая, довольная старушка, въ бархатныхъ ботинкахъ, въ блондовомъ чепцѣ и широкомъ шелковомъ капотѣ съ глубокими карманами, гдѣ она носила, какъ тоже острилъ дѣдушка, «экстренные запасы», которые съ улыбкой передавала ему, прикрывъ платкомъ отъ взоровъ внуковъ.

— Ну-ка, выдвигайся, кто отличился добрымъ поведеніемъ и прилежаніемъ въ наукахъ! продолжалъ дѣдушка.

— Ну-ка, выдвигайся! продолжала бабушка.

Родители, тетеньки и дяденьки, обступавшіе пестрымъ полукругомъ дѣдушку и бабушку, улыбались.

Старшая сестрица тоже улыбалась, очевидно, считая себя изъятою изъ рѣшеннаго уже для нея вопроса; старшій братецъ подался назадъ, въ видимомъ убѣжденіи, что это щекотливое дѣло касается не его, а среднихъ.

Средняя сестрица храбро выдвинулась впередъ, но средній братецъ, считавшій, какъ уже было сказано, всякое чужое въ чемъ-бы-то ни было превосходство для себя позоромъ, выдвинулся еще дальше.

Только меньшой стоялъ на мѣстѣ.

— Ну-ка, теперь выдвигайся, кто больше всѣхъ напроказилъ! сказалъ дѣдушка.

— Ну-ка! сказала бабушка.

Средняя сестрица проворно очутилась на возможно заднемъ планѣ. Средній братецъ старался отретироваться еще дальше.

— Хе — хе — хе! засмѣялся дѣдушка, чрезвычайно утѣшенный своею остроумною выходкой.

— Хе — хе — хе! засмѣялась бабушка, чрезвычайно утѣшавшаяся всякою выходкой дѣдушки.

Всѣ засмѣялись, потому что всѣ были довольны дѣдушкой и бабушкой и самими собой.

— А ты, что̀ тамъ стоишь, черноглазый пенёкъ? обратился дѣдушка къ меньшому братцу, который, принявъ дѣдушкинъ поцалуй, оставался неподвиженъ.—Въ паркетъ хочешь врости, а? Ну-ка, подойди поближе!

— Подойди-же поближе къ дѣдушкѣ, внушительно прибавилъ папаша

— Какъ слѣдуетъ доброму внучку! закруглила мамаша.

— Видно, напроказилъ? продолжалъ дѣдушка.—Погляди-ка на меня! Прямо, прямо на меня!

Большіе темные глаза, далеко уступающіе въ искрометности веселымъ глазамъ прочихъ братцевъ и сестрицъ, какъ будто утомленные долгимъ созерцаньемъ чего-то неяснаго и далекаго, устремились въ маленькіе, съ желтой пестринкой, зрачки дѣдушки.

— Ну, ну, говорилъ съ добродушнымъ лукавствомъ дѣдушка: — ну... ужь моргни, моргни, я позволяю...

— Моргни, дѣдушка позволяетъ! говорила, подсмѣиваясь, бабушка.

Но темные глаза не моргали и выраженье ихъ было нѣсколько странное. Они, казалось, съ недоумѣньемъ вглядывались въ улыбающуюся, испещренную алыми жилками физіономію дѣдушки, словно впервые только ее, какъ слѣдуетъ, видѣли.

— Что̀ это онъ такъ сегодня надулся? обратился дѣдушка къ родителямъ.

— Для Новаго-то Года! прибавила бабушка.

— Не понимаю... началъ папаша.

Но тутъ снова раздался звонокъ.

— Вѣрно, Рублевы! сказалъ папаша.

Раздался второй звонокъ.

— Вѣрно, Кредитовы! сказала мамаша.

Произошло маленькое движеніе. Дѣдушка и бабушка выпрямились, родители двинулись къ входнымъ дверямъ, старшая сестрица-таки ухитрилась, что и на ея личико хватило мѣстечко въ зеркалѣ, въ которомъ отразились быстро повернувшіяся къ нему разнообразно убранныя головки тетенекъ, дяденьки обдернули на себѣ лацканы, поправили галстухи, а у кого были усы, тѣ разгладили и усы.

Средніе братецъ и сестрица воспользовались этимъ движеньемъ, чтобы сначала высунуть другъ другу языки, а затѣмъ поддать другъ другу въ бока, за какое неприличіе старшій братецъ счелъ необходимымъ наградить ихъ равносильными пинками, что̀, надо отдать ему справедливость, онъ исполнилъ мастерски.

Меньшой братецъ былъ оставленъ, отошелъ къ окну, сталъ глядѣть на улицу и опять задумался.

Долго онъ тутъ простоялъ и продумалъ, никѣмъ незамѣчаемый за спущенными оконными занавѣсками.

Собравшееся около стола, подъ новою яркою скатертью, общество весело и шумно разговаривало. То и дѣло дребезжалъ смѣхъ дѣдушки, за которымъ непосредственно дребезжащимъ эхомъ доносился смѣхъ бабушки, неумолкаемо звенѣли голоса тетенекъ и ихъ пріятельницъ Рублевыхъ, раздавались болѣе рѣзкія и болѣе полныя ноты изъ замѣчаній дяденекъ и ихъ пріятелей Кредитовыхъ, вѣскія, хотя смягченныя ноты изъ бесѣды родительницъ и все покрывающія басовыя ноты изъ бесѣды родителей. Изъ ближняго угла доносился раздраженный шопотъ:

— Дура! шепталъ средній братецъ.

— Дуракъ! шептала средняя сестрица.

— Моська!

— Обезьяна!

Суетливая ѣзда и ходьба на улицѣ прекратились. Из-

рѣдка только проѣзжалъ извозчикъ съ пустыми санками или проходила, пошатываясь, какая-нибудь темная фигура. Звѣзды все такъ-же ярко сверкали на прозрачномъ голубомъ небѣ, бѣлый городъ, испещренный огненными точками, представлялъ все ту-же великолѣпную панораму.

Шумно поднялись всѣ съ мѣстъ, раздались перекрестныя восклицанья, поздравленья, пожеланья, поцалуи.

Часы прогудѣли двѣнадцать.

— Вотъ это тебѣ, а это тебѣ, а это тебѣ, началъ дѣдушка, одѣляя внучатъ подарками. — А гдѣ-жь меньшой?

— Вѣрно заснулъ гдѣ-нибудь, сказала бабушка.

Всѣ стали искать меньшого, и нашли.

Старшая сестрица привела его за руку и поставила передъ дѣдушкой, который сидѣлъ на диванѣ, обложенный свертками.

— Ахъ, ты, соня! сказалъ дѣдушка, ущипнувъ его за щеку. — Вѣдь, ты проспалъ коня! Погляди-ка, каковъ конь!

И дѣдушка, развернувъ свертокъ, показалъ коня.

Конь, дѣйствительно, былъ кавалергардъ-кавалергардомъ! Просто заглядѣнье!

— Что̀-жь ты? Еще, видно, не проснулся, дружище, а? Совсѣмъ неподвижный стоишь!

Дѣдушку видимо волновала эта неподвижность: онъ даритъ такого коня внучку, а внучекъ словно и не чувствуетъ!

— Ты спишь, а?

— Нѣтъ, отвѣчалъ меньшой, принимая въ руки подарокъ.

— Хорошъ конь?

— Хорошъ.

— Нѣтъ, ты спишь!

— Проснись-же! сказала бабушка съ укоромъ.

— Проснись, сказалъ внушительно папаша.

— Ну, вотъ тебѣ еще бархатный кафтанъ, продолжалъ дѣдушка, накидывая этотъ кафтанъ на стоящую передъ нимъ фигурку.—Ну, что̀-жь? Или не нравится? Пойдемъ-ка къ зеркалу, посмотрись!

Дѣдушка подвелъ меньшого къ зеркалу и меньшой посмотрѣлся.

— Поведи-ка рукою — атласисто?

Меньшой повелъ рукою и проговорилъ:

— Атласисто.

— Не понимаю, что̀ съ нимъ сдѣлалось! сказалъ папаша.

Старшая сестра, стараясь пробудить въ немъ сознаніе, даже стала на колѣни около него и слегка его потормошила, приговаривая:

— Благодари-же милаго дѣдушку! благодари!

И подтолкнула его къ милому дѣдушкѣ.

Онъ машинально приложился къ морщинистой щекѣ.

— И бабушку! учила старшая сестрица.

Онъ также машинально приложился къ другой морщинистой щекѣ.

Въ темныхъ глазахъ его выражалась какая-то тревога; онъ крѣпко сжималъ въ рукахъ дареннаго коня.

Дѣдушка, ожидавшій восторга и любившій шумныя проявленія восторженныхъ чувствъ, былъ, очевидно, разочарованъ въ своихъ ожиданіяхъ. Онъ нѣсколько омрачился и оперся руками на диванъ, приготовляясь встать и уйти въ столовую, куда уже почти всѣ перешли, какъ вдругъ меньшой проговорилъ:

— У Ѳедьки нѣтъ коня!

— Что̀? спросилъ дѣдушка.

— Что̀? спросила бабушка.

— У Ѳедьки нѣтъ коня!

— Какой Ѳедька? спросилъ дѣдушка.

— Это онъ говоритъ про одного мальчишку, бойко вмѣшалась средняя сестрица. — Есть такой мальчишка Ѳедька... Оборванный... Онъ говоритъ, что у него нѣтъ коня...

— А! Ну, конечно, у него нѣтъ коня!

— Я хочу, чтобы и у него былъ конь!

— Что̀?

— Что̀?

— Я хочу, чтобы и у него былъ конь!

— Не понимаю, что̀ городитъ этотъ глупый мальчикъ! проговорилъ съ неудовольствіемъ папаша.

Бойкая средняя сестрица опять выступила съ поясненіемъ.

— Когда мы ходили съ мамашей, начала она: — покупать по дешевой цѣнѣ коробки на конфекты къ коробочнику — къ тому, что̀ дѣлаетъ коробки — такъ мы тамъ видѣли мальчишку Ѳедьку...

— *Почему* ты знаешь, что этотъ мальчишка — Ѳедька? строго прервалъ папаша.

— Его такъ кликали тамъ... Онъ худой, какъ кость... И на немъ рубашка черная — черная... такая, какъ чернила... И шея у него тоненькая, какъ ниточка... И онъ босой... и ноги тоже черныя... и какъ березовая кора...

— И отъ него такъ нехорошо воняетъ, вмѣшался средній братецъ, который никакъ не могъ допустить, чтобы другіе разсказывали, а онъ молчалъ. — Я не могъ...

— Полноте болтать глупости! перебилъ папаша.

И обратясь къ дѣдушкѣ, сказалъ:

— Пойдемте въ столовую, папенька!

Меньшой, у котораго въ то время, какъ бойкая средняя сестрица очерчивала портретъ Ѳедьки, по лицу пробѣгали

какія-то тѣни, а темные глаза расширялись и увлажались, повторилъ опять:

— Я хочу, чтобы и у него былъ конь!

— Иди-ка лучше спать! не безъ суровости произнесъ папаша.

— Нельзя, чтобы у всѣхъ были кони! мягко и наставительно замѣтила старшая сестрица и хотѣла взять его за руку.

Но онъ вырвалъ у нея свою руку. Темные глаза съ тоскою перебѣгали по окружающимъ его лицамъ.

Ни одно не выражало сочувствія его желанью доставить и Ѳедькѣ коня!

— Я хочу...

— Полно, полно! произнесъ папаша тономъ, недопускающимъ возраженій.

— А когда онъ таковъ, сказала бабушка, которую тоже нѣсколько омрачило разочарованье, постигшее дѣдушку: — такъ мы отдадимъ его коня этому Ѳедькѣ... А?

Лицо меньшого мгновенно озарилось и темные глаза засіяли, точно его вдругъ навели на настоящую дорогу среди темнаго лѣса, гдѣ онъ мучительно блуждалъ.

Онъ протянулъ коня бабушкѣ.

— Можетъ, и бархатный кафтанчикъ тоже Ѳедькѣ? не безъ горечи замѣтилъ дѣдушка.

Онъ схватилъ съ своихъ плечъ бархатный кафтанчикъ и протянулъ его дѣдушкѣ.

— Дѣдушкинъ-то подарокъ! тихо вскрикнула старшая сестрица.

Старшій братецъ только пожалъ плечами и улыбнулся, какъ-бы желая сказать:

— Чего-жь вы отъ него хотите?

— Пошлите Григорья за Ѳедькой! сказалъ дѣдушка.

Съ минуту длилось молчанье. Всѣ ожидали раскаянья.

Раскаянья не было и признака!

— Ахъ, ты, затѣйникъ! проговорила, наконецъ, бабушка. — Пойдемъ-ка чай пить...

— А?..

— Пойдемъ, пойдемъ...

Затѣйникъ горько заплакалъ.

— Приказываю тебѣ: утри глаза и иди за бабушкой! сказалъ папаша.

— Перестань, сказала старшая сестрица:—всѣ на тебя смотрятъ...

— Если подъ новый годъ отдать коня, то цѣлый годъ будешь всѣхъ своихъ коней отдавать! предостерегла средняя сестрица.

— Чтò тебѣ за дѣло до Ѳедьки? вмѣшался средній братецъ, ни за чтò не хотѣвшій уступить сестрицѣ поле краснорѣчія.

— Если ты подъ новый годъ будешь плакать о Ѳедькѣ, перебила средняя сестрица:—то цѣлый годъ будешь о немъ плакать!

Этотъ «глупый капризъ», какъ называлъ папаша, привлекъ всѣхъ изъ столовой. Всѣ окружили плачущаго затѣйника, гладили его по головкѣ, целовали, давали совѣтъ успокоиться, приводили разные назидательные примѣры плачущихъ мальчиковъ.

Мамаша сказала:

— Не огорчай насъ своими капризами и будь умницей, отерла ему глаза и повела за чайный столъ.

— А это показываетъ доброе сердце! сказалъ одинъ Рублевъ, усаживаясь въ креслѣ и набирая себѣ печенья.

— Но служитъ, въ то же время, и признакомъ увлекающагося характера, сказалъ одинъ Кредитовъ, наливая сливокъ въ чай: — а увлеченія...

— Воспитанье все это сгладитъ! успокоительно замѣтилъ второй Рублевъ.

— А главное, жизнь покажетъ, что всему необходима своя мѣра! замѣтилъ второй Кредитовъ.

— Все это пройдетъ! говорилъ дѣдушка на другомъ концѣ стола.—Мало-ли какихъ затѣй не бываетъ въ ребячествѣ! Я вотъ, когда былъ такимъ, какъ онъ, залѣзъ разъ въ овинъ и не хотѣлъ оттуда выходить!

— Въ овинъ?

— Дà, дà, въ овинъ, въ копоть! А потомъ и прошло! Теперь ужь не залѣзаю! Хе — хе — хе!

— На-ка тебѣ, затѣйникъ, кренделекъ! сказала бабушка.—Чтò-жь ты ничего не кушаешь?

Поблѣднѣвшее лицо затѣйника все дрогнуло: онъ протянулъ руку за кренделькомъ, какъ слѣпой.

Да онъ ничего и не видѣлъ передъ собою, потому что изъ глазъ у него неудержимо полились обильныя слезы.

— Онъ просто нездоровъ и его надо уложить спать! сказалъ папаша.

И вывелъ затѣйника изъ комнаты.

III.

Прошли годы...

Въ той-же самой гостиной снова собрались дѣдушка и бабушка, папаша и мамаша, дяденьки и тетеньки, братцы и сестрицы.

Хотя гостиная была такъ-же парадна, даже еще параднѣе, потому что мёбельная обивка была роскошнѣе преж-

ней, появились по стѣнамъ фамильные портреты въ золоченыхъ рамахъ и освѣщенье было блистательнѣе, но гостей никого не было и собрались, очевидно, не для праздника.

На всѣхъ лицахъ лежалъ отпечатокъ огорченья, или, по крайней мѣрѣ, озабоченности и досады.

Чтò-же возбуждало эти огорченья, озабоченность и досаду?

Всѣ, казалось, благоденствовали по-прежнему.

Дѣдушка и бабушка все еще были щеголеватыми старичками. Они, можно сказать, сохранялись такъ-же успѣшно, какъ сухіе мхи въ стеклянныхъ ящичкахъ, которые страстный ботаникъ осторожною рукой съ любовью передвигаетъ иногда съ мѣста на мѣсто. Видѣли вы эти мхи вчера и потомъ посмотрите на нихъ двадцать лѣтъ спустя, они все тѣ-же на видъ.

Конечно, безъ перемѣнъ нельзя. Случились перемѣны, но перемѣны, повидимому, все благопріятныя, ведущія къ благосостоянію и благополучію.

Папаша и мамаша раздобрѣли, даже нѣсколько поотекли, потому что теперь почти не ходятъ, а все ѣздятъ въ каретѣ. Тетеньки и дяденьки, хотя еще сохраняли часть бывалой безпокойной юркости, но, по ихъ движеньямъ, позамъ, тону разговора, видно было, что уже они стремились на рысакахъ по гладкимъ путямъ и дорогамъ, побѣдоносно крича всѣмъ спотыкающимся: поди! поди!

Старшая сестрица уже носитъ чепчики, и какіе очаровательные фасоны она придумывала для этихъ чепчиковъ! И устроиваетъ у себя вечера съ танцами и пѣніемъ, на которыхъ бываютъ Рублевы и Кредитовы.

Старшій братецъ—директоръ какого-то общества и задаетъ обѣды съ стерлядями больше себя ростомъ.

Средній братецъ при старшемъ—главнымъ агентомъ его общества, а судя по тому, какъ пышно цвѣтетъ нарядная

средняя сестрица, есть полное основаніе надѣяться, что и она не замедлить надѣть очаровательнаго фасона чепчикъ и устроить у себя вечера съ танцами и пѣніемъ; только она, вѣроятно, кромѣ Рублевыхъ и Кредитовыхъ, пригласитъ еще и нѣкоторыхъ, имѣющихъ извѣстность Безденежкиныхъ, потому что любитъ новизну, разнообразіе, контрасты, столкновенія, всякій шумъ и гамъ.

Только меньшой неизвѣстно гдѣ.

Гдѣ затѣйникъ?

— Вы увидите, что онъ не придетъ! говоритъ одна тетенька, которая терпѣть не можетъ, чтобы не приходили, когда она ждетъ.

— Я увѣрена, что придетъ! возражаетъ другая тетенька, которая когда ждетъ, не допускаетъ и возможности, чтобы кто-нибудь могъ не придти.

Нѣсколько минутъ длится молчаніе.

— Онъ съ малолѣтства былъ затѣйникъ! задумчиво замѣчаетъ, наконецъ, бабушка.

— Только *эти* затѣи поопаснѣе прежнихъ! замѣтилъ одинъ дяденька съ глубокомысленнымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ большаго, гладкаго, какъ толока, лица.

— Заранѣе-бы слѣдовало принять мѣры, заранѣе!.. проговорилъ второй дяденька съ добрыми, привѣтливыми глазами и мягкимъ голосомъ.

— Развѣ мы не принимали? не безъ горечи возразилъ папаша. — Я употреблялъ всѣ средства и...

— И мы не можемъ упрекнуть себя въ нерадѣніи, дополнила мамаша.

Старшая сестрица ничего не сказала, средняя тоже, но, глядя на нихъ, съ увѣренностью можно было предположить, что первая тоже не могла упрекнуть себя въ нерадѣніи, а вторая, если и была виновна въ нерадѣніи, то

ужь никакъ не въ сочувствіи какимъ-нибудь затѣямъ, исключая затѣй бально-романическихъ — нисколько.

— Полно, полно горевать! сказалъ дѣдушка. — Я все это устрою! Увидите!

— Какъ-же вы думаете устроить, папенька? спросилъ дяденька съ добрыми привѣтливыми глазами и мягкимъ голосомъ.

— Побалую его чѣмъ-нибудь! отвѣчалъ дѣдушка.

— То-есть, чѣмъ-же чѣмъ-нибудь, папенька?

— Деньжонокъ дамъ!

— Помилуйте, папенька! да это пагуба! воскликнулъ дяденька съ глубокомысленнымъ большимъ лицомъ, у котораго выступила густая краска на щекахъ при словѣ: побалую. — Его слѣдуетъ проморить голодомъ, а не баловать!

— Да, мнѣ тоже кажется... началъ папаша.

— Извини, что прерву тебя, Ѳеофилъ, сказалъ дяденька съ добрыми глазами и мягкимъ голосомъ, прерывая папашу и лишая мамашу случая закруглить или пополнить фразу.— Прошу тебя, Помпей, не горячись, обратился онъ къ дяденькѣ съ глубокомысленнымъ лицомъ, рѣшительнымъ видомъ и, какъ оказывалось, непреклоннымъ нравомъ. — Я полагаю, что «побаловать» вовсе не такъ неумѣстно въ этомъ случаѣ, какъ...

— Поощрять?.. рыкнулъ дяденька Помпей, багровѣя еще больше:—поощрять?.. Если ты намѣренъ слѣдовать совѣту Нектарія, обратился онъ къ папашѣ, сверкая глазами: — то мнѣ остается только удалиться. *Я* не желаю поощрять без...

— Позволь мнѣ выяснить свою мысль, прервалъ дяденька Нектарій.

— Эта мысль, по-моему, безнравственная! Его голодомъ...

— Позволь мнѣ уяснить... Папенька, которому мы всѣ съ наслажденіемъ повинуемся, рѣшилъ, что лучше всего не запугивать мальчика, а обойтись съ нимъ мягко. Вы такъ рѣшили, папенька?

— Такъ, такъ, отвѣтилъ дѣдушка, кивая головой.

— Я нахожу, что это практичнѣе всего. Ѳеофилъ пробовалъ строгія мѣры... Вѣдь, ты пробовалъ?

— Пробовалъ, отвѣтилъ папаша.

— И безуспѣшно?

— Безуспѣшно.

— Ты, вѣроятно, билъ, да потомъ гладилъ! раздражительно замѣтилъ дяденька Помпей. — Надо бить и не гладить!

— Такъ какъ строгія мѣры безуспѣшны, то слѣдуетъ, по-моему, принять другія, продолжалъ дяденька Нектарій. — Я совѣтую встрѣтить его ласково, не упрекать, даже не брюскировать... Ты говоришь, что онъ теперь въ какой-то лачугѣ, оборванъ? обратился онъ къ папашѣ.

— Дà, отвѣчалъ папаша.

— Чтò разрываетъ намъ сердце! дополнила мамаша.

— Сколько времени онъ такъ живетъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ я его... удалилъ...

— Съ роковаго дня Зининыхъ именинъ, вотъ уже скоро два года... дополнила мамаша.

— Значитъ, мѣяцевъ двадцать? Въ двадцати мѣсяцахъ много дней и ночей для того, кто днемъ работаетъ голодный и кому ночью голодъ спать мѣшаетъ.

— Онъ такъ закалился! воскликнула средняя сестрица: — безъ перчатокъ, безъ галстуха...

Старшая сестрица сказала:

— Мнѣ вчера Адель говоритъ: я встрѣтила на улицѣ кого-то, ужасно похожаго на твоего брата; но это, вѣрно,

не твой братъ? и сама смотритъ мнѣ въ глаза! Онъ и себя, и насъ ужасно компрометируетъ!

— Не послать-ли его въ Крымъ? предложила одна тетенька. — Annette Бочарову посылали и помогло...

— Не поселить-ли его въ провинціи? предложила другая тетенька. — Написать къ князю Борису Борисовичу, чтобы онъ устроилъ его у себя?

— По-моему, тутъ нѐчего церемониться! прорычалъ дяденька Помпей.

— Кто-то сказалъ, что онъ закаленъ, дà? началъ дяденька Нектарій.—И покуда онъ въ холодѣ, въ голодѣ, въ темнотѣ и вонючей сырости, онъ будетъ закаленъ! А вы пустите его въ тепло и свѣтъ, дайте ему понюхать любимыхъ его кушаньевъ, окутайте его мягкими покровами, повѣйте на него благоуханіями, и закалённость опадетъ! Зачѣмъ крутыя мѣры, скандалы? Это вредно. Вредно для дѣла и для *всѣхъ насъ*. Папенька прекрасно придумалъ, и я могу только удивляться папенькиному уму и гордиться, что я его сынъ!

Съ этими словами дяденька Нектарій взялъ руку дѣдушки и поцаловалъ, чѣмъ дѣдушка былъ оченъ тронутъ, а также и бабушка.

— Ты теперь меня понялъ, Помпей? продолжалъ дяденька Нектарій, обращаясь къ дяденькѣ Помпею.

— Я нахожу унизительнымъ ухаживать за мальчишкой, который долженъ повиноваться приказаніямъ! проворчалъ дяденька Помпей.

— Иногда необходимо дѣлать уступки...

— Не ничтожному мальчишкѣ!

— Дѣло касается всѣхъ насъ, Помпей! Замѣть это... Итакъ, всѣ мы его встрѣтимъ, какъ родное дитя, которое возвращается послѣ долгой, тяжелой разлуки?

И дяденька Нектарій обвелъ все общество своими добрыми глазами.

— Да̀! да̀! отозвались всѣ.

Даже непреклонный дяденька Помпей кивнулъ головой, въ знакъ того, что и онъ сдается.

— О чемъ-же съ нимъ говорить? съ волненіемъ спросилъ папаша, обращая глаза на дяденьку Нектарія.

— Ты ему писалъ, что желаешь его видѣть и предложить условія, отъ выполненья которыхъ зависитъ выдача бумагъ?

— Да̀, отвѣчалъ папаша.

— Какъ ни было это тяжело, дополнила мамаша.

— Когда мы всѣ его обнимемъ, и первое волненье успокоится, ты скажи, что вручаешь ему эти бумаги, и вручи ихъ...

— Вручить? вскрикнулъ папаша.

— Вручить? повторили всѣ.

— Ну, да̀, вручить. Ему хочется имѣть эти бумаги и онъ, вѣроятно, приготовился за нихъ ратовать, отдай ему ихъ, и онъ не будетъ знать, куда обратить заготовленное оружіе. Онъ смѣшается и смягчится.

— Но выдать бумаги, значитъ потерять послѣдній контроль! сказалъ дяденька Помпей.

— Онъ черезъ четыре мѣсяца будетъ совершеннолѣтній, замѣтилъ дяденька Нектарій.—И такъ, ты отдашь ему бумаги...

Раздался звонокъ.

— Вѣроятно, онъ!

Всѣ перемѣнились въ лицѣ.

Дяденька Нектарій приложилъ палецъ къ губамъ и по очереди на всѣхъ поглядѣлъ. Взгляды его говорили:

— Помните, что̀ я сказалъ и исполняйте, иначе испортите все дѣло!

Въ дверяхъ показалась высокая молодая фигура.

Кàкъ выступали въ этой голубой шелковой гостиной всѣ изъяны его запыленнаго, заношеннаго платья, лихорадочный блескъ его темныхъ, ввалившихся глазъ и блѣдность лица!

Всѣ быстро поднялись съ своихъ мѣстъ, всѣ его окружили. Послышались поцалуи, восклицанья. Мамаша заплакала, бабушка, тетеньки, сестрицы — тоже. Папаша его обнялъ, дяденька тоже. Дѣдушка громко чмокалъ въ голову, гладилъ по волосамъ, трепалъ по щекѣ.

Онъ, видимо, ожидалъ инаго пріема и былъ нѣсколько озадаченъ.

— Садись, затѣйникъ, садись! сказалъ дѣдушка, толкая его легонько на диванъ.

— Ахъ, затѣйникъ! затѣйникъ! проговорила бабушка, отирая глаза и сморкаясь.

Какой дикій видъ имѣлъ этотъ затѣйникъ на голубомъ шелковомъ диванѣ съ своими черными, непомаженными, безпорядочными космами и некрахмаленнымъ воротомъ рубахи!

— Я приготовилъ тебѣ бумаги, сказалъ папаша затѣйнику.

— На какихъ условіяхъ? спросилъ тотъ съ наружнымъ спокойствіемъ, хотя голосъ у него, не взирая на всѣ усилія сдѣлать его ровнымъ, легонько дрожалъ.

— Безъ условій.

Его темные глаза недовѣрчиво и пытливо устремились на отца.

— Одно условіе есть! сказалъ, улыбаясь, дяденька Нектарій.

— Какое?

— Провести съ нами этотъ вечеръ... Да ты весь дрожишь отъ холоду! Сядь ближе къ камину!

И онъ не успѣлъ опомниться, какъ дяденька Нектарій увлекъ его къ камину, расшевелилъ жаръ и подкинулъ дровъ.

— Ты очень озябъ?

— Да̀.

— Чаю-бы поскорѣе!

— Ахъ, чаю! чаю! чаю! зажужжали тетеньки и сестрицы.

Мамаша поднялась съ кресла. Дяденька Нектарій поспѣшилъ къ ней, какъ-бы ожидая, что она упадетъ, поддержалъ ее, что̀-то шепнулъ ей и, возвратившись къ камину, сказалъ въ полголоса:

— Твоя бѣдная мать такъ взволнована, что совершенно теряется. Это слабость, конечно, но ты прости ей эту слабость!

Затѣйникъ — мы такъ и будемъ называть его — ничего не отвѣтилъ и хотѣлъ встать.

— Куда-жь ты? спросилъ дядя Нектарій.

— Я-бы желалъ бумаги...

— Отецъ сейчасъ принесетъ тебѣ ихъ... Но ты, вѣдь, исполнишь условіе?

— Къ чему это условіе? Мнѣ кажется, оно тягостно для обѣихъ сторонъ...

— Для меня перваго нетолько оно не тягостно, но какъ нельзя болѣе желательно! Неужто ты думаешь, что во мнѣ ужь не осталось ничего живаго, что я не могу ни на что̀ живое откликнуться? Ты ошибаешься!

Онъ произнесъ послѣднія слова, понизивъ голосъ, и глаза его эффектно сверкнули при свѣтѣ камина.

Затѣйникъ ничего не отвѣтилъ, но и молчанье его было краснорѣчиво для дяденьки Нектарія.

— Ты не вѣришь мнѣ? продолжалъ онъ.—Я на тебя не сѣтую. Это очень естественно. Но помни умную русскую

пословицу: чужая душа — темный лѣсъ и помни, что въ этомъ лѣсу нежданно могутъ разцвѣсти небывалыя тутъ растенія.

Они незамѣтно очутились вдвоемъ. Мамаша, которую такъ кстати поддержалъ дяденька Нектарій, увела въ столовую тетенекъ и сестрицъ, потомъ пришла за бабушкой, а бабушка черезъ нѣсколько минутъ пришла и увела дѣдушку. Папаша ушелъ, вѣроятно, за бумагами, а дяденька Помпей за папашей.

— У меня нѣтъ юношеской предпріимчивости, продолжалъ дяденька Нектарій: — нѣтъ юношескаго увлеченія, которое — согласись — нерѣдко портитъ все, что̀ геніально задумано; но я еще не совсѣмъ умеръ! Здѣсь еще есть кое-что̀!

И онъ дотронулся до своего лѣваго бока.

Затѣйникъ не шелохнулся, точно онъ зналъ, что на этомъ мѣстѣ лѣваго бока находится карманъ, гдѣ лежитъ только-что полученная росписка въ выгодно помѣщенныхъ тысячахъ, а около этого кармана ровно бьется спокойное сердце.

— А знаешь-ли, что ты и тебѣ подобные, желая достичь добра и правды, только заграждаете къ нимъ путь? Да̀! Вмѣсто того, чтобы идти осторожно, а главное, запастись напередъ всѣмъ необходимымъ для пути, вы кидаетесь стремглавъ и только разбиваете себѣ головы! И разбиваете безъ всякой пользы! Ты хочешь, чтобы человѣчество благоденствовало? Да̀? Но что̀-же ты можешь для него сдѣлать изъ той грязной, смрадной конуры, гдѣ ты голодаешь и мерзнешь? Что̀?

Въ грязной, смрадной конурѣ, гдѣ онъ голодалъ и мерзъ, этотъ вопросъ нерѣдко являлся въ гости. Дяденька Нектарій попалъ на больное мѣсто и оно такъ мучительно заныло, что у него невольно вырвался тотъ самый отвѣтъ,

который вырывался въ минуты одинокаго скорбнаго раздумья:

— Я сдѣлаю, что̀ могу! Что̀ я могу, то будетъ сдѣлано!

— Но ты можешь сдѣлать неизмѣримо больше, если ты возьмешься за дѣло иначе! Да взгляни-же, наконецъ, мнѣ прямо въ глаза и пойми, что я не врагъ, а другъ, не противникъ, а союзникъ!

Бѣдный затѣйникъ до того былъ погруженъ въ нелѣпую мысль осчастливить человѣчество добромъ и правдою, до того отдался этой мысли, что ему казались возможными всякія превращенья и преображенья, когда дѣло касалось этого пункта его помѣшательства.

Алчному скупцу представляется, что всякій зарится на его золото, страстно влюбленный убѣжденъ, что всякій готовъ млѣть передъ предметомъ его любви, а для бѣднаго затѣйника затѣя его была дороже, чѣмъ скупцу золото, милѣе, чѣмъ влюбленному его предметъ, и онъ твердо вѣрилъ, что сто̀ило только эту затѣю понять, чтобы предаться ей душой и тѣломъ, дѣломъ и помышленіемъ на всю жизнь.

Онъ посмотрѣлъ, какъ того требовалось, прямо въ глаза дяденьки Нектарія. Глаза эти горѣли благороднымъ пламенемъ.

— Я прозрѣлъ! проговорилъ дяденька Нектарій. — Я прозрѣлъ!

— Такъ зачѣмъ-же вы до сихъ поръ... Чего-жь вы ждете?..

И у затѣйника полилась пламенная рѣчь...

Эта рѣчь, пожалуй, показалась-бы смѣшна на бумагѣ, хотя когда онъ говорилъ, то онъ дрожалъ съ головы до ногъ, былъ блѣденъ, какъ платокъ, не замѣчалъ слезъ, которыя катились у него по щекамъ; она, пожалуй, по-

казалась-бы и длинна, какъ ни къ чему не ведущая проповѣдь, а потому всего удобнѣе будетъ передать здѣсь только ея сущность — сущность, которую какъ нельзя яснѣе выражаетъ извѣстный, приводимый въ святомъ Евангеліи, отвѣтъ Спасителя міра добродѣтельному человѣку: поди, роздай все твое имущество нищимъ и иди за мной! Иначе: отрѣшись отъ всѣхъ земныхъ благъ и всецѣло отдайся дѣлу водворенія правды и добра на землѣ.

Дяденька Нектарій слушалъ его съ подобающимъ видомъ страстнаго участія, пока у него захватило дыханье и онъ, откидывая дрожащею рукой прильнувшіе ко лбу волосы, снова обратился съ пламеннымъ вопросомъ:

— Чего-жь вы ждете?

— Меня терзаютъ разныя сомнѣнья! проговорилъ дяденька Нектарій.

— Сомнѣнья? Какія сомнѣнья?

— Помоги мнѣ ихъ разрѣшить...

— Какія сомнѣнья? Развѣ могутъ быть сомнѣнья?

— Ты не отрицаешь, что рядомъ съ людьми, достойными твоего самоотреченія, найдется много такихъ, которые могутъ приносить только вредъ и замѣшательство, которые ищутъ только одного — какъ поживиться насчетъ ближняго?

Дяденька Нектарій, въ свою очередь, говорилъ не безъ волненія. На увядшихъ щекахъ его появилась краска.

Рѣчь его и на бумагѣ не показалась-бы смѣшна, потому что онъ говорилъ послѣдовательно и благоразумно, но мы, все-таки, не станемъ приводить ее цѣликомъ, такъ какъ это заняло-бы лишнее мѣсто и растянуло исторійку, а передадимъ только ея сущность — сущность, которую вульгарнымъ образомъ, разумѣется, но вполнѣ выражаетъ мудрая пословица: своя рубашка къ тѣлу ближе.

Пословица, несомнѣнно, мудрая, но, подите вы, внушите что̀-нибудь мудрое безумному затѣйнику!

Вмѣсто того, чтобы сдаться на эту очевидную мудрость, онъ началъ городить разныя несодѣянныя вещи; изъ глазъ, изъ устъ его заструились цѣлые потоки пламени, которые жгли... только его одного.

— Удивительно, ка̀къ сумасшедшіе складно говорятъ! удивлялся про себя дяденька Нектарій, слушая затѣйника.

Въ это самое время изъ столовой понесся ароматъ разныхъ жаркихъ. Затѣйникъ вдругъ умолкъ.

— Что̀ съ тобой? спросилъ дяденька Нектарій.

Затѣйникъ не отвѣтилъ, что̀ съ нимъ, но мы за него скажемъ: онъ уже давно жилъ впроголодь, питаясь разными жалкими порціями попорченныхъ городскихъ продуктовъ и запахъ обильной роскошной пищи подѣйствовалъ на него какимъ-то опьяняющимъ образомъ.

Дяденька Нектарій частью угадалъ, въ чемъ дѣло.

— Гнилая колбаса будетъ моею лучшею помощницей! подумалъ онъ: — она усмиряетъ самыхъ ретивыхъ!

— Въ твоихъ словахъ много правды, сказалъ дяденька Нектарій:—но есть и нѣкоторыя заблужденья. Позволь мнѣ тебѣ откровенно сказать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ ты утопистъ... Да!.. Но въ человѣкѣ есть какое-то непонятное стремленье къ мученичеству, и ты, быть можетъ, побѣдишь меня... Хотя я и буду сознавать, что стремлюсь по пути мечтателей, но путь этотъ такъ заманчивъ, что я не ручаюсь, что благоразумно отвернусь отъ него... Пересоздать міръ! сдѣлать людей добрыми, любящимися братьями! Великая задача! Великая, но едва-ли исполнимая! Какъ-бы счастливъ былъ тотъ, кто... Что̀ съ тобою? ты все блѣднѣешь!

— Ничего, отвѣчалъ блѣдный, какъ смерть, затѣйникъ.

— Мы должны чаще видѣться, продолжалъ дяденька

Нектарій. — Когда мы ближе узнаемъ другъ друга, когда тѣснѣе сойдемся, мы, быть можетъ, заключимъ союзъ... Оставайся здѣсь. Я это устрою. Для того, чтобы помогать людямъ, надо имѣть нѣкоторый, такъ сказать, вѣсъ — положенье и деньги. То и другое у тебя будетъ и мѣшать тебѣ никто не станетъ. Я сейчасъ пойду все это улажу.

И дяденька Нектарій съ легкимъ сердцемъ отправился въ кабинетъ папаши.

— Ну, что̀? спросилъ папаша, который сидѣлъ съ дяденькой Помпеемъ на диванѣ въ кабинетѣ.

— Дѣло идетъ на ладъ, отвѣчалъ дяденька Нектарій.

— Онъ раскаивается?

— То-есть, онъ этого, разумѣется, не говоритъ, но я полагаю...

— Надо, чтобы онъ это сказалъ! рѣшилъ непреклонный дяденька Помпей.

— Дѣло не въ словахъ, отвѣтилъ дяденька Нектарій.

— Ты увѣренъ, что онъ раскаивается? спросилъ папаша.

— Трудно не раскаяться, отвѣтилъ дяденька Нектарій: — когда нераскаяніе ведетъ изъ уютнаго тепла и свѣта въ вонючую конуру, отъ лакомаго стола къ какимъ-нибудь сквернымъ объѣдкамъ...

— Однако, нельзя-же оставлять его въ заблужденіи, что онъ снисходитъ къ намъ! Надо, чтобы онъ почувствовалъ... настаивалъ дяденька Помпей.

— Это все потомъ, послѣ...

— Ты увѣренъ? повторилъ папаша.

— Увѣренъ!

Дяденька Нектарій былъ человѣкъ умный и бывалый. Онъ видѣлъ вещи въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и могъ многое весьма ясно и вѣрно себѣ представить.

Но и самъ дяденька Нектарій, и никто другой, не ис-

пытавшій, что̀ это за искусъ вонючая конура, холодъ и голодъ, не могъ вполнѣ опредѣлить объема испытанія, предстоящаго затѣйнику.

Бѣдный затѣйникъ сидѣлъ въ мягкомъ креслѣ у камина. Благодѣтельная теплота, какой онъ давно не испытывалъ, распространялась по его членамъ и какъ-то обезсиливала его. Пріятенъ былъ мягкій свѣтъ, разливавшійся по голубой гостиной, для глазъ, которые по-долгу оставались въ темнотѣ или работали при испорченной керосиновой лампочкѣ. Голова кружилась отъ запаха яствъ.

Глаза его были закрыты, но они видѣли убогій, сырой уголъ, куда будетъ провожать этотъ пронзительный вѣтеръ и ледяной дождь, свирѣпствовавшіе на дворѣ, видѣли жесткое, грязное ложе, на которое съ правой стороны всегда капала крупная капля воды, медленно сбиравшаяся на потолкѣ въ углу...

Сколько разъ, когда и нѐкуда было выдти, и нѐчѣмъ освѣтить, утомленный думами, онъ лежалъ и считалъ паденье этой капли!

— Онъ спитъ! прошептали около него.

— Спитъ?

Кто-то произнесъ: тшш! и все умолкло.

Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, открылъ глаза и всталъ.

Вся семья стояла около него. Отецъ протянулъ ему свертокъ бумагъ и бумажникъ, гдѣ, казалось, было достаточно денегъ.

— Можешь распоряжаться, какъ хочешь, сказалъ отецъ.

— И да наставитъ тебя Богъ на все доброе! закруглила мамаша.

— Да, да, сказалъ дѣдушка, котораго давно уже подмывало вступить, какъ онъ выражался, въ свои права, то-есть фигурировать, такъ или иначе, въ судьбахъ внука.— Я тебѣ тоже дарю маленькую суммочку... Хе—хе—хе!..

Ежемѣсячно будешь получать... Ты у меня молодецъ! Такъ свѣтъ-то намъ исправишь, а? Добро любить всѣхъ заставишь, а? Ахъ ты, добролюбъ!.. Хе — хе — хе! Затѣйникъ!

Затѣйникъ тоже усмѣхнулся. Всѣ ожидати, что онъ что̀-нибудь скажетъ особенное, трогательное, всѣ приготовились...

Но онъ ничего не сказалъ.

Онъ подошелъ къ столу, положилъ на столъ набитый деньгами бумажникъ и вышелъ изъ комнаты.

Когда опомнились отъ изумленья и кинулись за нимъ, его уже не нашли: темная улица, поливаемая ледянымъ дождемъ, скрыла его.

IV.

Прошло еще немного лѣтъ...

Было тихое, теплое, пасмурное весеннее утро. Между бѣлыми облачками кое-гдѣ сіяла нѣжная, ясная лазурь неба; окраины темной надвигавшейся тучки по временамъ вдругъ словно вспыхивали и изъ-за нихъ блестѣли золотыя иглы солнечныхъ лучей.

Изъ грязныхъ воротъ огромнаго грязнаго дома выѣхала телѣга, на которой стоялъ плохо сколоченный досчатый гробъ, повернула налѣво и направилась по люднымъ улицамъ къ кладбищу.

За гробомъ шли только двое: молодая дѣвушка и юноша, очевидно братъ и сестра.

— Ужь увезли? крикнулъ быстроглазый румяный торговецъ, выглядывая изъ своей лавочки.

— Увезли, увезли, Иларіонъ Микитычъ, умильно отвѣчала жирная старушка, взбираясь по ступенькамъ лавочнаго крылечка.—А я къ вамъ за кофейкомъ... Ужь вы, Иларіонъ Микитычъ, побалуйте меня, дайте хорошенькаго по той-же цѣнѣ... Вѣдь, сколько лѣтъ знакомы!..

— Ладно, ладно... Кто-жь его провожалъ?

— Молодь какая-то. Оборвыши тоже...

— Ужь очень гордъ былъ и затѣйливъ, продолжалъ Иларіонъ Микитычъ, насыпая въ бумажку кофе.

— Охъ, ужь и не говорите! воскликнула жирная старушка, слѣдя жадными глазами за насыпаемымъ кофе. — Подкиньте еще, Иларіонъ Микитычъ, хоть капелничку...

— Ну, вотъ вамъ...

— Неуважителенъ былъ, Иларіонъ Микитычъ... и затѣйливъ...

— Ну, и что̀-же-съ? И смирно теперь лежитъ-съ! сказалъ Иларіонъ Микитычъ, съ самодовольнымъ смѣхомъ.— У насъ затѣйливые ребята недолговѣчны-съ!

МАРУСЯ.

I.

То, что̀ я разскажу вамъ, дѣялось давнымъ-давно на Украйнѣ, въ самой глуши, и до́ сихъ поръ по свѣту еще не разнеслось. Старушка, которая мнѣ разсказывала, увѣряла, что будто въ глуши есть не мало честныхъ, великихъ дѣлъ, все равно, какъ пышныхъ цвѣтовъ. И говорила старуха — а она была очень стара, прожила не мало на бѣломъ свѣтѣ, много кое-чего повидала и много кое-чего поиспытала — ничто въ мірѣ не можетъ сравняться съ этими, въ тиши растущими, цвѣтами, ни съ этими, въ глуши таящимися, дѣлами. Вѣка идутъ, проходятъ, говорила она, а всегда одинаково пышные свѣжіе цвѣты радуютъ взоръ своею прелестію, а тихія великія дѣла сладостно смягчаютъ сердце человѣческое.

Давнымъ-давно на Украйнѣ стоялъ хуторъ, а въ этомъ хуторѣ жилъ казакъ Данило Чабанъ съ женою и съ дѣтьми.

Хуторъ этотъ, гдѣ они жили, былъ таковъ, что лучшаго не пожелалъ-бы себѣ самый прихотливый человѣкъ. Достался онъ Данилу, перешедъ черезъ руки Богъ знаетъ сколькихъ прадѣдовъ и прабабокъ, а вѣдь извѣстно всякому, что гдѣ поселится украинецъ съ украинкою, тамъ сейчасъ-же зацвѣтетъ вишневый садикъ около бѣлой хатки, заблагоухаютъ всякіе цвѣты, разбѣгутся извивчивыя тропинки по степи и по рощѣ и раздадутся мелодическія пѣсни — такъ можете вы себѣ представить, что̀ за садъ это былъ, взлелѣянный столькими поколѣньями Чабановъ, каково обилье цвѣтовъ, сколько избранныхъ мѣстечекъ и въ степи, и въ лѣсу, и на лугу по сосѣдству, и что̀ за богатство пѣсень.

Кромѣ того, самъ Богъ счастливо помѣстилъ этотъ хуторъ между степью и лѣсомъ, рѣкою и лугомъ, горою и долиною: съ одной стороны степь убѣгала изъ глазъ, зеленая, безбрежная, пахучая, волнующаяся переливными волнами зелени; съ другой стороны возносились горы, то убранныя въ деревья, въ мягкую мураву, то каменистыя и обнаженныя. Прелестная долина, совсѣмъ уединенная, безъ слѣдовъ и дорогъ, какъ-то блаженно цвѣла себѣ съ третьей стороны, а съ четвертой катилась рѣка, то по лугу, вровень съ яркими берегами, отражая въ своихъ водахъ одно небо съ его свѣтилами, да гирлянды гибкихъ камышей, то вдругъ попадалась между двухъ скалистыхъ утесовъ и шумѣла подъ ихъ громадною аркою.

Боже! ка̀къ хорошо бывало въ лѣтнее утро, когда солнце всходило, лугъ сверкалъ подъ росистыми каплями и выпархивали птицы, притаившіяся въ камышахъ, и легкая пелена тумана качалась надъ рѣкою! Боже! ка̀къ сладки бывали въ безмятежной долинѣ, при первыхъ лучахъ солнца, первыя утреннія благоуханія травъ и цвѣтовъ! А освѣженныя ночною тишиною горы, позлащен-

ныя утреннимъ свѣтомъ и блескомъ! А тихо шелестящіе лѣса! А степь безграничная, вся въ тѣняхъ и разливахъ свѣта!

Это утро; а день какой! День, когда все въ природѣ проснулось, живетъ въ полномъ разгарѣ свѣта, жизни и дѣятельности! Ка̀къ шумѣли тогда свѣжіе лѣса и ка̀къ сіяла безмятежная долина! Ка̀къ нѣжила роскошная степь и что̀ творилъ съ человѣческою душею ропотъ глубокой рѣки, соединенный съ трепетомъ звонкихъ камышей!

А вечеръ? Тихій, розовый вечѐръ, обнимающій землю темнотою и прохладою! А выступающія звѣзды и всходящій мѣсяцъ — полоса луннаго свѣта по темной степи, часть лѣсной опушки, посребренная сіяніемъ, чашечки ночныхъ цвѣтовъ въ долинѣ, мягко освѣщенныя луннымъ лучомъ, сверкающія изъ рѣчной глубины и струящіяся въ текущихъ струяхъ звѣзды, одна гора, вся помраченная, другая вся посвѣтлѣвшая, и ясный огонекъ въ хаткѣ, потонувшей въ срединѣ цвѣтущаго сада!

И кромѣ этого благодатнаго сосѣдства мягкаго луга съ глубоководною рѣкою, величавыхъ горъ и цвѣтущей долины, шумящаго лѣса и волнующейся степи, было еще доброе сосѣдство хорошихъ людей казацкаго рода.

Каждый праздникъ ужь непремѣнно или сами Чабаны выбирались въ гости, или надо было имъ приглядываться и узнавать, кто это подвигается по степовой дорогѣ къ хаткѣ: Семенъ-ли Ворошило или Андрій Крукъ; или надо было выходить навстрѣчу, заслышавъ по долинѣ звонкій говоръ веселой и миловидной дѣвушки Ганны, появляющейся впереди другихъ дѣвушекъ и молодицъ, въ исполинскомъ яркомъ, только-что по дорогѣ сплетенномъ, вѣнкѣ

на головкѣ; или надо было ждать на берегу, пока приближалась утлая лодочка Ивана Грима.

Да что проку перечислять всѣхъ друзей и пріятелей, и къ чему разсказывать всѣ ихъ увеселенія и забавы, пріятныя встрѣчи, дорогія свиданья, ласковыя разставанья? Вчужѣ самая милая забава можетъ показаться самою скучною, самая большая радость непонятною — это извѣстно, и извѣстно тоже, что иногда никакія заманчивыя игры и ликованья не сравнятся съ тихою бесѣдою добрыхъ знакомыхъ людей и никакія краснобайчивыя рѣчи не замѣнятъ молчаливаго сообщества надежнаго, вѣрнаго друга. Мнѣ кажется, лучше всего будетъ просто сказать, что на хуторѣ житье было очень хорошее, такое хорошее, что никому и въ голову не приходило его въ чемъ-нибудь измѣнить, ни у кого не являлось желанія чѣмъ-нибудь его украсить.

Но жизнь человѣческая, какъ говорится, не прямоѣзжая ровная, гладкая дорога. Охъ, сколько рытвинъ, пропастей и всякихъ напастей!

И вотъ по Украйнѣ стали носиться недобрые слухи, а что еще и тоже хуже, стали твориться недобрыя дѣла. Чѣмъ цвѣтокъ душистѣе и свѣжѣе, тѣмъ быстрѣе протягиваются руки къ цвѣтку, и «за его прелесть срываютъ его», — хороша была Украйна, и вотъ татары и прочіе разные враги льнули къ ней и раздирали ее, соперничая другъ съ дружкою въ обманѣ, ненасытности и предательствѣ.

Много было кровавыхъ, грозныхъ сѣчъ, трудныхъ переворотовъ, печальныхъ и ужасныхъ событій — о нихъ долго-бы разсказывать.

При Богданѣ Хмельницкомъ — я надѣюсь, что вы всѣ слыхали и знаете немножко, что за гетманъ былъ Богданъ Хмельницкій? — при Богданѣ Хмельницкомъ Украйна

какъ-будто пріотдохнула, но послѣ его смерти такія смуты опять наступили, такія бѣды, что, говорятъ, тогда самые грозные глаза плакали и самыя мудрыя головы кружились.

Народъ украинскій раздѣлился на партіи: кто стоялъ за великороссовъ, кто за поляковъ, кто за дружбу съ татарами. Какъ всегда почти, къ сожалѣнію, бываетъ, къ общимъ дѣламъ примѣшались частныя дѣлишки, возникли ссоры, распри и въ концѣ-концовъ вышло по пословицѣ: запрягли-то и прямо, да поѣхали криво.

II.

Разъ ввечеру собрались гости у Данилы Чабана. Вечеръ былъ тихій, темный, гости были задумчивы и смирны, хозяева не хлопотливы и не веселы. Больше мѣнялись взглядами, чѣмъ словами. Всѣхъ, кажется, занимали однѣ и тѣ-же мысли, всѣхъ тяготили однѣ и тѣ-же заботы. Изрѣдка обращались къ Андрію Круку съ вопросами о городѣ Чигиринѣ, и если рѣчь велась, то велась она все о томъ-же городѣ Чигиринѣ.

Видно было, что Андрій Крукъ хорошо зналъ этотъ городъ; онъ отвѣчалъ безъ запинки и точно рисовалъ своимъ разсказомъ и стѣны чигиринскія, и улицы, и крѣпостные валы.

Женщины тоскливо прислушивались къ мужскимъ разговорамъ, а когда разговоры эти умолкали и клубы дыма начинали обвивать усатыя лица, онѣ тихо перешептывались. Въ ихъ шепотѣ все слышалось о разныхъ битвахъ, о спаленныхъ городахъ, о разоренныхъ селахъ, о павшихъ

въ сѣчѣ людяхъ. Безпрестанно женскія лица блѣднѣли, безпрестанно слезы сверкали на глазахъ.

Одна старуха сидѣла, точно изваянная, неподвижно; изрѣдка только, когда всѣ умолкали, она, какъ бы очнувшись, говорила:

— Мои оба пошли. Я сама снаряжала!

— Твой тоже ушелъ? тихо спросила одна молодая дѣвушка, судя по блѣдности лица и по лихорадочному оживленію, сама недавно проводившая «своего», у подруги.

— Ушелъ. Вчера ввечеру мы...

Она хотѣла что-то разсказать, но губы у нея задрожали и помертвѣли — она ничего не разсказала, и подруга ее больше не спрашивала.

Дѣти не возились, не рѣзвились, а ютились гдѣ-нибудь въ уголку и, съ омраченными личиками, тоже думали свои думы, или, усѣвшись около стариковъ, настораживали ушки и, казалось, ловили всѣ взгляды и запоминали всѣ слова.

Одна только крошечная гостья, съ бѣлокудрою головкою, съ огромнѣйшими блестящими глазами и съ яркими губками, была совершенно предана своему дѣлу: отъ усердія и заботы, она даже высунула остренькій язычокъ и, сбочивъ головку, вязала какіе-то снопики изъ травы.

Все больше вечерѣло и въ хатѣ все больше утихало. Уже крошечная гостья, выпустивъ изъ рученокъ снопики, сама снопикомъ лежала около ногъ матери, объятая крѣпкимъ сномъ, завѣсившись спустившимися прядями свѣтлыхъ кудрей.

Было темно на дворѣ и стало очень тихо въ хатѣ.

Вдругъ постучались въ хатное окошечко...

До того это было неожиданно, что сначала никто не повѣрилъ своимъ ушамъ. Но стукъ повторился опять и опять, и повторился очень отчетливо, ясно, громко.

Хозяинъ поднялся съ своего мѣста и пошелъ отворять

двери; его гости и пріятели раскурили съ прежнею невозмутимостію трубки; женщины заволновались, дѣти встрепенулись.

Данило пріотворилъ двери и спросилъ, кто стучится. Ему отвѣтилъ такой голосъ, отъ раскату котораго запѣло хатное окошечко, что прохожій-де человѣкъ, усталый странникъ, проситъ позволенія отдохнуть у ласковаго хозяина.

Данило на это отвѣтилъ: «милости просимъ!» и, распахнувъ двери настежъ, пригласилъ странника войти.

Въ распахнутыя двери ворвалась струя пахучаго вечерняго воздуха и на мгновеніе сверкнуло нѣсколько слабосіяющихъ звѣздъ, потомъ двери заслонила собою исполинская человѣческая фигура, во всѣхъ углахъ отдалось и прогудѣло «помогай Боже», и, низко наклонивъ голову, бокомъ пронесши могучія плечи, вошелъ въ хату странникъ.

Будь въ хатѣ люди съ болѣе шаткимъ, съ менѣе невозмутимымъ нравомъ, они навѣрно-бы потерялись и не знали-бы, какъ принять этого странника. Хотя на Украйнѣ не въ диво могучая и блистательная казацкая красота, не скоро-бы, однакоже, нашелся ровня вошедшему къ Данилѣ Чабану страннику. Этотъ высоченный ростъ при удивительной стройности и змѣиной гибкости, это загорѣлое суровое лицо съ огненными очами, чуткость и вниманье ко всему и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободное, невозмутимое спокойствіе хоть кого заставили-бы вздрогнуть.

Но въ хатѣ у Данилы собрались все люди неподатливые на переполохи, и потому усталый странникъ былъ принятъ, какъ подобаетъ усталому страннику: его привѣтливо просили садиться и радушно угостили чѣмъ Богъ послалъ.

Странникъ отличался и простотою, и скромностью, и

доброчиніемъ, и благоприличіемъ. Какъ человѣкъ перехожій и никому здѣсь неизвѣстный, онъ себя вовсе и не выдвигалъ на видъ и на показъ, а также не впивался онъ любопытными взглядами во всѣ уголки хозяйской хаты, не вывѣдывалъ хитрыми, не выпытывалъ вѣтреными вопросами о житьѣ-бытьѣ хозяйскомъ — вовсе нѣтъ. Ничуть. Странникъ, если велъ рѣчи, то все велъ рѣчи общія, всѣхъ тогда занимавшія и волновавшія: о непріятельскомъ хищничествѣ, о разореніи и опустошеніи Украйны, о видѣнныхъ имъ по пути грабежахъ и буйствахъ; спросилъ хозяина, мирно-ли, пока, у нихъ и безопасны-ли окружныя дороги.

Хозяинъ и хозяйскіе гости, съ своей стороны, показали себя примѣрно: глядя на такого странника, вѣрно имъ приходили въ голову вопросы, отъ которыхъ до смерти чесался языкъ: откуда онъ, странникъ, явился и куда путь держитъ? Сколько онъ перешагнулъ горъ и долинъ, пока утомилъ свои мощные члены? По обѣту-ли странствуетъ онъ, по нуждѣ или по прихоти? Гдѣ онъ родился и крестился, что говоритъ о невѣрномъ туркѣ, какъ о не разъ ловленномъ звѣрѣ, о полякахъ, какъ о не разъ испытанныхъ панахъ, о москаляхъ, какъ о не разъ извѣданныхъ боярахъ? Знаетъ онъ, кажись, немножечко и Сѣчь Запорожскую, повидалъ и всю Украйну изъ конца въ конецъ.

Но никто не побезпокоилъ странника, а себя не унизилъ ни лукавымъ, ни прямымъ вопросомъ. Разговаривая, только глядѣли на него, на его сельскую одежду, да соображали про себя, гдѣ та мирная нива, воздѣланная его руками, на которой онъ пріобрѣлъ себѣ шрамище черезъ всю щеку, отъ горбатаго носа до чуткаго уха.

Однако, чѣмъ дальше шла бесѣда, тѣмъ странникъ становился разговорчивѣе; вѣроятно, ободренный общимъ

вниманіемъ и безмолвнымъ участіемъ, онъ принялся описывать съ такою живостью и яркостью недавнія битвы, что всѣ притаивали дыханье, точно присутствовали сами зрителями при настоящихъ сѣчахъ. На видъ невозмутимые казаки воспламенились; женщины вскрикивали и плакали; дѣти, потерявъ всепобѣждающій сонъ, съ полуотверзтыми ротиками, съ широко-раскрывшимися глазами, не шевелились на своихъ мѣстахъ, словно зачарованные.

Вдругъ рѣзко раздались два пистолетные выстрѣла, одинъ за другимъ. Все въ хатѣ смолкло и наострило слухъ. Выстрѣлы прокатились откуда-то изъ степной дали и прежняя безмятежная тишина снова наступила. Молчаніе длилось, но ни единаго звука не донеслось, кромѣ вѣянья душистаго воздуха въ цвѣтущихъ вѣтвяхъ сада, обступавшаго со всѣхъ сторонъ хату.

— И до вашего хутора долетаетъ голосокъ! проговорилъ странникъ.

— Это никакъ съ чигиринскаго шляху? промолвилъ Андрій Крукъ.

— Слышно отовсюду! сказалъ хозяинъ.

Въ это время женщины стали тихо прощаться съ хозяйкою, сбираясь по домамъ. Иныя вели, иныя несли дѣтей. Между женщинами были и старыя, и молодыя, и совсѣмъ юныя, но всѣ ихъ разнородныя лица, когда яркій свѣтъ освѣтилъ ихъ при прощаньи, выражали тысячью разнородныхъ выраженій одну и ту-же непреклонную волю, которая огненными чертами отпечатлѣвалась на лицахъ мужчинъ. Потопленная въ душисто-цвѣтущемъ саду хата, гдѣ трепещущій свѣтъ каганца отбрасывался на усатыхъ лицахъ, на порогѣ полуоткрытой двери фигура хозяина, провожающаго глазами удаляющіяся фигуры гостей, тихо исчезающихъ по окружнымъ тропинкамъ, дворъ, соединяющійся со степью, нигдѣ заборовъ, ни оградъ, кромѣ

шелестящихъ деревьевъ — это представляло, казалось, мирную сельскую картину, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, картина эта тоже дышала, если можно такъ выразиться, какою-то особою, безмолвною и тихою, но грозною силою.

Изъ гостей остались только Андрій Крукъ и Семенъ Ворошило.

III.

— А каково теперь пробираться къ Чигирину? спросилъ странникъ, понижая голосъ, какъ человѣкъ невольно дѣлаетъ въ опасныя времена, заводя рѣчь о чемъ-нибудь для себя важномъ.

— Да̀, трудненько, отвѣчалъ хозяинъ. — Повсюду польскіе отряды...

Хозяйскіе пріятели безмолвно выпустили изъ устъ по огромному клубу дыма, причемъ слегка приподнялись ихъ густыя брови, и все это вмѣстѣ безъ словъ краснорѣчиво выразило, что мнѣніе ихъ совершенно согласно съ мнѣніемъ хозяина.

Глаза странника устремились на собесѣдниковъ и переходили съ одного невозмутимаго лица на другое.

Одинъ взглядъ этихъ огненныхъ, чуткихъ глазъ говорилъ, сколько пережито уже имъ опасностей, сколько перебыто трудностей и каковъ есть навыкъ къ встрѣчѣ съ бѣдою, какова ловкость въ борьбѣ съ напастью.

— А мнѣ путь прямо въ Чигиринъ, сказалъ странникъ.

— Теперь туда прямо и ворона не пролетитъ, замѣтилъ Андрій Крукъ.

— А далеко до Чигирина? спросилъ странникъ.

— Лучше-бъ *далѐко*, да *лѐгко, а то близко*, да *склизко!* отозвался Ворошило, а Андрій Крукъ пристальнѣй поглядѣлъ на странника, а хозяинъ на Андрія Крука.

— Нашему брату, страннику, не разбирать дорогъ, отвѣчалъ странникъ: — хоть часомъ дорожка лежитъ и докучненькая, а берешь ее... Отрада, если добрый товарищъ встрѣтится, панове! Я скажу вамъ, былъ у меня добрый товарищъ — была у меня съ нимъ и добрая рада, и щирая правда!

При послѣднихъ словахъ странника что̀-то особое мелькнуло на лицахъ его слушателей.

— Конечно, сказалъ хозяинъ: — доброе братство лучше великаго богатства!

— Хороши у поляковъ паны, у турокъ султаны, у москалей ребяты, а у насъ—браты! сказалъ Андрій Крукъ.

— Да не всякаго пана познать по жупану! сказалъ Ворошило.

— Плохой тотъ попъ, что̀ угадываетъ праздники тогда, какъ минули! отвѣчалъ странникъ, обводя ихъ своими искрометными глазами.

Ему отвѣчали не менѣе говорящими взглядами.

Нѣсколько времени длился этотъ нѣмой разговоръ, но до того краснорѣчивый, что послѣ него и словъ не понадобилось: другъ-друга признали.

— Съ Сѣчи товарищи поклонъ шлютъ! сказалъ странникъ: — а меня посломъ въ Чигиринъ.

— Мы вамъ вѣрные друзья и слуги! отвѣтили ему казаки въ одинъ голосъ.

— Что̀ новаго? спросилъ сѣчевикъ.

— Да одинъ поладилъ-было съ Москвою, а другой съ Польшею переговаривается, турковъ на помощь призвалъ. Тяжкія времена!

Глубокое уныніе омрачило казацкія лица. Горесть, прикрытая наружною безмятежностью, вырвалась наружу и высказалась во всей своей мощи.

— Мнѣ надо пробраться въ Чигиринъ, сказалъ сѣчевикъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Всѣ дороги перерѣзаны.

— А Гунинъ ходъ?

— У нихъ въ рукахъ!

Сѣчевикъ призадумался, но видно было, что его не обманутая надежда огорчала, не пугала трудность, а что онъ просто прибиралъ въ умѣ новыя средства и способы, какъ лучше достичь предположенной цѣли.

— Слушайте, товарищи, сказалъ онъ подумавъ: — мнѣ надо пробраться въ Чигиринъ до Петра Дорошенка. Дѣло идетъ тутъ не объ одной головѣ, а идетъ дѣло о цѣлой Украйнѣ... Если я опоздаю въ Чигиринъ, то...

Тутъ сѣчевикъ оглянулся на всѣ стороны.

Хозяйки не было въ хатѣ, дѣти поснули сидя, и онъ уже хотѣлъ-было продолжать свою рѣчь далѣе, какъ вдругъ встрѣтилъ устремленные на него глаза, словно два огромные алмаза, горящіе участіемъ и вниманіемъ. Глаза эти сіяли изъ темнаго, неосвѣщеннаго угла хаты, и только всмотрѣвшись хорошенько, сѣчевикъ распозналъ ютившуюся тамъ граціозную фигурку дѣвочки, неподвижно рисовавшуюся въ тѣни: ка̀къ она оперлась на сложенныя ручки, вытянувъ головку, устремивъ глаза, такъ и замерла, словно заслушавшись.

— Это моя маленькая дочка, сказалъ хозяинъ, оглянувшись по направленію глазъ сѣчевика. — Маруся, подойди сюда!

Маруся подошла къ отцу. Свѣтъ ярко ударилъ ей прямо въ личико и разсыпался по всей ея стройной фигуркѣ. Это была настоящая украинка-дѣвочка, съ темными бар-

хатными бровями, съ загорѣлыми щечками, въ вышитой рубашкѣ съ широкими рукавами, въ синей запаскѣ и въ червонномъ поясѣ. Густые русые волосы, сплетенные въ косы, и въ косахъ слегла кудрявились и блестѣли, какъ шелкъ. На головкѣ былъ вѣнокъ цвѣтовъ, изъ которыхъ иные уже поувяли, иные еще сохраняли свою свѣжесть и слабо пахли.

— Маруся! сказалъ отецъ: — что̀ ты слышала изъ нашего разговора?

— Все, отвѣчала Маруся.

— А что̀?

Марусины глаза обратились на сѣчевика.

— Надо въ Чигиринъ, промолвила она: — надо до пана гетмана...

— Слушай, дочка, сказалъ отецъ медленно и тихо: — что̀ ты слышала, не говори ни одной душѣ живой, какъ будто-бы ты и не слыхала. Понимаешь?

— Понимаю, тато! отвѣчала Маруся.

Отецъ не повторилъ наказу и Маруся не давала никакого обѣщанья, но въ непоколебимой вѣрности дѣвочки никто не усомнился.

— Не надо тебѣ слушать нашихъ рѣчей, Маруся, сказалъ Данило. — Поди, покличь мать изъ саду; скажи ей, что братья поснули.

Маруся покорно пошла къ двери, но въ эту минуту вдругъ послышался лошадиный топотъ; скакалъ какъ-будто цѣлый отрядъ конныхъ, послышались разнотонные крики грубыхъ голосовъ и блѣдное, какъ смерть, лицо хозяйки показалось въ дверяхъ.

— Скачутъ конные... отрядъ... проговорила она. — Прямо къ нашей хатѣ... вотъ они...

— Пропало все дѣло! глухо воскликнулъ Данило.

Сѣчевикъ уже былъ на ногахъ и держалъ въ рукахъ

шапку. Казаки стояли молча. Суматохи не было ни малѣйшей, но видно было, что мысли страшно работали въ каждой головѣ и что тысячи плановъ и намѣреній перевертывались у всякаго въ умѣ.

Хозяйка затворила дверь со двора въ сѣни и изъ сѣней въ хату и стояла, не сводя глазъ съ мужа, въ ожиданіи приказанья и распоряженья.

Около нея, такъ-же блѣдна и въ такомъ-же отчаяніи, стояла Маруся.

— Вы спите! проговорилъ Данило, обращаясь къ казакамъ.— Ты работай, шей! сказалъ онъ женѣ.— Я пошелъ къ товарищу еще засвѣтло... Казаки пришли воловъ поглядѣть, торгуютъ у меня...

— Есть выходъ изъ свѣтлицы въ степь, обратился онъ къ сѣчевику:—иди за мною!

Все это было быстро сказано, а вслѣдъ за сказаннымъ исполнено быстрѣе, чѣмъ можно разсказать словами.

Въ одно мгновеніе оба казака лежали на лавкахъ, погруженные въ завидный сонъ, подложивъ подъ головы люльки и шапки; свѣтъ игралъ на ихъ лицахъ, нисколько не тревожа ихъ крѣпкаго сна, дыханье ихъ было такъ мѣрно, что по немъ можно было, какъ по часамъ, считать время; хозяйка сидѣла за работою, Маруся тоже, и обѣ прилежно погрузились въ мудрости узорчатыхъ рукавовъ.

Данило съ сѣчевикомъ быстро перешагнули темныя сѣни, отворили и затворили за собою дверь свѣтлицы.

IV.

Между тѣмъ, прискакавшій отрядъ былъ уже у крыльца; храпѣнье лошадей, переговоры всадниковъ отчетливо были слышны въ хатѣ; потомъ нѣсколько человѣкъ спѣшилось, потомъ раздался наглый стукъ въ двери и грубый голосъ закричалъ:

— Эй, вы!.. отворяйте!

Не успѣла хозяйка встать и спросить, кто тамъ, какъ двери чуть не слетѣли съ петель отъ повтореннаго стука и разбитое стекло съ звономъ посыпалось въ хату вмѣстѣ съ вышибенною рамою. Жесткоусая, широкоскулая образина заглянула въ окно, быстро, недовѣрчиво и подозрительно все обозрѣла и крикнула:

— Чего не отворяешь?.. Чего не отворяешь?..

Хозяйка выпустила изъ рукъ работу, но еще стояла на одномъ мѣстѣ въ нерѣшимости.

— Отворяй! закричало вдругъ нѣсколько угрожающихъ голосовъ и двери такъ задрожали подъ ударами, что вся хата содрогнулась.

Хозяйка отворила дверь. Ватага иноземныхъ солдатъ ворвалась въ хату и съ шумомъ и гамомъ кинулась шарить по всѣмъ угламъ.

Хозяйка, собравъ около себя маленькихъ дѣтей, внезапно разбуженныхъ, пораженныхъ страхомъ и изумленіемъ и жадно слѣдящихъ за всею суматохою глазами, полными слезъ, стояла въ сторонѣ и безстрастно глядѣла, какъ все ея домашнее убранство, вся ея хозяйственная утварь валилась, билась и уничтожалась.

Между тѣмъ, какъ одни пристали съ допросами къ Андрію Круку, который зѣвалъ во весь ротъ, вмѣсто всякаго отвѣта, и, словно опьянѣлый отъ сна, качался изъ стороны въ сторону, какъ качается свитка, перекинутая черезъ жердь въ вѣтряную погоду, другіе толкали подъ бока Семена Ворошила, который приподнимался, взглядывалъ на нихъ, принималъ ихъ то за кума Герасима, то за кума Евдокима и опять падалъ на лавку, словно подстрѣленный.

— Это онъ! Онъ самый!.. Нѣтъ, не онъ!.. Нѣтъ, онъ! кричала военная ватага, споря между собою и теребя обоихъ казаковъ.

— Гдѣ хозяинъ?.. Подавай хозяина! кричалъ, выходя изъ себя, начальникъ, повидимому, ватаги.

— Съ утра къ пріятелю ушелъ въ гости, отвѣчала хозяйка.

— Въ гости?.. Дамъ я вамъ гости! Измѣнники! Мятежники!.. Что̀ это за люди?

И онъ, вмѣсто указки, ударилъ со всего размаху нагайкою прежде Крука, потомъ Ворошила, и съ такимъ видомъ подступилъ къ хозяйкѣ, что она подалась назадъ, какъ передъ разсвирѣпѣвшимъ звѣремъ.

— Знакомые люди, отвѣчала она, послѣ этого невольнаго движенія снова одолѣвая свое смятеніе. — Они пришли воловъ торговать у насъ, дожидаются мужа.

— Такъ, такъ, ваша милость, отозвался Андрій Крукъ, вставая и отряхивая, повидимому, послѣднія грезы: — мы пришли воловъ торговать и не застали хозяина. Что̀-жь, говорю я куму, — вотъ ему, объяснилъ онъ, указывая на Ворошила, который тоже отрясъ грезы и смиреннѣйше поводилъ глазами по всѣмъ лицамъ, избѣгая встрѣчи съ устремлявшимися то на него, то на Крука со всѣхъ сторонъ взглядами. — Что̀-жь, кумъ, говорю я ему... Нѣту,

кумъ, хозяина дома, а?.. Нѣту — такъ нѣту. На нѣтъ и суда нѣтъ...

— Перестань болтать, глупый мужикъ! Хитрецы! предатели! знаемъ мы васъ! Перевязать ихъ! крикнулъ онъ своимъ и тѣ въ ту-же минуту бросились на казаковъ, словно коршуны.

Въ это самое время дверь отворилась и въ хату вошелъ Данило.

— Кто такой? закричалъ начальникъ, бросаясь на него.

— Да когда-то люди здѣшнимъ хозяиномъ звали, отвѣчалъ Данило.

— Гей! вы! стоитъ-ли караулъ около двора? Не дремать! слышите? Если ты дорожишь своею жизнію, началъ онъ, обращаясь къ стоявшему передъ нимъ Данилу: — отвѣчай мнѣ сейчасъ-же безъ увертокъ: гдѣ мятежникъ-запорожецъ? Отвѣчай прямо!.. Или я тебя сотру въ порошокъ!

Все это было сказано надменно и крикливо. Данило поглядѣлъ на стоявшую передъ нимъ довольно тучную фигуру, едва достающую ему по плечо казацкое, и отвѣтилъ спокойно:

— Не знаю никакого мятежнаго запорожца!

— Я хату твою испепелю! Я у тебя бревна на бревнѣ не оставлю! Слышишь?

— Ваша воля и ваша сила! такъ-же покойно отвѣчалъ Данило.

— Да не уйдетъ отъ насъ онъ! Стòитъ-ли изъ-за этого горячиться! сказалъ другой, тоже, повидимому, офицеръ, съ самаго своего появленія усѣвшійся на лавкѣ и курившій трубку съ янтарнымъ мундштукомъ. — Мы вѣдь почти съ утра не ѣли! прибавилъ онъ съ протестующимъ, хотя кроткимъ вздохомъ.

— Чтò есть съѣстнаго? закричалъ гнѣвный старшой,

внезапно и яростно начиная кидаться изъ стороны въ сторону и нюхать воздухъ. — Что̀ есть? Подавай сюда! Живо! Подавай!

И онъ топалъ ногами и колотилъ своею саблею по столу.

— Жинка! проговорилъ Данило: — поспѣшай съ вечерею.

Хозяйка быстро принялась за сборы къ угощенію. Глаза ея обѣжали всю хату, всѣ уголки, будто ища кого-то и, казалось, нѣкоторая тревога промелькнула на ея безстрастномъ лицѣ.

Она искала глазами Маруси и теперь только замѣтила, что дѣвочка незамѣтно исчезла во время суматохи.

V.

Чудесная, темно-голубая, прозрачная, теплая ночь таинственно звѣздилась, когда Маруся поспѣшно выскользнула изъ хаты, проползла подъ кровомъ стелющихся по землѣ вѣтвей цвѣтущей калины и очутилась въ саду. Тутъ ее скрыли кудрявыя яблони и густыя, какъ сѣть, черешни.

Тутъ она стояла, унимая біеніе сердца. Каждая ея жилка билась, ноги подламывались подъ нею, мысли роились и мѣшались; какіе-то сверкающіе образы носились передъ глазами, а изъ глазъ струились горячія слезы, исторгаемыя новою, дотолѣ невѣданною сердечною скорбію, перемѣшанною съ какою-то восторженною надеждою.

Свѣжій ночной воздухъ привелъ ее въ себя наконецъ, и слезы пріостановились, и мысли приняли строй.

Все было вокругъ такъ душисто и свѣжо, и цвѣтуще! Все такъ мило и близко душѣ! Вся преисполненная любовью и горемъ, она склонилась и жарко стала цѣловать травы, цвѣты, склонявшіяся вѣтви, обращая туда и сюда глаза свои, выражая всѣмъ существомъ своимъ и недоумѣнье, и беззавѣтную преданность чему-то, несовсѣмъ еще ясно усвоенному, уразумленному, но уже поглотившему всю душу.

Легкій шелестъ между деревьевъ обдалъ ее холодомъ и жаромъ. Она припала къ землѣ и ея бѣлая фигурка утонула въ бѣлоцвѣтущихъ вѣтвяхъ.

Все снова затихло.

Она оставалась нѣкоторое время неподвижна среди этого безгласнаго сада, подъ мягкимъ свѣтомъ и мерцаніемъ звѣздъ, при спокойномъ благоуханьи цвѣтовъ и травъ — все было около нея тихо и долетавшія со двора восклицанья рѣзко дрожали въ тепломъ воздухѣ.

Она уже хотѣла-было отстранить прикрывавшія ее вѣтви, какъ снова легкій шорохъ, тотъ самый, что̀ и прежде, пролетѣлъ и какъ разъ передъ нею поднялась громадная фигура сѣчевика между двухъ высокихъ черешень.

Марусино сердце радостно вздрогнуло и, вслѣдъ затѣмъ, тоскливо и пугливо затрепетало.

Постоявъ нѣсколько минутъ, сѣчевикъ двинулся дальше— видимо онъ пробирался къ выходу изъ сада со стороны рѣки. Исполинская его фигура была точно тѣнь исполинская, такъ легко, такъ безшумно и ловко скользила она между густо и тѣсно свивающихся черешень и кудрявыхъ яблонь: ни шелесту не было слышно, ни колебанья не было видно.

Не отдавая себѣ отчета, почему и зачѣмъ, Маруся пробиралась слѣдомъ за сѣчевикомъ, иногда только пріостанавливаясь отъ сильнаго сердечнаго біенья и замиранья.

Такъ они оба минули весь садъ, перебрались за ограду изъ живой вьющейся и ползучей зелени и очутились надъ рѣкою.

Рѣка колыхалась въ берегахъ съ какимъ-то безпокоющимъ ропотомъ. Прибрежные камыши серебрились во мракѣ; золотыя звѣзды мигали въ волнахъ и сверкали въ небѣ. У ракиты, потопившей нижнія вѣтви въ рѣкѣ, привязана была лодочка, хрупкая и легкая, какъ скорлупка. Прилежащій лугъ, горы — все было преисполнено тишины, теплоты и прозрачной теплой мглы.

Тутъ сѣчевикъ снова остановился, посматривая во всѣ стороны и соображая, какъ вдругъ услышалъ за собою дѣтскій тихій голосокъ и въ ту-же минуту почувствовалъ прикосновеніе дѣтскихъ нѣжныхъ ручекъ. Онъ обернулся, какъ человѣкъ, котораго ничто не въ силахъ ни удивить, ни поразить, и увидалъ передъ собою Марусю.

— А что̀, дівчина? спросилъ онъ ее такъ ровно, словно и въ заводѣ не бывало никакого лиха, ни напасти.

Но Маруся не могла вымолвить слова и, только ухватившись за его руку, обращала къ нему съ мольбою глаза.

Однако, эти глаза говорили такъ краснорѣчиво и много, что сѣчевикъ погладилъ ее по головкѣ. Что̀-то похожее на ласковую нѣжность, на сострадательное участіе выразилось въ его склонившейся фигурѣ.

— Можно пробраться въ Чигиринъ! вымолвила Маруся.

— Какъ же это можно, *дівчина-порадонько?* *) спросилъ онъ, слегка улыбаясь.

— У батько въ степи стоитъ возъ съ сѣномъ, проговорила Маруся: — волы пасутся тоже въ степи... Я все знаю, гдѣ что̀... Запряжемъ воловъ... Ложись въ сѣно...

---

*) Слово *порадонько* можно перевести русскимъ *совѣтный* другъ.

Я повезу до Кнышова хутора... Тамъ рѣка... За рѣкою ужь чигиринская сила!..

Сѣчевикъ глядѣлъ въ сіяющіе глаза, на трепещущую легкую фигурку, стоявшую передъ нимъ и слушалъ, какъ стучитъ маленькое сердечко. Онъ вдругъ почуялъ, что его мужественное, закаленное сердце словно расплывается въ груди и что̀-то такое чудное съ нимъ сотворилось въ тотъ мигъ, что и послѣ онъ никакъ не могъ разсказать хорошенько, а только задумывался, вспоминая.

— Кто это тебѣ такую мысль подалъ, Маруся милая? спросилъ сѣчевикъ.

— А я знаю сказку, отвѣчала Маруся: — какъ дѣвушка отъ разбойниковъ бѣжала.

— А разскажи мнѣ эту сказку, Маруся, сказалъ сѣчевикъ.

— А до Чигирина? робко спросила Маруся.

— И до Чигирина поѣдемъ, отвѣчалъ сѣчевикъ, будто сулилъ ей пряникъ. — Вѣдь мы, надо полагать, взявши берегомъ въ эту сторону, проберемся въ степь?.. Проберемся? Ну, и ладно! А дорогою сказку послушаемъ.

Рука съ рукою они начали пробираться берегомъ со всевозможною осторожностью.

Сначала до нихъ долетали шумъ и голоса съ Данилова двора, но потомъ ихъ окружила совершеннѣйшая тишина, какая только бываетъ въ ночную пору на пустынныхъ берегахъ водъ, когда самые переливы и всплескъ волнъ только увеличиваютъ, а не нарушаютъ безмолвіе.

— А, ну разсказывай сказку, Маруся, сказалъ сѣчевикъ только-что они ступили шагъ.

Много тревогъ, много надеждъ и страховъ волновало Марусю и она поглядѣла на сѣчевика съ тоскливымъ недоумѣньемъ; сѣчевикъ глядѣлъ на нее и усмѣхался. Даже при невѣрномъ мерцающемъ свѣтѣ ночныхъ свѣтилъ

столько виделось въ немъ чуткости, мужества, такимъ чародѣемъ глядѣлъ онъ, что вдругъ у Маруси отлегло отъ сердца и исчезла вся трепетная суетливость.

— Ну, начинай, Маруся милая, начинай! сказалъ сѣчевикъ. — Я страхъ какъ люблю сказки слушать.

VI.

Маруся начала:

— Жилъ былъ казакъ и отдалъ свою дочку замужъ.

— Коли за добраго человѣка, то и съ Богомъ! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Казачкѣ не полюбился женихъ, продолжала Маруся: — да она покорилась батьку, вышла замужъ и молодой увезъ ее въ свою *господу* *).

— Бѣдная дѣвушка! замѣтилъ сѣчевикъ.

— Только чудная это была *господа* у молодаго, продолжала Маруся. — Стояла она среди дремучаго лѣсу и никуда дорогъ не было битыхъ, ни откуда никто не показывался — пустыня кругомъ. Очень затосковала молодая...

— Еще бы не затосковать! замѣтилъ сѣчевикъ.

— И сначала ни на что̀ она не глядѣла — все горевала, а потомъ съ горя ко всему стала приглядываться и присматриваться... Все роскоши... только ей не нужны были роскоши, а захотѣлось ей узнать, куда мужъ ея всякій вечеръ уѣзжаетъ съ товарищами. Но какъ только они сядутъ на лошадей, такъ сейчасъ и пропадутъ въ чащѣ,

---

*) *Господа* — усадьба.

только минутку слышенъ конскій топотъ, а пототъ все тихо и глухо...

Ходила она по всему дому и отъ всего дома были у нея ключи. Только никогда мужъ не пускалъ ее въ одинъ погребъ. Погребъ этотъ стоялъ подъ густыми и разметными дубами; дверь чернѣлась изъ-подъ зеленой листвы, точно звѣриная пасть.

— Что̀ они такое прячутъ? подумала молодая.

Подумала и сейчасъ къ погребу. И видитъ на засовѣ такой замокъ, что десятерымъ его не поднять.

Постучала въ дверь, словно въ камень — такъ глухо. Поглядѣла въ щелочку — черно, какъ въ колодцѣ.

Вдругъ изъ-подъ порога что̀-то блеснуло, какъ искорка. Она прилегла на землю. Что̀-то блеститъ!

— Что̀ это такое? думаетъ она.

И хоть страшно, а просунула руку и схватила.

Чуетъ что̀-то холодное. Глядь, а это отрубленный бѣленькій мизинчикъ и на немъ колечко.

— Дозналась я, думаетъ молодая: — ѣздятъ они на разбой!

А молодой былъ такой ласковый...

— Поди-ка узнай людей по виду! сказалъ запорожецъ.

(А между тѣмъ, ночь уже свѣтлѣла. Передъутренній вѣтерокъ пролеталъ по степи. Они все шли по-надъ тихими берегами рука съ рукой).

— Стала молодая думать, что̀ ей дѣлать; такъ думала она, что у ней въ головѣ шумѣло, словно у мельничнаго колеса. Кругомъ все чернѣли лѣса, такіе сплошные, точно стѣны. Пустыня такая со всѣхъ сторонъ, что въ ней только потеряться, а ни пріютиться, ни выбраться въ жилой міръ.

Куда бѣжать!

Долго она думала и передумывала. Солнце уже зака-

тилось, она все думаетъ. Звѣзды высыпали, а она все думаетъ.

И слышитъ: ѣдутъ!

Входитъ мужъ и радъ ей.

— Я по тебѣ скучалъ! говоритъ.

Протянулъ къ ней руки, а она видитъ на рукавѣ у него кровь!

— Что̀ это на рукавѣ? спрашиваетъ.

— А это я охотился за̀ краснымъ звѣремъ, отвѣчаетъ и смѣется.

Услыхали товарищи и тоже засмѣялись.

Поглядѣла она на мужа — былъ онъ ей нелюбый, а теперь еще сталъ и страшный.

Поглядѣла она на его товарищей — ни одного хорошаго лица нѣтъ!

Подумала, каково это жить съ ними и забыла всѣ другіе страхи и положила убѣжать:

— Убѣгу, куда глаза глядятъ!

Сѣчевику очень нравилась сказка: какія важныя дѣла ни заботили его голову, онъ такъ глядѣлъ на Марусю и такъ улыбался, точно его сладкимъ медомъ поили.

— Только дождалась, что всѣ выѣхали изъ дому, сейчасъ она на глухо позатворяла и ворота, и двери, и окна, и пустилась бѣжать по лѣсу.

Ни дорогъ, ни тропинокъ, никакого слѣда не было, только вечерняя звѣзда ей свѣтила и по ней она путь держала.

Цѣлую ночь она все шла да шла, а лѣсъ все гуще да гуще, все сплошнѣй да сплошнѣй.

Вотъ чуть-чуть забрежжилась утренняя заря и тихо-тихо пробирались въ лѣсъ алыя полоски. Она уже подумала, что съ зарею ей веселѣй станетъ, какъ вдругъ слышитъ за нею погоня, и все ближе, все ближе. Вѣтки трещатъ,

кони фыркаютъ, мужнинъ голосъ грозитъ: найду! и его товарищи переговариваются: вотъ тутъ она! вотъ тамъ она!

Поглядѣла она туда и сюда — нѣтъ нигдѣ пріюту!

Только одно дерево стоитъ косматымъ шатромъ; она поскорѣй кинулась къ тому дереву, взобралась на самую верхушку и притаилась.

Да въ поспѣхѣ она уронила платокъ съ шеи, и какъ погоня ворвалась на это мѣсто, сейчасъ они всѣ и увидѣли бѣлый платокъ на землѣ..,

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ съ живостію.

— Сейчасъ всѣ закричали: ея платокъ! ея платокъ! она тутъ! она недалеко! она въ эту сторону бѣжитъ!

И начали искать, шарить, саблями вѣтки рубить, конями кусты топтать.

А мужъ и говоритъ: не забралась ли она куда на дерево?

Схватилъ свою пику и со всей руки почалъ ею колоть промежду вѣтвей.

— Ай-ай! сказалъ сѣчевикъ. — Бѣдная молодица! натерпѣлась же она лиха!

— Вдругъ острое копье вошло ей въ бокъ, потомъ попало въ руку, потомъ тронуло плечо — она не вскрикнула, не ахнула, да теплая кровь такъ и закапала, такъ и закапала съ дерева...

Сѣчевикъ совсѣмъ разжалобился надъ бѣдною молодицею: охи и ахи его были самые жалостливые.

— Капельки ея крови попали прямо на голову мужу. «Охъ, какая теплая роса каплетъ съ этого дерева!» сказалъ.

— Видно она пробѣжала дальше, говорятъ ему товарищи. Дальше въ погоню за нею!

И всѣ разсыпались между лѣсною гущиною.

А она тогда тихонько слѣзла съ дерева и опять пустилась бѣжать.

Долго она бѣжала, очень долго, и выбѣжала на дорогу, и видитъ ѣдетъ по дорогѣ старый казакъ, и везетъ возъ съ сѣномъ. Кинулась она къ казаку и почала его просить: «Возьми меня, добрый человѣкъ, схорони меня гдѣ-нибудь! За мною погоня! Меня поймать и убить хотятъ!» — А казакъ ей говоритъ: «Да вотъ я везу сѣно; ложись на возъ, закопайся поглубже, да только лежи смирно!»

— Бравый казакъ! дай ему Боже здоровья *чорзна поки!* *), сказалъ сѣчевикъ съ удовольствіемъ.

— Только успѣлъ старый казакъ закопать ее въ сѣно, да махнуть на воловъ батогомъ, а тутъ и наскакала погоня.

— Не видалъ-ли молодицы? кричатъ казаку. — Куда она побѣжала?

— Не видалъ, отвѣчаетъ казакъ.

— А что̀ ты везешь?

— Сѣно везу.

— Хорошее сѣно у тебя? А ну, удѣли-ка немножко нашимъ конямъ.

Казакъ остановилъ возъ и накидалъ сѣна ихъ конямъ.

— А у тебя, кажись, люлька не погасла? спрашиваетъ одинъ разбойникъ.

— Нѣтъ, курится еще, отвѣчаетъ казакъ.

— Дай-ка раскурить.

Казакъ подалъ имъ свою люльку и они почали другъ-дружкѣ ее передавать да свои раскуривать.

А атаманъ ни люльки не раскуриваетъ, ни коня своего не кормитъ, подошелъ къ возу и приклонилъ къ нему свою грозную голову, да все только глухо твердитъ: найду я ее! найду!

---

*) Чортъ знаетъ, до коихъ поръ.

А она все это слышитъ и даже его горячее дыханье чуетъ.

Такъ время шло долго, пока товарищи закричали:

—- Атаманъ! на коня! на коня! ужь день бѣлѣется!

И всѣ они вскинулись на коней и ускакали въ темный лѣсъ...

А старый казакъ поѣхалъ дальше и довезъ молодицу до батькова двора.

— Пусть служитъ ей доля! сказалъ сѣчевикъ. — Чудесная сказка, Маруся милая, и великое тебѣ спасибо за нее! Славная, славная сказка! Такая славная, что и не выразить словомъ!

VII.

Они ни на минуту не убавляли быстраго шагу и успѣли уже далеко уйти.

Заря еще не занималась, но мягкій, теплый ночной воздухъ уже посвѣжѣлъ; изъ далекаго, невиднаго за неясными очертаніями дальнихъ лѣсовъ, монастыря разносился слабый благовѣстъ; какой-то особый тихій звонъ пробѣгалъ по прибрежнымъ камышамъ, и рѣка, залившись далеко въ мягкій берегъ сонною струею, возвращалась оттуда, словно внезапно разбуженная и взволнованная, катилась впередъ и бурлила безпорядочно и шумно, потомъ все болѣе и болѣе унимала порывы волнъ и брызги и исчезала изъ глазъ съ глухимъ ропотомъ.

У этого залива они повернули.

Ни дороги не было, ни тропинки, но Маруся хорошо знала мѣста и скоро вывела сѣчевика въ чистую степь.

На нихъ пахнуло сильнымъ, крѣпкимъ, трезвымъ ароматомъ свѣже-скошенныхъ степныхъ травъ и цвѣтовъ отъ огромныхъ, разбросанныхъ по степи стоговъ сѣна; сѣчевикъ пристально оглянулся во всѣ стороны. За собою невдалекѣ онъ увидалъ въ полутьмѣ жилыя строенья, укутанныя въ сѣнь густыхъ деревьевъ.

— Это наша хата, сказала ему Маруся. — Загородь близко—впереди.

— Веди, Маруся, сказалъ сѣчевикъ.

И хоть нигдѣ поблизу не видно было и признака никакой загороди, онъ, нимало не сомнѣваясь, зашагалъ по легкимъ слѣдкамъ Маруси.

Не успѣли они сдѣлать пяти шаговъ, какъ Маруся промолвила: здѣсь! и они очутились надъ чѣмъ-то въ родѣ обширной впадины посреди ровной степи, спустились въ нее и на самомъ днѣ сѣчевикъ разглядѣлъ вербовую загородь, а въ ней двѣ пары величавыхъ круторогихъ воловъ, представлявшихся крутыми холмами на ровной поверхности.

Маруся отворила загородь и дрожащею рукою слегка погладила прежде одну, потомъ другую рогатую голову. Легкое ласковое мычанье было ей въ отвѣтъ и, будто уразумѣвъ, что самое главное теперь осмотрительность и тишина, волы, выведенные изъ загороди, пошли по степи, какъ тяжелыя ладьи по тихимъ волнамъ — безшумно, ровно и быстро.

Возъ стоялъ неподалеку у стога, доверху уже наваленный сѣномъ.

— Чтò? спросила Маруся, видя, что сѣчевикъ остановился и глядитъ на ее.

— Какая-же ты малая, Маруся! промолвилъ сѣчевикъ.—

Какая-же ты малая! Всякій тебя скорѣе приметъ за степнаго жаворонка, чѣмъ за дѣловую особу!

И вправду Маруся не велика была, а среди безбрежной степи, у громаднаго воза, запряженнаго мощными волами, подлѣ исполинскаго сѣчевика, она казалась еще того крохотнѣе, еще хрупче и еще беззащитнѣй.

— А вотъ, маминъ большой платокъ забытъ у воза, отвѣтила Маруся. — Я его надѣну по-старушечьи, и какъ сяду на возъ, то покажусь старушкою....

И уже ея большіе глаза глядѣли на сѣчевика изъ-подъ старушечьей повязки, подъ которою исчезла кудрявая свѣтлошелковистая головка и розовыя плечики.

Сѣчевикъ не могъ не улыбнуться и нѣсколько минутъ не могъ или не хотѣлъ промолвить ни одного слова.

Голосъ его былъ очень тихій, когда онъ снова заговорилъ.

— Ты хорошо знаешь шляхъ, Маруся?

— Знаю. Все прямо до озерца, а у озерца шляхъ повернетъ вправо и уже видѣнъ будетъ хуторъ пана Кныша, а за хуторомъ уже вольный путь до Чигирина, сказывалъ панъ Крукъ батьку...

— А ты знаешь пана Кныша?

— Знаю. Онъ ѣздитъ къ батьку, разныя разности покупаетъ.

— А какъ онъ тебя, думаешь, приметъ?

— Не знаю, какъ меня приметъ.

— А какъ худо?

— Но онъ вѣдь, не измѣнитъ?.. и отвѣтила и вмѣстѣ спросила Маруся. — Онъ къ батьку ходитъ... онъ пріятель...

— А знаешь, Маруся, что теперь повсюду войска стоятъ, всюду враги шатаются? Знаешь, Маруся, что

теперь, вмѣсто цвѣтовъ, должно быть по обѣимъ сторонамъ дороги дымъ клубится отъ стрѣльбы? рѣзня идетъ!

— Знаю! отвѣчала Маруся.

— Будутъ глядѣть недобрые вражескіе глаза тебѣ въ лицо, и если ты собьешся въ одномъ словечкѣ, если только дрогнешь — все пропало!

— Я не собьюся въ словѣ, не дрогну... Я не боюсь врага, а только боюсь неудачи.

— Маруся, знаешь, можетъ, смерть насъ постигнетъ...

— О, прежде до Чигирина тебѣ добраться! промолвила Маруся.

И столько мольбы и рѣшимости прозвучало въ ея тихихъ словахъ!

На этомъ разговоръ у нихъ прервался. Волы быстро были запряжены.

— Маруся, сказалъ сѣчевикъ: — если кто тебя остановитъ, не падай около воза, какъ пташка около гнѣздушка... разумѣешь?

— Разумѣю! Надо быть, какъ ты.

— Всѣмъ говори, что везешь сѣно пану Кнышу, а коли благополучно доберемся до Кнышова двора, то ты скажи тому, кто выдетъ на встрѣчу: «чудесныя зеленя у васъ, хоть и неспѣлыми жать — такъ хорошо!» Слышишь?

— Слышу, отвѣтила Маруся.

Сѣчевикъ зарылся въ громаду сѣна, наваленнаго на возу, Маруся заняла мѣсто возницы, волы тронули и возъ, пошатываясь и переваливаясь, потянулся по росистой степи.

Звѣзды уже начинали меркнуть; вѣтерокъ сталъ живѣе и капельки росы виднѣе заиграли по травѣ.

VIII.

Тихо подвигался огромный возъ по степной дорогѣ; при свѣтѣ меркнувшихъ звѣздъ мерцала степь, недавно скошенная и уже густо и мягко застлавшаяся новыми травами и цвѣтами, усыпанная еще неувядшими стогами пахучаго сѣна. Тихо подвигался огромный возъ по дорогѣ. Тихо было кругомъ и два-три далекихъ крика, два-три далекихъ выстрѣла еще больше давали чувствовать эту тишину.

Передъ Марусею видъ разстилался во всѣ стороны широко и далеко. Каждый легчайшій звукъ уловляло ея чуткое ушко: и самомалѣйшій шорохъ травъ, и шелестъ птичьихъ крылышекъ, и безустанно ея глаза обращались во всѣ стороны и слѣдили за каждою точкою.

Во тьмѣ лѣтняго разсвѣта неясно видно было ея личико, ничѣмъ не выражала она своихъ мыслей, ни чувствъ, но вся фигурка ея на высотѣ косматаго зеленаго воза говорила о ея неусыпной бдительности, о ея томительной тревогѣ.

Вдругъ послышался топотъ многоконнаго отряда; справа показалась толпа верховыхъ и неистово неслась прямо къ Марусиному возу.

Нѣсколько дикихъ, охрипшихъ голосовъ издали закричали ей:

— Стой! стой!

Она остановила возъ.

Мгновенно ее окружили и грубые вопросы на чуждомъ ей нарѣчіи посыпались со всѣхъ сторонъ:

— Куда?.. Откуда!.. Чья ты?..

— Изъ хуторка, отвѣчала Маруся. — Данила Чабана дочка. Везу сѣно въ хуторъ Гоны, къ пану Кнышу.

Успокоенные всадники раздались немного и сиплый голосъ сказалъ съ досадою:

— Вѣдь я-же говорилъ вамъ, что фальшивая тревога, а вы полошитесь, какъ степная птица! Ну, гдѣ-жь ваши польскіе шпіоны?

— Да вѣдь никакой бѣды не сталось оттого, что мы проскакали полверсты въ сторону? возразилъ на это другой голосъ, явно принадлежавшій молодому, подвижному и безпечному человѣку.

— Когда въ головѣ вѣтеръ ходитъ, такъ все не бѣда! съ неудовольствіемъ проворчалъ первый.

Остальное ворчанье заглушилъ свистъ взмахнутой нагайки и топотъ рванувшагося впередъ коня.

— Экъ сердитый какой! промолвилъ второй голосъ съ легкимъ смѣхомъ. — За мной, ребята. Возъ захватите!

Отрядъ двинулся и подъ его прикрытіемъ двинулся Марусинъ возъ.

Куда дѣвочка ни обращала глаза, со всѣхъ сторонъ она видѣла около себя мрачныя, зловѣщія фигуры, грубыя, суровыя лица; всѣ ѣхали шагомъ и словно предавались отдохновенію, погрузившись въ свои мысли и думы и на время отбросивъ свои сторожскіе наѣздническіе пріемы. На иныхъ лицахъ выражалось уныніе, на другихъ забота, или неугомонная отвага, или усталое равнодушіе ко всему на свѣтѣ.

Впереди гарцовали два офицера и, казалось, спорили.

Не слыша ихъ словъ, Маруся угадала веселаго молодаго по его живой, подвижной осанкѣ, по его быстрымъ, словно дразнящимъ, движеньямъ около недовольнаго тучнаго товарища, казавшагося тяжелымъ чугуннымъ слит-

комъ, мучительно подавлявшимъ нетерпѣливаго, горячаго коня. Стараясь не проронить ни одной фразы, которыми изрѣдка перебрасывались между собою въ отрядѣ, Маруся старалась тоже угадать, о чемъ спорятъ впереди гарцующіе начальники — не объ ея-ли возѣ! Или они забыли о немъ? И что̀ будетъ дальше? И какъ встрѣтитъ ее панъ Кнышъ? И доѣдетъ-ли она до пана Кныша? И удастся-ли добраться *ему* до Чигирина?..

Тихо раскачиваясь и разваливаясь, подвигался возъ. Послѣднія ночныя тѣни уже готовы были исчезнуть; предразсвѣтная трезвая, проникающая свѣжесть уже чувствовалась; важные волы выступали теперь бодрѣе, муштрованныя лошади, не измѣняя привычнаго военнаго шага, жались ближе къ возу и, вытягивая головы, съ наслажденьемъ выдергивали клоки пахучаго сѣна.

Вдругъ что̀-то заставило Марусю невольно обратить устремленные въ даль глаза налѣво, и она встрѣтила испытующій, проницательный взглядъ другихъ сверкающихъ глазъ — взглядъ, слѣдящій за нею со вниманіемъ и сомнѣніемъ.

Около самаго воза, касаясь его, ѣхалъ пожилой всадникъ. Глаза̀ дѣвочки, привыкшіе къ полутьмѣ, хорошо различали каждую рѣзкую черту его живого, смышленаго лица. Онъ пристально глядѣлъ на нее и безъ словъ понятно говорилъ его взглядъ: странна, однако, эта маленькая дѣвочка! Чуденъ и тотъ, кто выбралъ возницею эту хрупкую игрушку, возницею среди ночи, въ смутныя, ненадежныя военныя времена!

— У тебя, дѣвочка, родной отецъ-мать или нѣтъ? спросилъ онъ внезапно у Маруси и, видя, что она не понимаетъ его словъ, ломанымъ украинскимъ языкомъ перевелъ ей свой вопросъ.

— Родной отецъ и родная мать, отвѣчала Маруся.

Его взглядъ впился въ нее еще съ бо̀льшимъ сомнѣніемъ и сдѣлался еще пытливѣе и проницательнѣе.

Марусѣ показалось, что какой-то ледяной покровъ обвилъ всѣ ея члены и холодъ проникъ ей до самаго сердца. Степь перевернулась у нея въ глазахъ, словно небо въ бурливыхъ водахъ, и голова закружилась, но она помнила наказъ сѣчевика и, желая быть *какъ онъ*, вымолвила ровнымъ, хотя потерявшимъ всѣ живыя нотки, голоскомъ:

— А у васъ живы отецъ-мать?.. Много у васъ родичей?.. Есть у васъ дѣти? Дочки или сыновья у васъ?..

Тихій-ли сдержанный голосокъ или простой вопросъ разбудилъ заглохшія радости и сердечныя печали, только сильно онѣ проснулись и испытующее, наблюдающее лицо, исполнившее Марусю томительною тревогою, сдѣлалось какимъ-то игралищемъ то омрачавшихъ его тѣней, то освѣщавшихъ его проблесковъ: воспоминанья, образы, сожалѣнья, опасенья, надежды, казалось, душили сильнаго человѣка, подступая живыми терзающими приливами. Странно смотрѣли теперь на Марусю эти подозрительные, прежде испытующіе глаза, будто ища въ ея образѣ какого-то другого, далекаго образа, заставлявшаго, можетъ, когда-то улыбаться теперь дрожавшія губы.

— Да̀, у меня есть дочка, проговорилъ онъ послѣ долгаго молчанія.

— Большая? спросила Маруся.

Онъ усмѣхнулся. Должно быть, передъ его духовными глазами пронеслась очень маленькая, непрочная, хрупкая фигурка, судя по его нѣсколько грустной, нѣсколько томительной улыбкѣ.

— Съ тебя, коли еще не меньше, отвѣтилъ онъ и очень задумался.

Впереди гарцовавшіе офицеры все спорили; одному не надоѣло подзадоривать, другому не опостылѣло ворчать;

казалось, каждый поставлялъ въ томъ свою забаву среди незанятой, дикой, скучной жизни.

Вдругъ въ заднихъ рядахъ отряда кто-то вполголоса запѣлъ: «вспомни, вспомни, моя любезная, нашу прежнюю любовь!», и Маруся, у которой каждый звукъ заронялъ вереницы видѣній о Чигиринѣ, о панѣ гетманѣ, *о немъ*, вся содрогнулась при звукахъ глухого, мощнаго голоса пожилого всадника, ея допрощика, тихо про себя подхватившаго запѣтую пѣсню. Пѣнье скоро перешло у него въ какой-то страстный, горькій шопотъ, между тѣмъ какъ запѣвало, видимо увлекаясь, разливался все громче и такими волнами грусти и безпечности, сожалѣнія и удальства, что мучительно задиралъ за живое. То тотъ, то другой голосъ подхватывалъ пѣсню; наконецъ, всѣ голоса дружно ее подхватили и слились въ одинъ гулъ, перекатами разносившійся по степи.

Когда пѣсня стихла, вдругъ замѣтили, что разсвѣло, точно разсвѣтъ выступилъ изъ-за внезапно распахнутой двери, а не разгорался мало-по-малу. Не вдалекѣ отъ дороги видно было тихое, небольшое озеро, накинутое точно дымчатою пеленою, утреннимъ туманомъ; отъ озера вправо вилась мягкая черная дорога къ хутору, надъ которымъ стояла тонкая прямая струйка дыма.

Это виднѣлся хуторъ пана Кныша.

Жутко было въ полутьмѣ теплой ночи, въ полутьмѣ утренняго разсвѣта, но при засіявшемъ блескѣ благодатнаго утра еще стало жутче. Веселое великолѣпіе природы какъ-то чудно дѣйствовало на душу, то растравляя ее, то смиряя, то исполняя какимъ-то двухстороннимъ чувствомъ — страха и надежды, которые схватывались и боролись, не одолѣвая другъ-друга, какъ борятся между собою равно сильные и не сливающіеся огонь и вода.

Маруся искала глазами пожилаго всадника, который

отъѣхалъ отъ нея и замѣшался въ толпу другихъ, и ея глаза скоро отыскали его и встрѣтились съ его глазами. Въ его взглядѣ не было уже ни пытливости, ни пронзительной наблюдательности,—какая-то нерѣшительность, какое-то недоумѣніе и опасеніе разлились по всѣмъ чертамъ его рѣзкаго, хищнаго лица и странно его смягчали.

— Господи ты, Боже мой! экая мелкота! сказалъ одинъ изъ отряда, увидавъ Марусю при свѣтѣ утра. — И ѣдетъ себѣ какъ ни въ чемъ не бывало: ни пороху, ни пули не боится!

— Да этакую малость ни одна пуля, надо полагать, не возьметъ, возразилъ другой. — Все одно, что маковое зерно!

— У нихъ и дѣвчонки не боязливы — это уже такой народъ, вмѣшался третій. — Я, скажу вамъ, видалъ, что во время самой свалки, кровь хлещетъ, земля дрожитъ, и рубятъ, и мрутъ, а она себѣ ходитъ помежду да подбираетъ своихъ, словно по саду ягоды, ей-Богу!

— Да и пропадаетъ-же ихъ сколько! сказалъ еще присоединившійся собесѣдникъ.

— Да всѣ мы пропадемъ такъ или иначе, отвѣтилъ кто-то съ боку. — Въ томъ только и дѣло, чтобы пропасть самымъ лучшимъ манеромъ! Вотъ что̀!

Издалека пронеслось нѣсколько выстрѣловъ и ихъ звукъ, словно волшебствомъ, въ одно мгновеніе спугнулъ всѣ иныя мысли, всѣ прочія чувства: овладѣвшее-было раздумье, начатое разсужденье, полувыраженное мнѣніе, невысказанное возраженье — все это прервалось, какъ перехваченная острыми ножницами нитка, и весь отрядъ вдругъ превратился какъ-бы въ одно существо, чутко насторожившее слухъ и готовое къ отпору.

Офицеры тоже пріостановили своихъ лошадей и перестали спорить и дразнить другъ-друга.

Выстрѣлы раздались снова.

— Это съ нашей стороны! Нѣтъ сомнѣнья, это съ нашей стороны! вскрикнулъ молодой офицеръ.

— Маршъ-маршъ! На̀ выручку! Это наши дерутся! Гей, Иванъ! доставь возъ до хутора и распорядись... Впередъ!

Маруся еще не успѣла сообразить хорошенько, въ чемъ дѣло, какъ уже отрядъ ускакалъ вихремъ и скоро исчезли изъ виду всѣ, кромѣ Ивана, которому отданъ былъ приказъ «доставить возъ и распорядиться». Словно дикія птицы, безъ оглядки всѣ они снялись и улетѣли, только пожилой солдатъ, говорившій съ нею, обернулся и еще разъ глянулъ на нее.

— Трогай, трогай, каплюха! проговорилъ Иванъ, раскуривая коротенькую трубочку.

Маруся поглядѣла на Ивана. Онъ ей представился чѣмъ-то въ родѣ ежа.

— Трогай! трогай! повторилъ онъ суровѣе.

Возъ подвигался понемногу впередъ, къ Кнышеву хутору; замелькали засѣянныя, но мѣстами жестоко вытоптанныя, выбитыя поля; выстрѣлы долетали все чаще и чаще и, незамѣтно поднимаясь на отлогую могилу, черезъ которую вилась вдаль дорога, Маруся завидѣла какіе-то палатки и шатры, надъ которыми вились клубы чернаго дыма и вырывались время отъ времени огненные языки краснаго пламени. Иногда, по звонкому утреннему воздуху, слабо доносились людскіе крики и стоны, чуть явственное жалобное мычанье домашнихъ животныхъ, и дѣтскій плачъ, и смѣшанный крикъ домашнихъ птицъ, и трескъ падающихъ развалинъ жилищъ.

Поднявшись на самую вершину *могилы*, Маруся, какъ на ладони, увидѣла вдали мѣсто самой битвы. Она увидѣла пылающую деревню, двѣ дѣтскія фигурки, бѣжавшія, схватившись руками, въ испугѣ и ужасѣ, сами не зная

куда, различила нѣсколько неподвижно распростертыхъ по степи женскихъ фигуръ; на ея глазахъ падали люди со стономъ, мчались испуганныя лошади безъ сѣдоковъ, рѣдѣли свирѣпые отряды, устилалась земля трупами и ранеными, трава, смачиваясь теплою кровью, темнѣла. Небо принимало какой-то зловѣщій багровый оттѣнокъ. Пороховой дымъ ходилъ волнами.

А прямо передъ нею зеленѣлъ и благоухалъ хуторокъ пана Кныша и возъ тихо къ нему подвигался все ближе да ближе. Въ чащахъ густаго сада уже обозначились разнородныя деревья и кустарники съ своими узорчатыми листьями и цвѣтами; въ открытыя вороты она распознала темножелтыхъ, пестрыхъ куръ, расхаживающихъ по широкому двору, заросшему мягкою бархатистою муравою и преисполненному всевозможныхъ хозяйственныхъ орудій и снарядовъ; у воротъ сидѣла громадная, косматая черная собака; она уже завидѣла подъѣзжающій возъ и ждала его хладнокровно и бдительно, какъ особа, вдоволь уже повидавшая въ жизни и давно взявшая себѣ за правило не спѣшить съ выраженіями своихъ чувствъ.

IX.

Только-что возъ остановился у воротъ, какъ передъ Марусею очутился орленкообразный мальчикъ лѣтъ пяти, румяный и мощный. Будь онъ вправду степнымъ орленкомъ, онъ и тогда не могъ-бы ни быстрѣе налетѣть, ни устремить на Марусю смѣлѣе взгляда, ни мгновеннѣе обозрѣть и ее, и возъ, и воловъ.

— Дома панъ Кнышъ, хлопчикъ? спросила Маруся.

— А вы пріѣхали къ дѣду въ гости? спросилъ хлопчикъ, вмѣсто отвѣта.

— Къ дѣду; дома дѣдъ?

— Дома.

— Гдѣ-жь онъ?

— Онъ въ саду, а можетъ, въ хатѣ, а можетъ, на толокѣ.

— Покличь дѣда, хлопчикъ.

Но дѣдъ уже подходилъ къ воротамъ.

Нѣсколько сгорбленный, простодушный старичекъ въ сельской полотняной одеждѣ, въ рубашкѣ и въ широкихъ шароварахъ, въ соломенной шляпѣ.

Онъ тотчасъ же узналъ Марусю и нисколько не показалъ удивленія при ея видѣ, словно ея ждалъ, словно такое посѣщеніе было самымъ пустымъ и обычнымъ дѣломъ.

— А, дивчина малая! сказалъ онъ:—все-ли здорова, все-ли весела? Милости просимъ въ хату, а коли въ хатѣ соскучишься, то вотъ Тарасъ знаетъ, гдѣ водится земляника и гдѣ спѣетъ малина. Можно тоже развлечься пампушками или маковниками. Тоже имѣются пироги въ запасѣ, — такіе пироги, что утѣшать голодную душу.

Иванъ услыхалъ слова *маковники*, *пироги*.

— У тебя, кажется, домъ не безъ запасовъ? промолмилъ онъ суровымъ голосомъ, но въ которомъ уже звучала нотка, смягченная представившимися видѣніями пироговъ и другихъ яствъ.

— Благодарю моего Создателя! отвѣчалъ хозяинъ: — милости прошу, пожалуйте въ хату!

Что̀ это за радушный, что̀ это за простосердечный, что̀ это за безхитростный, казалось, былъ хозяинъ панъ Кнышъ!

— Пожалуйте, дорогой гость... не ждалъ, а Богъ и по-

слалъ... и послалъ!.. Вотъ нежданый, да за то дорогой гость... Пожалуйте, пожалуйте...

«Нежданый, но дорогой гость», усталый и голодный, отложилъ всѣ разговоры и объясненія и пошелъ за хозяиномъ, расправляя измученные члены, позѣвывая, почесываясь, однимъ словомъ, пользуясь рѣдкимъ случаемъ понѣжиться тѣломъ и духомъ, рѣшивъ безсомнѣнно, что хозяинъ простакъ и добрякъ, и только заботясь о томъ, чтò это за пироги у него, чтò за яства и за питія.

Маруся въѣхала во дворъ и тоже пошла за ними, а за Марусею Тарасъ.

— Панъ Кнышъ! сказала Маруся:—чтò за чудныя зеленя у васъ! Хоть и неспѣлыми ихъ пожать, то все хорошо!

— Славу Богу, дивчинка, славу Богу! нынѣшній годъ все хорошо уродило! отвѣчалъ панъ Кнышъ, не обертываясь.

И хоть-бы сколько-нибудь дрогнулъ у него голосъ, или повысился или понизился, хоть-бы сколько-нибудь встрепенулась его фигура, ускорился или замедлился мелкій, спѣшный шагъ, хоть-бы крошку измѣнился въ чемъ-нибудь его видъ домовитаго хозяина, немножко тщеславнаго своими пирогами, съ тайнымъ торжествомъ спѣшащаго угостить и напередъ уже лукаво усмѣхающагося при видѣ пріятнаго изумленія гостя на первомъ кускѣ его яствъ, которыя, казалось, ставилъ онъ выше всего на свѣтѣ.

— Чтò-же это? онъ не понялъ?

У Маруси страшно заныло сердце; она не знала, чтò думать и кàкъ быть, и рѣшила опять тоже: *быть, какъ онъ*.

Поэтому, она больше ничего не сказала и вошла въ хату.

Это была просторная, прохладная, снѣжнобѣлая хата,

съ широкими лавками, со столомъ подъ бѣлою скатертью, съ глинянымъ поломъ. На стѣнахъ мѣстами висѣли пучки полуувядшихъ душистыхъ степныхъ травъ; въ углу, за образами, подъ бѣлымъ рушникомъ, тоже висѣли травы и мѣшались съ сухими прошлогодними цвѣтами, со свяченою вербою и *зеленосвятковымъ зильемъ* *).

Хозяинъ просилъ садиться и, повидимому, единственно погруженный въ заботы угощенія, единственно поглощенный тщеславнымъ желаніемъ не ударить лицомъ въ грязь и показать свое хозяйство въ лучшемъ видѣ, суетился, сбирая на столъ, бѣгалъ въ погребъ, рылся въ коморѣ, гремѣлъ посудою, ронялъ ложки, переливалъ какія-то бутылки, лазилъ подъ крышу за копченою колбасою, и всѣми этими усердными хлопотами держалъ въ постоянномъ ожиданіи голоднаго гостя и обращалъ всѣ его помыслы только на эти хлопоты и ихъ лакомыя послѣдствія, внушая ему признательность, смѣшанную съ досадой и нетерпѣніемъ, которыя, однако, не пересиливали ее.

— Да ты, хозяинъ, ужь такъ не падай для меня! говорилъ время отъ времени гость.

— Нельзя... нельзя... позвольте... позвольте, панъ... кàкъ зовутъ васъ, добродію? отвѣчалъ усердный хозяинъ.

— Да меня зовутъ Иваномъ, отвѣчалъ тотъ со вздохомъ и смиряясь.

— Ужь позвольте, пане Иване, угостить васъ, чѣмъ Богъ послалъ. Ужь позвольте!

— Мы люди военные, мы не сластоѣжки вѣдь — намъ лишь-бы сытъ, и довольно! въ свою пользу старался внушіть панъ Иванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ужь вы позвольте! отвѣчалъ хозяинъ.

Маруся сидѣла на лавкѣ, стараясь быть, *какъ онъ*, на

*) Букеты и вѣнки, которые святятся на *зеленыя святки*, т. е. на Троицынъ день.

видъ спокойная и тихая, но такіе приливы и отливы надеждъ и страховъ она испытывала, что никто того разсказать словами не сможетъ, да и рѣдко кто сможетъ себѣ вообразить.

Тарасъ, вволю наглядѣвшись изъ угла на гостей, смотрѣлъ въ окно и считалъ явственно долетавшіе до хутора выстрѣлы.

Наконецъ, завтракъ былъ окончательно собранъ; панъ Иванъ, послѣ долгаго ожиданія, накинулся на него съ нѣкоторымъ враждебнымъ чувствомъ и съ суровымъ видомъ воина, не цѣнящаго наслажденій вкуса; но скоро, очень скоро онъ какъ-то весь смягчился, даже проникся нѣкоторымъ умиленіемъ, а послѣ нѣсколькихъ чарокъ разныхъ наливокъ глаза у него посоловѣли и начала блуждать неопредѣленная улыбка на устахъ.

Хозяинъ время отъ времени припоминалъ о какой-нибудь новой, хранившейся у него сласти, и то ходилъ въ погребъ, то лазилъ подъ крышу, спрашивая напередъ позволенья у пана Ивана.

А панъ Иванъ уже не возражалъ, а только кивалъ ему головою въ знакъ того, что ему это кажется хорошо и что онъ на все согласенъ.

— А ты что̀, Тарасъ, галокъ считаешь? сказалъ хозяинъ внучку: — пошелъ-бы ты да сѣна далъ воламъ. Это у меня такой работникъ, что лучшаго и не надо, даромъ, что еще не до неба доросъ! прибавилъ онъ, обращаясь къ пану Ивану.

На это панъ Иванъ хотѣлъ отвѣчать что̀-то серьёзное, но серьёзнаго не отвѣтилъ, а только слабо и неопредѣленно улыбнулся.

Тарасъ сейчасъ-же спрыгнулъ съ лавки и пошелъ къ дверямъ.

Маруся не смогла выдержать муки, тоже встала и сказала:

— И я пойду съ Тарасомъ.

— Иди, иди, малая, отвѣтилъ ей хозяинъ, и когда она проходила мимо него, онъ погладилъ ее по головкѣ — только погладилъ по головкѣ и словно какимъ волшебствомъ возвратилъ ей увѣренность и бодрость.

— Хозяинъ! вдругъ сказалъ панъ Иванъ, съ отчаяннымъ усиліемъ сбирая мысли и уясняя дѣло: — сѣно наше... взято сѣно въ плѣнъ... давай выкупъ... большой выкупъ давай... это хорошо... очень хорошо...

— Ваша воля, панъ Иванъ, отвѣчалъ хозяинъ. — Хоть сѣно, хоть выкупъ берите, ваша воля!

— Ну, это хорошо, отвѣчалъ панъ Иванъ. — Это... это хорошо...

X.

Вышедъ во дворъ, Маруся увидала свой возъ на прежнемъ мѣстѣ; Тарасъ таскалъ изъ него охапками сѣно и подкладывалъ воламъ, а волы важно, съ достоинствомъ принимали должное угощеніе.

Съ тайнымъ трепетомъ ходила Маруся около воза, стараясь угадать то, что̀ ее мучило.

Долго она такъ кружила, какъ раненая птичка надъ заваленнымъ гнѣздомъ; Тарасъ, сдѣлавъ порученное ему дѣло, заговаривалъ съ нею о томъ и о другомъ, но она отвѣчала ему кратко — все ея существо было поглощено заботою, тревогою и упованіемъ.

Сообразивъ, что это круженье около воза можетъ навлечь подозрѣнье, она удалилась отъ него и стала бродить по широкому двору; она заглянула въ густой садъ, посмотрѣла вдаль на поле.

— Что̀ дѣлать? Что̀ будетъ? думала она.

Вдругъ, проходя мимо груды камней, наваленной во дворѣ, она услыхала голосъ, явственно промолвившій:

— Спасибо, Маруся малая! Не бойся ничего, все благополучно!

Она въ то же мгновеніе узнала этотъ голосъ и, пораженная радостію, какъ стрѣлою, вдругъ восхищенная и обезсиленная внезапно отлетѣвшими муками и тревогами, зашаталась, чуть не упала и сѣла на землю, не имѣя силъ ступить дальше шагу.

Понемногу она пришла въ себя и внимательно разглядѣла мѣсто: груда камней, у которой она сидѣла, видно была навалена здѣсь очень давно, когда строился погребъ, каменною отдушиною выходившій во дворъ, и камни, оставшіеся отъ постройки, съ той поры, очевидно, не трогались, потому что они проросли травою и крапивою по всѣмъ извивчивымъ направленіямъ.

— Не ослышалась-ли я? подумала Маруся, вся замирая отъ томленія.

Но голосъ, выходя изъ-подъ земли, прозвучалъ снова:

— Вѣрная моя дѣвочка! развесели свое сердечко! Переплыли мы самую быстрю; на берегу, Богъ дастъ, не потонемъ?

Маруся долго оставалась недвижима, все еще прислушаясь. По *его* слову, какъ по волшебному велѣнью, сердце ея исполнилось живою радостью, и потому на лицѣ заигралъ такой яркій, счастливый румянецъ, очи такъ засіяли и засвѣтились, что Тарасъ, гарцовавшій по дѣдовому двору, то въ гордомъ видѣ гетманскаго коня, то въ

грозномъ видѣ самого гетмана, то въ личинѣ храбрыхъ казацкихъ вождей и полковниковъ, то, наконецъ, разгоряченный представляемыми имъ прекрасными и славными ролями, необузданно предаваясь прыжкамъ и скачкамъ въ собственномъ своемъ видѣ, очутившись передъ чужою дѣвочкой пораженъ былъ преобразившею ее перемѣною, остановился передъ нею въ нѣкоторомъ недоумѣніи и устремилъ на нее свои орлиные взгляды.

— Чтò ей дѣдъ далъ? подумалъ онъ. — Чтò?

Передъ нимъ замелькали и заносились какія-то неясныя видѣнья смачныхъ маковниковъ въ меду, сластенъ, пряничныхъ коней, каленыхъ орѣховъ и прочихъ благъ. И чѣмъ больше глядѣлъ онъ на чужую дѣвочку, тѣмъ видѣнья эти становились фантастичнѣе, заманчивѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе раздражали и волновали его. Недоумѣвающій, чающій, онъ стоялъ и глядѣлъ, болѣе чѣмъ когда-либо подобный хищному орленку, расправившему крылья, навострившему клювъ, зорко оглядывающему окомъ, въ какую сторону летѣть на добычу.

Онъ весь вздрогнулъ, когда Маруся заговорила:

— А чтò, хлопчику, пойдемъ, можетъ, мы съ тобою въ садокъ?

— Пойдемъ, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, какъ человѣкъ, который еще не увѣренъ, выиграетъ-ли онъ отъ этого или проиграетъ. — А чтò дѣдъ далъ?

— Кому? спросила Маруся.

— Тебѣ?

— Ничего.

— Такъ пообѣщалъ? Чтò пообѣщалъ?

— Ничего.

Тарасъ поглядѣлъ на гостью пристально и недовѣрчиво.

— Чего-жь такъ рада? спросилъ онъ.

— Я?

Она хотѣла-было сказать: «я не рада», но не могла и сказала только:

— Пойдемъ въ садокъ.

И они пошли въ садокъ, и гуляли тамъ, и рвали ягоды, и разсуждали о разныхъ разностяхъ.

Хлопецъ Тарасъ разсуждать былъ охотникъ; особенно разсуждать о томъ, какъ-бы онъ то или другое устроилъ на мѣстѣ пана гетмана, и ужь конечно, не счесть никому, будь онъ хотя и звѣздочетъ, сколько на словахъ перекрутилъ онъ разнородной *невіры*, сколько городовъ обезпечилъ, сколько селъ и деревень обогатилъ. Рѣчи хлопца Тараса были заманчивы въ этомъ случаѣ, какъ медъ; впрочемъ, глядя на него, можно было увѣренно положить, что и дѣла его не будутъ полынью.

Я не знаю, много-ли есть на свѣтѣ вещей лучше прогулки по душистому, свѣжо благоухающему, густому саду, когда сердце играетъ и все ваше существо, послѣ жгучаго ожиданья и томительнаго сомнѣнья, точно смѣется! Дай Богъ погулять такъ всякому доброму человѣку хоть одинъ разъ въ жизни!

Такъ гуляла Маруся, слѣдя за Тарасомъ по всѣмъ угламъ и закоулкамъ сада и толкуя съ нимъ о томъ и о семъ.

А Тарасъ, водя гостью по саду, угощая ее ягодами и занимая разговорами, все-таки, время отъ времени взглядывалъ на нее съ сомнѣніемъ и никакъ не могъ отогнать отъ себя тѣхъ неясныхъ, заманчивыхъ видѣній таинственныхъ маковниковъ, бубликовъ, сластенъ и всякихъ другихъ смаковъ, гдѣ-то близко сущихъ и являвшихся передъ нимъ всякій разъ, какъ только обращалось къ нему сіяющее личико гостьи.

XI.

А солнце, между тѣмъ, высоко взошло, и сіяло, и играло такъ, что нигдѣ почти тѣни не было, а если гдѣ и отъискивалась, то, все-таки, ее какъ-нибудь да пронизывалъ, какъ-нибудь да пересѣкалъ, какъ-нибудь да задѣвалъ солнечный лучъ. Его теплый и яркій свѣтъ наискось палъ въ хатнее окно, подъ которымъ уснулъ насыщенный панъ Иванъ, и, должно полагать, своею мягкостію и теплотою разбудилъ его, непривыкшаго или давно уже отвыкшаго отъ всякой мягкости и теплоты на бѣломъ свѣтѣ.

Панъ Иванъ хотя проснулся, но нѣкоторое время не открывалъ глазъ, а только вздыхалъ и какъ-то жалобно усмѣхался. Эта усмѣшка точно хотѣла сказать: вѣдь я знаю, что всей теперешней нѣги и слѣдъ простынетъ, какъ только я открою глаза; вѣдь, я знаю это и понимаю!

Но вдругъ онъ вскочилъ, какъ обожженный, лицо приняло обычное равнодушно-суровое и даже нѣсколько враждебное выраженіе и, проворно оправляясь и собираясь, онъ недоброжелательно оглядывалъ бѣлыя стѣны, по которымъ играли веселые солнечные лучи.

Никого не было въ хатѣ; онъ крикнулъ громко и отрывисто:

— Эй, хозяинъ!

Зыченъ былъ голосъ у пана Ивана и раскатился по двору во всѣ концы. Маруся и Тарасъ бросились къ хатѣ и, притаившись за цвѣтущими кустами сирени и калины, ожидали, что̀ будетъ.

Все тихо было кругомъ и ничего не было слышно, кромѣ шума и движенья лѣтняго погожаго дня.

Панъ Иванъ крикнулъ снова, громче и отрывистѣе прежняго:

— Эй, хозяинъ! Али уши заложило?

И совсѣмъ прибравшись въ дорогу, въ шапкѣ и прилаживая половче пику, панъ Иванъ толкнулъ хатнюю дверь каблукомъ сапога, распахнулъ ее настежъ и пріостановился, не зная, куда лучше идти: сѣни были сквозныя и съ обѣихъ сторонъ по муравѣ разбѣгались тропинки, и тамъ и сямъ стояли разные сельскіе снаряды. Съ третьей стороны полуотворена была дверь въ свѣтлицу.

Но уже слышался привѣтливый голосъ хозяина въ отвѣтъ на зовъ, голосъ, прерываемый легкимъ, вовсе не непріятнымъ кашлемъ и быстрою спѣшною походкою.

— Иду, пане Иване, иду! привѣтливо и радушно звучало издали.

Но панъ Иванъ никакъ не могъ уловить, откуда голосъ приближался и, понапрасну повертѣвъ шею туда и сюда, нетерпѣливо двинулся въ какую дверь попало и лицомъ къ лицу сошелся съ ласковымъ и запыхавшимся хозяиномъ.

— Хорошо-ли отдохнули, пане Иване? спросилъ хозяинъ, участливо и простодушно глядя въ недовольные глаза гостя. — Не кусали мухи?

— Чортъ съ ними, хоть-бы и кусали! отвѣчалъ панъ Иванъ, чувствовавшій себя что̀-то неладно послѣ отдыха и сна.

— Конечно, прахъ имъ, пане Иване, конечно, отвѣчалъ хозяинъ, охотно присоединяясь къ выраженному мнѣнію гостя, и между тѣмъ, какъ гость на минуту при-

задумался, сурово и раздражительно покручивая усы, онъ тоже, подумавъ съ минутку, прибавилъ:

— Однако, скажу вамъ, часомъ въ самый-этакъ смакъ любаго сна, обидно бываетъ доброму человѣку отъ этой дряни...

— Отъ какой? спросилъ панъ Иванъ, выходя изъ задумчивости.

— А отъ мухъ-то, добродію. Подумаешь, что добрый человѣкъ имъ слаще меду иной разъ...

— Голова болитъ, перервалъ сурово панъ Иванъ словоохотливаго хозяина. — Ты лучше чарку водки поднеси, чѣмъ попусту калякать...

— Пожалуйте, пожалуйте, пане Иване, подхватилъ хозяинъ, заторопившись съ такимъ довольствомъ, словно ему село съ угодьями подарили.

И мелкимъ радостнымъ шажкомъ онъ пробѣжалъ впередъ пана Ивана въ хату, а панъ Иванъ вступилъ за нимъ слѣдомъ, сохраняя все тотъ-же суровый и раздраженный видъ, но уже поглаживая и расправляя щетинистые усы.

— Садитесь, пане Иване, а я сейчасъ чарочку наполню, говорилъ хозяинъ, суетясь по хатѣ.

— Нѣкогда садиться, отвѣчалъ, не смягчаясь, панъ Иванъ: — давай скорѣе, я такъ, на ходу, хлебну. Да деньги у тебя готовы? Мнѣ мѣшкать не приходится...

— Жалко, страхъ какъ жалко, что такой вамъ спѣхъ, пане Иване, промолвилъ хозяинъ. — Такую горѣлку пить-бы, да смаковать, скажу нелестно...

— А деньги готовы? спросилъ панъ Иванъ.

— Готовы, пане Иване, хоть и тяжеленько нашему брату...

Тутъ хозяинъ вздохнулъ и меланхолически поглядѣлъ на вынутый изъ кармана кошель, а потомъ на пана Ивана.

— Толковать объ этомъ нѣчего, возразилъ панъ Иванъ, успѣвшій проглотить огромную чарку водки, словно ягодку.

Хозяинъ покорился съ новымъ вздохомъ и больше не толковалъ, молча вынулъ гроши, гривны и сталъ ихъ на всѣ стороны обертывать, разглядывать, а потомъ принялся шопотомъ считать.

— Ты до трехъ-то сочтешь или не сила твоя? спросилъ панъ Иванъ, но не очень сердито, потому что, спрашивая, наливалъ вторую чарку горѣлки, а спросилъ больше насмѣшливо, даже игриво. — Ты какъ считаешь-то?

— А я все *копами* считаю, пане Иване, отвѣчалъ хозяинъ:—пять, шесть... нѣтъ лучше счета, какъ *копами*... семь, восемь... батько покойный отъ роду не ошибался... девять... и ни одинъ жидъ его не сбилъ... одиннадцать... а ужь извѣстно, что жиды...

— Жиды первые въ свѣтѣ христопродавцы! разсѣянно перебилъ панъ Иванъ и, наливъ третью чарку, выпилъ ее и нѣкоторое время смирно и безмолвно слушалъ сужденія хозяина о нравахъ жидовъ, перерываемыя счетомъ грошей, устанавливаемыхъ кучками на столѣ.

Но послѣ четвертой чарки вся суровость пана Ивана возвратилась съ лихвою, лобъ насупился, лицо омрачилось. На ласковыя прощанія хозяина онъ ничего не отвѣтилъ, строго пересчиталъ поданныя деньги, засунулъ ихъ въ карманъ нетерпѣливою рукою, вышелъ быстрымъ шагомъ изъ хаты, отвязалъ кормившагося коня, назвавъ его прожорою, сурово приподнялъ шапку на всѣ привѣтствія, нахлопнулъ ее сейчасъ-же почти на самые глаза, пустился вскачь со двора и скоро исчезъ среди широкой степи, ярко зеленѣвшей при играющемъ веселомъ солнцѣ.

XII.

Между тѣмъ какъ орлиныя очи Тараса жадно слѣдили за скакавшимъ вдоль по степи паномъ Иваномъ, Марусины очи, проводивъ всадника со двора, обратились на хозяина.

Хозяинъ стоялъ у воротъ и, казалось, безъ цѣли и мысли глядѣлъ вслѣдъ скакавшему пану Ивану, наблюдая, подобно Тарасу, его быструю ѣзду, да машинально прислушиваясь къ звуку копытъ по степи. Одною рукою ласкалъ онъ подошедшую собаку, а другою, въ видѣ зонтика, прикрывался отъ лучей солнца, бьющихъ ему въ лицо. Потомъ онъ, словно вдоволь насытившись зрѣлищемъ, медленно и безмятежно повернулъ отъ воротъ къ хатѣ, посматривая туда-сюда по двору съ тѣмъ пытливымъ видомъ, съ какимъ аккуратный, исправный и бдительный хозяинъ иногда посматриваетъ, выискивая, нѣтъ-ли гдѣ въ его исправномъ и безукоризненномъ хозяйствѣ чего такого, къ чему-бы можно прицѣпиться и на чтò-бы можно обратить свою ретивую хозяйскую дѣятельность.

— Дѣдъ! крикнулъ Тарасъ, очнувшись, наконецъ, отъ упорнаго созерцанія давно исчезнувшаго всадника.— Гдѣ вражеское войско стоитъ? Я думалъ въ Великой Ярузи, ажъ...

— А, дѣтки, вы тутъ въ садку гуляете? ласково промолвилъ панъ Кнышъ, останавливаясь на ходу и кивая головою. — Коли нагулялись, то берите дорогу до хаты, да «нехай хлібъ святый не даромъ родить!»

*

И онъ, усмѣхаясь, пошелъ къ хатѣ, а они за нимъ.

Въ мгновеніе была принята прочь фляжка и чарка, служившія пану Ивану; на столѣ появились вареники и коржи, и рѣзкій запахъ горѣлки замѣнился запахомъ свѣжей сметаны.

Тарасъ, хотя озабоченный тѣмъ, гдѣ теперь расположилось вражеское войско, при заботѣ этой не хуже другого кого уписывалъ вареники — уписывалъ такъ проворно, словно кидалъ за себя, но Марусѣ не шла ѣда на умъ, и между тѣмъ, какъ ея тоненькіе пальчики ломали и крошили коржикъ, ея глаза не отрывались отъ хозяйскаго лица.

— Дѣдъ, а дѣдъ! снова началъ Тарасъ: — коли онъ поскакалъ къ Кривымъ-Хрестамъ, значитъ, ужь войско не въ Великой Ярузи стоитъ?

— Надо полагать, хлопчикъ, надо полагать, отвѣчалъ снисходительно дѣдъ, усердно подставлявшій имъ яства. — А вотъ ты напомнилъ мнѣ одно дѣло, Тарасъ: надо-бы провѣдать, что̀ наши верши близь Великой Ярузи.

— Я совсѣмъ забылъ про нихъ! вскрикнулъ Тарасъ, вскакивая съ мѣста, словно его кто скинулъ однимъ махомъ.

— Эхъ ты, хозяинъ! промолвилъ панъ Кнышъ, усмѣхаясь.

— Ну, дѣдъ! сказалъ Тарасъ: — и не знаю, какъ это я забылъ!

И онъ стоялъ передъ дѣдомъ въ совершенномъ недоумѣніи, точно ему-то ужь никакъ не пристало, никакъ не годилось упускать изъ виду подобныхъ вещей въ хозяйствѣ.

— Пойду, скорѣе погляжу! Пойду! проговорилъ онъ, приходя, наконецъ, въ себя отъ удивленія и прогоняя смущенье быстрымъ исполненьемъ рѣшеннаго вопроса.

Онъ выскочилъ изъ хаты, на минуту раздался его усердный топотъ, разъ донесся уже издали его голосъ, прикликавшій Рябка — и все стихло.

Маруся осталась наединѣ съ хозяиномъ и теперь хозяинъ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее — смотрѣлъ инымъ взглядомъ, отъ котораго у нея сильно-сильно начало биться и трепетать сердце.

На ея глазахъ свершилась мгновенная, точно волшебная перемѣна или, точнѣе, преображеніе: панъ Кнышъ переродился. Вмѣсто лукаво-простодушнаго, добродушно-озабоченнаго хозяйскаго образа, передъ нею сверкали пронзительныя, проникающія словно острый кинжалъ, очи; всѣ мягкія морщины исчезли, всѣ черты какъ-то иначе выяснились — не шутливо и не безмятежно было теперь это лицо, — даже ростъ сталъ выше, плечи шире, рамена мощнѣе.

Нѣсколько минутъ Кнышъ глядѣлъ на Марусю, а Маруся на него, словно зачарованная птичка, потомъ онъ сказалъ, — и голосъ у него иной сталъ: до того звучнѣе и полнѣе, что на прежній походилъ только, какъ походитъ скрипка съ оборванными струнами на скрипку настроенную и поющую подъ искусною рукою.

— Маруся, сказалъ онъ: — тутъ недалеко находится одинъ пріятель твой и хочетъ съ тобою словца два перемолвить, — можетъ, ты-бы поспѣшила къ нему?

Понявъ Марусинъ отвѣтъ безъ словъ, которыя сильная радость перехватила словно острый ножъ, онъ сдѣлалъ ей знакъ слѣдовать за собою.

Онъ вышелъ изъ хаты во дворъ. Марусины глаза съ радостнымъ недоумѣньемъ остановились на ворохѣ старыхъ камней, около котораго она слышала голосъ, возвратившій ей бодрость и радость, но Кнышъ не сдѣлалъ къ нему и шагу — онъ остановился, зорко погля-

дѣлъ во всѣ стороны и свиснулъ; сидѣвшій у воротъ Воронъ въ два прыжка очутился подлѣ, сѣлъ на заднія лапы, закинулъ голову и толково и внимательно глядѣлъ въ глаза хозяина, въ ожиданіи приказаній.

— Нѣтъ чужого близко, Воронъ? спросилъ Кнышъ.

Воронъ въ отвѣтъ какъ-то особенно тихо и выразительно взвизгнулъ, будто говоря: охъ, будьте спокойны! и, какъ бы въ бо̀льшее доказательство, что можно на этотъ счетъ быть совершенно безпечными, началъ ловить и глотать мошекъ, пользуясь свободнымъ временемъ, выпадающимъ между серьезныхъ заботъ и важныхъ занятій.

Кнышъ снова ввелъ Марусю въ сѣни, но, вмѣсто хатнихъ дверей, отворилъ двери напротивъ, въ комору, преисполненную запасами всего, что̀ служитъ на поддержаніе жизни человѣку: едва можно было двигаться между многочисленными мѣшками муки, крупъ, пшена, гороху, маку, бобовъ; свѣтъ затемняли гирлянды висѣвшаго хмѣлю, колбасъ, сушеныхъ ягодъ, коши яицъ, готовыхъ раскатиться отъ неосторожно сдѣланнаго шага, заставляли боязливо пріостанавливаться, въ немалую тревогу вводили строи бутылей и фляжекъ, пересѣкавшіе путь.

Маруся остановилась при входѣ, выбирая, куда лучше ступить—всюду былъ шагъ опасенъ. Она обратила глаза на Кныша, притворявшаго за собою двери, и вдругъ увидала у самаго порога отверзтіе внизъ подъ полъ и ведущую въ подполье лѣстницу.

— Тихонько спускайся, дивчино, сказалъ Кнышъ. — Береги свои ножки!

XIII.

Они начали спускаться внизъ по ненадежной лѣсенкѣ, которая гнулась и трепетала подъ ними, какъ живая.

Маруся не замѣтила, какимъ образомъ открылось подполье, и какъ оно закрылось, она замѣтила только потому, что они вдругъ очутились въ темнотѣ.

Чѣмъ ниже они спускались по лѣсенкѣ, тѣмъ воздухъ становился свѣжѣе и сырѣе, какъ бываетъ въ погребахъ, куда не заглядываетъ отъ роду теплый и ясный лучъ солнца. Время отъ времени она чувствовала прикосновеніе надежной и увѣренной руки, заботливо ее поддерживавшей.

Наконецъ, лѣстница окончилась и Маруся очутилась на днѣ глубокаго погреба.

Въ то же мгновеніе проводникъ взялъ ее за руку и повелъ за собою.

Шли они не долго; едва сдѣлали нѣсколько шаговъ въ темнотѣ, какъ широкая полоса дневнаго свѣта ярко пала сверху и освѣтила Марусѣ просторное подземелье, по которому спокойно прогуливался взадъ и впередъ сѣчевикъ, погруженный въ какія-то соображенія, но не утратившій ни крошки своей обычной чуткости и бдительности и въ ту-же секунду заслышавшій и завидѣвшій посѣтителей.

— А, Маруся - малая, порадница вѣрная! промолвилъ онъ, встрѣчая ихъ съ спокойною улыбкою, словно гостей на мирномъ и пріятномъ праздникѣ.

Онъ не выказалъ волненія и только на мгновенье, не боль-

ше, его свѣтящіяся очи потонули въ устремленныхъ на него съ радостію и упованіемъ глазахъ дѣвочки.

Но существуетъ какая-то тайная, непонятная сила, выдающая въ иныя минуты жизни даже глубоко сокровенное біеніе сердца, и панъ Кнышъ отлично угадалъ и понялъ, что маленькая дѣвочка уже стала для запорожца всѣмъ, что̀ краситъ и освѣжаетъ, что̀ чаруетъ и наполняетъ отрадою и нѣжностію трудную, суровую, одинокую жизнь, исполненную опасностей.

И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ онъ угадалъ и порѣшилъ это дѣло, на лицѣ его мелькнуло то особое выраженіе какого-то томленія, какой-то жажды обрѣсти предметъ нѣжности, какое-то выраженіе горечи, что не встрѣчаютъ его глаза такого предмета, куда ни обращаются, то особое выраженіе промелькнуло, которое, рано или поздно, промелькаетъ у всякаго, даже самаго сильнаго духомъ, самаго твердаго нравомъ одинокаго человѣка.

— Пройдемте подальше, сказалъ Кнышъ: — тамъ удобнѣе будетъ присѣсть и потолковать: слышнѣе будетъ, въ случаѣ какого неожиданнаго посѣщенья...

Они прошли еще впередъ по подземелью, которое то съуживалось, то расширялось, то не пропускало ни искорки свѣта, то свѣтъ его освѣщалъ, падая сверху, кругами, полосами, звѣздами, треугольниками и всевозможными фигурами, смотря по тому, какую лазейку устроила природа. Иногда этотъ свѣтъ падалъ сквозь трещину, словно сквозь круглое окно, иногда снопомъ лучей проникалъ чрезъ маленькія отдушинки, или узкою полосою дрожалъ на черной земляной стѣнѣ.

Вездѣ, гдѣ только свѣтъ проникалъ, были подмощены лѣсенки и скрытый въ подземельѣ могъ, по своему желанію, нетолько наслаждаться свѣтомъ дня, но даже и

видѣть, что̀ творится во дворѣ, между тѣмъ, какъ самъ оставался невидимъ.

Всѣ помолчали, какъ часто бываетъ, когда за живое задѣнетъ и сильно повернетъ сердце человѣческое какая мысль или какое чувство.

— А временемъ мы не богаты! проговорилъ Кнышъ, обращаясь къ сѣчевику.

— За то не бѣдны вымысломъ, отвѣчалъ сѣчевикъ: — не побираемся ни отвагою, ни здоровьемъ!

— По-моему, коли въ путь, то въ путь!

— А вже-жь! выряжай меня, пріятель, а я такъ охочъ, какъ поповна замужъ!

— Такъ за дѣло! сказалъ Кнышъ.

Онъ отошелъ нѣсколько шаговъ въ бокъ и тотчасъ-же вернулся съ полною охапкою поношенныхъ убогихъ сельскихъ одеждъ, съ накладною сѣдою бородою, усами и бровями, съ сумою и съ бандурою, точно все это досталъ изъ подъ земли.

— Такъ дивчина пойдетъ съ тобою? сказалъ Кнышъ, разбирая принесенную охапку.

— Маруся, пойдешь со мною? спросилъ сѣчевикъ.

— Пойду, отвѣчала Маруся.

— А знаешь, куда идти-то дивчина? спросилъ Кнышъ.

— Знаешь куда? повторилъ сѣчевикъ.

— Не знаю. Пойду, куда скажешь, отвѣчала Маруся.

И радостно, и тепло, и бодро было у ней на̀-сердцѣ при мысли идти.

— Такъ вотъ уборъ дивчинѣ, да пусть и принаряжается-коли думаетъ идти, сказалъ Кнышъ, выбирая изъ охапки убогій дѣвичій уборъ и подавая его Марусѣ, какъ подаетъ изъ яйца букетъ цвѣтовъ искусный отводчикъ глазъ человѣческихъ — фокусникъ.

— Славный бандуристъ изъ тебя выйдетъ, пане прія-

телю! говорилъ Кнышъ, глядя, ка̀къ сѣчевикъ прибирался въ одежды странствующаго пѣвца. — Да и поводырь у тебя будетъ щирый! прибавилъ онъ, перенося взглядъ на Марусю и улыбаясь усердію, съ какимъ она вся предалась переодѣванью, далеко отбрасывая свои красивыя одежды и жадно облекаясь въ ветхія и плохія «дранки».

— Пойдемъ, Маруся, къ самому пану гетману! сказалъ сѣчевикъ.

Сіяющій взглядъ, отвѣтившій ему, навелъ на него какую-то думу, но не надолго.

— Тѣмъ временемъ, какъ мы прибираемся въ путь, пане пріятелю, сказалъ онъ Кнышу: — ты, будь ласковъ, поучи насъ уму-разуму. Разскажи толкомъ, что̀ тутъ у васъ дѣется. Вотъ я уже больше мѣсяца *никаю* помежъ людомъ, а до сего часу ничего не добился ни путнаго, ни вѣрнаго: больше согласья у молодицъ на великомъ торгу, чѣмъ у васъ на славной Украйнѣ!

Кнышъ все молча слѣдилъ за переодѣваньемъ и, какъ человѣкъ, больше знакомый съ осмотрительностью, чѣмъ съ откровенностью и отвагою, вмѣсто знаковъ согласія или отрицанія, только время отъ времени слабо проводилъ рукою по струнамъ бандуры, которую держалъ.

— У тебя каковы вѣсти? Ты вѣдь на свободѣ толкуешь, безъ спѣху, а мое дѣло такое, какъ въ догонку цѣловаться... ты, значитъ, лучше все разумѣешь и разбираешь, чѣмъ я, продолжалъ сѣчевикъ.

— Да что̀! отвѣтилъ Кнышъ. — ропщетъ народъ... *Тогобочному* давно не вѣритъ и *сегобочному* вѣрить перестаетъ... Времена незавидныя. Съ одного боку москали, съ другаго—ляхи, съ третьяго—татары, а дома два гетмана другъ на друга *чеснокъ товчуть*...

— Сказывали, что нашъ подался здоровьемъ; правда?

— Боленъ онъ не былъ, а съ лица спалъ; да и не диво: горе только одного рака краситъ! отвѣчалъ Кнышъ.

— А *тотъ?*

— *Тотъ?* О *томъ*, коли добрые слухи сбирать, то, исходивши всю Украйну, вернешься съ пустыми руками, а коли сбирать худые, то оглохнуть можно всюду, куда ни приди.

— Кто тамъ около него изъ нашихъ?

— Антонъ еще держится, да и тотъ говоритъ, что уже не втерпежь: такимъ еще плюгавцемъ никогда, говоритъ, я не бывалъ. Въ случаѣ чего, помни, что жинка у него добрая.

— Вправду? Та великая пани?

— Да, та великая пани. Бываетъ, что и между крапивою ростетъ *кійло* *).

— Она у него откуда?

— Не знаю.

— Коли съ ихъ поля ягода, такъ не вѣрь: будетъ все тотъ самъ звѣрь, только подъ другой приправой. Такъ нашъ крѣпко подался?

— Подался.

— Кто тамъ у него въ совѣтчикахъ теперь?

— Никого. Сидитъ одинъ, какъ подстрѣленный орелъ.

— Ему трудно.

— Трудно.

Сѣчевикъ былъ уже готовъ и принялъ бандуру изъ рукъ Кныша.

Маруся тоже была готова и всѣ вышли изъ подземелья.

Отряды, проѣзжавшіе подъ вечеръ мимо хутора, видѣли почтеннаго бандуриста, сидящаго на заваленкѣ хаты пана Кныша, тихо перебирающаго струны и протяжно

*) Кійло — ковыль-трава.

поющаго божественные псалмы, между тѣмъ, какъ поводырь его, пользуясь отдыхомъ, спалъ на травѣ, а панъ Кнышъ, склонивъ голову, смиренно и нѣсколько трусливо слушалъ эти божественные гимны, какъ человѣкъ, смутно чувствующій, что онъ не всегда шествовалъ по стезѣ, указанной въ псалмахъ.

XIV.

Въ сумерки бандуристъ съ своимъ поводыремъ уже были около стана, расположившаго свои походныя палатки недалеко отъ рѣки, на пригоркѣ, среди широкихъ, благоухающихъ свѣжихъ полей.

Вечернія тѣни уже сгущались и только на западѣ свѣтила ярко-алая полоса вечерней зари.

Въ станѣ было очень тихо. Стража, позлащенная вечерними лучами, казалась вылита изъ металла по своей неподвижности и блеску. Нѣсколько фигуръ ходило быстро, суетливо, нѣсколько другихъ медленно бродило; въ одной палаткѣ, несмотря на еще несовсѣмъ погасшій дневной свѣтъ, теплилась уже, сквозь бѣлое полотно, зажженная свѣча; время отъ времени звякало тамъ или сямъ оружіе, раздавался голосъ.

Появленіе бандуриста съ поводыремъ издалека было усмотрѣно и замѣчено, но онъ спокойно приблизился къ самому стану и потому никакого сомнѣнья, ни опасенья не возбудилъ.

Его появленіе многимъ даже доставило видимое удовольствіе; когда онъ заигралъ на бандурѣ и медленно, тор-

жественно запѣлъ божественный псалмъ, всѣ слушали, задумавшись.

Многія головы, перевязанныя окровавленными повязками, приподнялись съ очевиднымъ намѣреньемъ кинуть приношеніе къ ногамъ пѣвца, и сознаніе слабости вырвало у иныхъ восклицаніе досады, у иныхъ грустную усмѣшку; одинъ сдѣлалъ знакъ проводницѣ подойти ближе, показывая ей издали грошъ.

Дѣвочка, однако, стояла въ нерѣшимости — бандуристъ ей ничего не говорилъ, вѣроятно, потому, что, по слабости старческаго зрѣнія, не видалъ сдѣланнаго знака.

— Подойди, красная дѣвушка, проговорилъ раненый: — я тебя не укушу, а грошикъ дамъ!

Другія руки тоже протянулись съ приношеніемъ, другіе голоса тоже звали дѣвочку, и она пошла кругомъ, кланяясь и сбирая дрожащею рукою приношенія, встрѣчая ласковые взгляды, выслушивая шутливыя привѣтствія.

Но тутъ бандура такъ зазвучала у бандуриста, что все вниманіе обратила на себя.

Что̀ это была за пѣсня — разобрать было трудно: не то угрожающій гимнъ, не то мучительный стонъ.

Все притихло, слушая, поглощенное непонятною силою; робкая дѣвочка съ опущенною головкой и дрожащею ручкой была забыта. Всѣ увлеклись бандуристомъ.

Въ прозрачномъ тихомъ воздухѣ, въ свѣтозарной мглѣ розоваго вечера гудѣло, дрожало и разливалось:

Ой ты ремезо, ой ты ремезонько,
Да не мости гнізда, до по надъ Десною!
Бо Десна — Десны що дня прибуває,
Вона твоихъ дітокъ да позатопляе *)!

---

*) О, ремезъ, не свивай гнѣзда около Десны: вода въ рѣкѣ съ каждымъ днемъ прибываетъ и твои дѣти будутъ затоплены.

Какой-то молодой офицеръ, красивый, какъ картина, самодовольный, удалый, съ военными ухватками и военнымъ выраженіемъ лица, вышелъ изъ палатки.

Онъ вышелъ, очевидно, отъскуки, отъ нѣчего дѣлать, но, услыхавъ пѣнье бандуриста, пріостановился, потомъ пересталъ пускать дымъ колечками, потомъ забылъ курить трубку, потерялъ воинское выраженіе лица и фигуры.

Что̀-то давнымъ-давно заглохшее, что̀-то давнымъ-давно позабытое ему вспомнилось.

Въ иныя минуты странно преображаешься ты, образъ человѣческій!

На лицѣ офицера, всего за нѣсколько секундъ предъ тѣмъ являвшемъ, такъ-сказать, одинъ воинскій парадъ, теперь заиграло совсѣмъ иное.

Даже черты словно стали другія. На гладкомъ, отлогомъ лбу собрались, можетъ, отъ роду тутъ небывалыя складки, губы, щеголявшія, какъ лучшимъ украшеніемъ, самодовольною и нѣсколько наглою улыбкою, сжались, глаза, имѣвшіе только способность глядѣть по-военному, чудесно смягчились.

Грозное, зловѣщее пѣнье бандуриста перешло въ другое, до того преисполненное отчаянной, безсильной тоски, что одинъ раненый солдатъ проговорилъ:

— Ахъ, жилы изъ меня тянутъ!

Зажурилась Украина *),
Що нігде прожити,
Вытоптала орда киньми
Маленькіи дити.
Що малиї вытоптала,
Старіи побила,
Молодую челядоньку
У полонъ забрала!

---

*) Плачетъ Украйна, потому что негдѣ укрыться отъ бѣды. Татарская орда потоптала дѣтей, поизбивала старыхъ, а молодежь забрала въ плѣнъ.

Слушая это незатѣйливое изложенiе фактовъ, офицеръ какъ-бы спрашивалъ себя о многомъ такомъ, о чемъ прежде спрашивать не было помышленiя.

Можно было навѣрное сказать, что въ этотъ моментъ онъ не крикнулъ бы съ прежнимъ удальствомъ:

— Пли!

Какой-то усатый солдатъ, напоминавшiй цвѣтомъ и изъянами израненнаго тѣла какую-то старую, поломанную мѣдную статую грубой работы, могущую олицетворять собой представленiе грубой, свирѣпой жестокости, сначала мрачно, но неподвижно, слушалъ пѣнiе, потомъ отошелъ дальше, потомъ скрылся за палатку, легъ на траву, прикрылся шинелью и по его закаленному лицу потекли обильныя теплыя слезы — слезы, не выдавшiя себя ни рыданьемъ, ни вздохомъ, совсѣмътихiя, тише весенняго благодатнаго дождя въ степи.

Вдругъ пѣнье оборвалось, бандура зазвучала быстрѣе, быстрѣе, быстрѣе и воинскiй станъ огласился плясовыми звуками.

Да продала дiвчиненька юпку *),
Да купила козакови люльку,
Люльку за юпку купила—
Вона жь его вѣрно любила!
Да продала дiвчиненька душу,
Да купила тютюну папушу,
Папушу за душу купила —
Вона жь его вѣрно любила!

Раздался съ разныхъ сторонъ хохотъ; нѣкоторые принялись подтягивать, качать въ тактъ головою.

— Ай да бандуристъ! слышались восклицанiя:—ай да бандура!

---

*) Продала дѣвушка душегрѣйку купила казаку трубку. Не пожалѣла и даже душегрѣйки — она его вѣрно любила. Продала дѣвушка душу и купила казаку пачку табаку. Не пожалѣла и души—она вѣрно любила!

Много шутливыхъ пѣсень еще пѣлъ бандуристъ въ потѣху воинамъ, и не безъ сожалѣнія они распрощались съ нимъ, не безъ удовольствія приняли его обѣщаніе возвратиться снова и снова ихъ потѣшить.

— Куда идешь? говорили нѣкоторые. — Ночь вѣдь на дворѣ, а дороги-то, извѣстно, не надежныя...

— Старцу разбой не страшенъ, отвѣчалъ безпечный бандуристъ, уходя, и скоро скрылся съ своею проводницею во мглѣ лѣтняго вечера.

XV.

Уже звѣзды загорѣлись въ небѣ, а сѣчевикъ съ Марусею все шли тихою, безбрежною, задремавшею степью.

Все вокругъ нихъ безмолвствовало и сами они не промолвили слова.

Да и что̀ говорить, когда рука съ рукою идешь на доброе дѣло?

Да̀, хорошо было такъ идти рука съ рукою по дремавшей степи, среди ночнаго безмолвія, чувствуя только біенье своего переполненнаго сердца!

Они не знали, долго-ли шли, и мы не станемъ высчитывать того — часы эти были добрые, значитъ, нѐчего было знать ихъ — сами пролетѣли птицею.

Передъ ними мигающими точками мелькнули во мглѣ огни, а скоро во мглѣ-же очертились и темныя очертанія стѣнъ и зданій.

Угрюмъ и мраченъ былъ видъ этого города, черно рисовавшагося въ ночной темнотѣ, сверкавшаго мелкими огненными точками. Обычнаго торопливаго городскаго

шуму не было слышно, обычной вертлявой городской суеты не было замѣтно; совсѣмъ иная жизнь здѣсь проявлялась: не тѣ были отзвуки шаговъ, не тѣ отклики голосовъ. Какъ въ природѣ видно приближеніе наступающей грозы, такъ въ этомъ городѣ все дышало готовностью къ битвѣ и отпору; чѣмъ это особо выражалось — нельзя опредѣлить точно, но выражалось на всемъ: и на убогихъ низкихъ хатахъ среди садиковъ, и на высокой *дзвоницѣ*, и на старыхъ городскихъ стѣнахъ, и на свѣже-подсыпанныхъ валахъ. Все здѣсь приняло характеръ рѣшительнаго отпора, хотя соловьи по весеннему заливались и щебетали по садикамъ, и женскія фигуры спокойно проходили по улицамъ.

Никто не окликнулъ ихъ, когда они подошли къ городскимъ воротамъ, и они ступили въ городъ безъ помѣхи и затрудненья; но всякая пара глазъ, казалось, замѣтила ихъ и слѣдила за ними бдительно и зорко.

— Эй, братику! сказалъ сѣчевикъ, обращаясь къ молодому казаку, ждавшему чего-то, опершись на садовый плетень около хатки съ свѣтившимся окошечкомъ. — Эй, братику! будь ласковъ, покажи старому бандуристу, кàкъ доступить до пана гетмана!

Молодой казакъ, приподнявъ шапку и указавъ во мглу улицы, усѣянной, словно искорками, отблесками изъ окошечекъ, проговорилъ:

— Минувши эту улицу, направо будетъ гетманская хата.

Они, поблагодаривши казака, минули указанную улицу и угадали, которая направо гетманская хата, по болѣе яркому освѣщенію и по тому, что двѣ дивчины, проходя мимо, пріостановились, заглянули въ окошко и сказали: «панъ гетманъ, должно быть, не спитъ».

Въ этомъ окошечкѣ ярко обрисовывалась голова уса-

таго казака, точно вырѣзанная изъ черпаго камня, склонившаяся на руку въ глубокой думѣ. Прислушавшись, можно было слышать мужскіе шаги по свѣтлицѣ, шаги то медленные, то быстрые, удивительно-выразительные шаги.

Сѣчевикъ постучался.

Усатый казакъ покинулъ думать, всталъ и отворилъ двери.

Шаги въ свѣтлицѣ прекратились мгновенно и наступила совершенная тишина.

— Пану гетману пріятели поклонъ прислали, промолвилъ сѣчевикъ, вступая въ хату рука-объ-руку съ Марусею.

То была незатѣйливая свѣтлица; въ слѣдующую двери были затворены.

— Спасибо за пріятельскую ласку! отвѣчалъ усатый казакъ равнодушно-привѣтливо, словно подобныя посѣщенія случались сплошь да рядомъ.

— А можно видѣть гетманскія ясныя очи, братику? спросилъ сѣчевикъ.

Но двери изъ слѣдующей свѣтлицы уже распахнулись, самъ панъ гетманъ стоялъ передъ ними, и вся его фигура спрашивала безъ словъ: откуда гости? каковы вѣсти?

Свѣтъ огня освѣщалъ его не всего, а полосами и искрами: то сверху, то сбоку, то снизу. Онъ весь являлся въ черныхъ тѣняхъ и въ трепетномъ узорномъ освѣщеньи. Чертъ лица невозможно было хорошо уловить, только очи, пронзительныя и пытливыя, сверкали въ полутемнотѣ, какъ уголья.

— Челомъ бью пану гетману! сказалъ сѣчевикъ, увидя его, и низко поклонился.

Низко поклонилась и Маруся пану гетману.

— Спасибо, отвѣтилъ панъ гетманъ.— А какую пѣсню пропоешь намъ, ласковый бандуристъ?

Самый звукъ голоса уже показалъ человѣка, привыкшаго повелѣвать, а не слушать повелѣнья — человѣка, привыкшаго безъ запинки высказывать свои желанья и мнѣнья и безъ колебанья и страху ихъ оспоривать и за нихъ стоять.

— Развѣ свою, пане гетмане, потому что не сижу на чужомъ возу и не подтягиваю за хозяйскую ласку.

Панъ гетманъ ничего не отвѣтилъ на это, но никакія слова не передали-бы лучше удивленія, гнѣва и горести, чѣмъ это молчаніе.

— Откуда Богъ несетъ? спросилъ панъ гетманъ.

— Изъ Запорожья, отвѣчалъ сѣчевикъ. — Запорожцы приказали низко кланяться вельможному пану гетману.

— Спасибо, промолвилъ гетманъ. — Милости просимъ до моей свѣтлицы.

Сѣчевикъ послѣдовалъ за гетманомъ во вторую свѣтлицу, и Маруся, все еще державшаяся за его руку, вошла тоже въ гетманскій покой.

Убранства въ этомъ покоѣ не было никакого особеннаго: тѣ-же бѣлыя стѣны, тѣ-же липовыя лавки, какъ и въ простой казацкой хатѣ, только много разнаго и дорогаго оружія и по стѣнамъ висѣло, и по угламъ стояло; на столѣ лежалъ бунчукъ и бумаги. Гетманскіе жупаны висѣли на колкахъ и блестѣли шитьемъ. Кровать стояла какою-то неприступною для сна и успокоенья и столкнутая съ изголовья подушка ярко и несомнѣнно выражала, въ какомъ жару и мукѣ была приклонявшаяся къ ней не надолго голова.

— Прошу садиться, промолвилъ панъ гетманъ.

И самъ сѣлъ и устремилъ огненныя очи на сѣчевика. Всѣ его члены видимо трепетали, точно онъ сдерживалъ себя и эта узда докучала ему и раздражала его.

— Извини, пане гетмане, отвѣчалъ ему сѣчевикъ: —

вотъ видишь, у меня поводырь маленькій, утомился — ажъ привялъ; надо-бы ему отдохнуть, бѣдняжкѣ...

Панъ гетманъ всталъ и, сдернувъ съ ближайшаго колка великолѣпный жупанъ, кинулъ его сѣчевику. Потомъ глаза его пали на персидскій коверъ, покрывавшій большую скамью; онъ сдернулъ его однимъ движеніемъ и тоже кинулъ сѣчевику, съ нетерпѣньемъ слѣдя за его заботами о поводырѣ.

Ни одна нянька не перещеголяла-бы сѣчевика въ быстротѣ и ловкости, съ какою онъ постлалъ персидскій коверъ на лавкѣ, искусно устроивъ изголовье безъ подушки; да и какая-же нянька могла-бы бережнѣе и нѣжнѣе приподнять Марусю и заботливѣе, ласковѣе опустить ее на постель и прикрыть великолѣпнымъ гетманскимъ жупаномъ?

Съ какимъ наслажденьемъ усталые члены коснулись этого ложа, приготовленнаго вѣрною и надежною рукою!

Но спать дѣвочка не могла; сна у нея совсѣмъ не было. Она даже не дремала; изъ подъ падавшихъ складокъ гетманскаго жупана очи ея приковывались невольно и непобѣдимо къ двумъ собесѣдникамъ и слѣдили за ихъ малѣйшимъ движеніемъ, ловили самое мимолетное выраженіе ихъ лицъ.

Они сидѣли у стола, другъ противъ друга теперь и свѣтъ ярко пылавшей восковой свѣчи совершенно освѣщалъ ихъ лица и фигуры.

Что̀ за мощная фигура сѣчевика! Сила, краса его исполняли сердце дѣвочки какимъ-то благоговѣніемъ и упованіемъ.

Но другая фигура!

Душа ея исполнилась жалостью и трепетомъ, когда она глядѣла на эти впалыя очи, мрачно и тревожно сверкавшія изъ подъ густыхъ бровей, на несвоовременныя

морщины, избороздившія величавое и гордое чело, на всѣ слѣды разрушенія внутреннимъ огнемъ — огнемъ, казалось, неугасаемымъ, палившимъ безъостановочно и неотступно.

Они оба тихо говорили. Очень тихо и сдержанно.

Она долго вслушивалась въ этотъ разговоръ, какъ вслушиваются въ отдаленный шумъ моря.

Наконецъ, усталость взяла свое, глаза ея вдругъ сомкнулись и она уснула.

XVI.

Маруся спала, какъ спятъ на берегу моря: и спишь, и чуешь, что вокругъ тебя грозная пучина, и улавливаешь сквозь сонъ ея грозный ропотъ, и хотя грезится многое свое, но неотступно мерещатся безбрежно колыхающіяся волны.

Ей представлялся отцовскій хуторъ, благоухающій вишневый садикъ, знакомыя родныя лица, но все это какъ-то странно, не то чтобы линяло, а лучше сказать, тонуло въ туманѣ, отодвигалось на задній планъ; на первомъ планѣ ярко сіяли новые образы.

Вдругъ она мгновенно пробудилась и быстро приподнялась на своемъ ложѣ.

Сѣчевикъ сидѣлъ, по прежнему, облокотясь на столъ и, по прежнему, его очи горѣли, какъ двѣ яркія звѣзды, ослѣпительно, спокойно и ровно, какъ настоящее свѣтило.

Панъ гетманъ стоялъ посреди хаты. Видно было, что онъ рванулся съ мѣста въ ту самую минуту, когда его

уязвила страшная боль, рванулся и остановился, какъ бы ошеломленный мѣтко попавшимъ ударомъ.

У пана гетмана тоже горѣли очи, но горѣли иначе; мучительно замирало сердце, чувствуя, что изъ этихъ очей могутъ сейчасъ-же хлынуть отчаянныя, жгучія слезы. Гордое чело побѣлѣло отъ обуревавшихъ мукъ и терзаній и залегшія на немъ морщины, казалось, видимо бороздились все глубже и глубже.

— *Чи плакавъ бы сліпъ, якъ би стежку бачивъ!* *) проговорилъ онъ, наконецъ.—А время идетъ! время идетъ! А согласья нѣтъ! помощи нѣтъ! Я знаю, я сунулся въ воду, не спросившись броду, знаю! Да и вы къ доброму берегу не приплывете!! Вижу я, какой конецъ будетъ!

Голосъ у него прервался.

Сѣчевикъ молчалъ и только пристально глядѣлъ на пана гетмана.

Панъ гетманъ заговорилъ снова:

— Такъ вы такъ ужь и посчитали, что я на Іудины гроши соблазнился, а? Добрые люди! добрые люди! Вы...

— Пане гетмане! почтительно прервалъ его сѣчевикъ: — позволите вашей милости притчу доложить?

— Говори!

— Жили-были два добрыхъ пса...

— Знаю, знаю, знаю!

Панъ гетманъ кинулся на скамью у стола, протянулъ руки на столъ и припалъ на нихъ головою.

Лица его не было видно, но по одному склоненью неумѣющей гнуться шеи угадывалось, какъ тяжела бываетъ гетманская шапка.

Такъ оставался онъ нѣсколько минутъ.

Сѣчевикъ, все также пристально и внимательно гля-

*) Развѣ плакалъ-бы слѣпой, еслибы могъ видѣть дорогу!

дѣвшій на него своими звѣздоподобными глазами, казалось, не считалъ нужнымъ обращаться къ собесѣднику съ какими бы то ни было вопросами, объясненіями или рѣчами.

Наконецъ, панъ гетманъ поднялъ голову.

— Такъ что̀-жь мнѣ, по вашему, нести вамъ повинную голову, а?

Голосъ его былъ сдержанъ, но въ немъ слышалась глубокая, ѣдкая горечь; блѣдное лицо какъ-то медленно передергивалось.

— А мы-же присягали, пане гетмане, эту голову нашу нести, куда надо, за родину. Не въ нашей головѣ тутъ сила.

Панъ гетманъ быстро всталъ, прошелся по свѣтлицѣ, какъ вдругъ вскакиваютъ и дѣлаютъ кругъ раненые звѣри, подошелъ къ окну, поглядѣлъ во мглу благоухающей, тихой и теплой ночи, на сверкающія миріады звѣздъ и опять сѣлъ у стола.

Наступило долгое молчаніе и такъ стало тихо, что Маруся слышала біенье своего сердца.

Наконецъ, панъ гетманъ снова всталъ, подошелъ къ полкѣ въ углу, взялъ оттуда чернильницу, перо и бумагу, перенесъ на столъ, разложилъ какъ-бы для письма и опять удалился къ окну, опять глянулъ въ благоухающую мглу теплой ночи, на искрометныя звѣзды и оттуда проговорилъ глухо, какъ будто горло его сдавливала желѣзная рука:

— Я ему напишу все, что̀ требуется.

— Доброе дѣло, отвѣтилъ на это сѣчевикъ.

Еще на нѣсколько минутъ наступило молчаніе.

Между тѣмъ, глаза сѣчевика встрѣтились съ глазами Маруси и онъ ласковымъ знакомъ головы и улыбкой далъ

ей понять, чтобы она постаралась снова заснуть и отдохнуть.

Но она, въ отвѣтъ, указала на пана гетмана.

Онъ понялъ, что̀ ее мучитъ, и опять отвѣтилъ ей успокоивающимъ знакомъ.

Панъ гетманъ подошелъ къ столу и началъ писать.

Важное, надо полагать, было это письмо и трудно ему было писать.

Когда оно было окончено, панъ гетманъ передалъ его сѣчевику.

— Прочти! проговорилъ онъ.

Сѣчевикъ прочелъ исписанный листокъ, сложилъ и, взявъ свою бандурскую шапку, бережно засунулъ его подъ шапочную подкладку.

— Когда-жь доставишь? спросилъ панъ гетманъ.

— Какъ только донесетъ меня Богъ и добрая доля, такъ и доставлю, отвѣтилъ сѣчевикъ.

И съ этими словами онъ всталъ.

— Идешь? спросилъ панъ гетманъ.

— Иду, пане гетмане; счастливо вамъ оставаться.

Маруся въ одно мгновенье была тоже на ногахъ.

— Меня не покинешь? спросила она.

— Нѣтъ, не покину, отвѣтилъ ей сѣчевикъ, слегка наклоняя надъ нею свое смуглое лицо. — А коли утомилась, такъ на рукахъ понесу.

Маруся схватила его за руку.

— Бью челомъ пану гетману, сказалъ сѣчевикъ, низко кланяясь.

— Онъ продастъ насъ! глухо проговорилъ панъ гетманъ.

— Милостивый Богъ не выдастъ, супоросная свинья не съѣстъ! возразилъ сѣчевикъ.

— Съ нимъ нельзя правдою! воскликнулъ панъ гетманъ: — нельзя...

— Ничего, пане гетмане, ничего: *де не хватае вовчої шкури, тамъ мы наставимо лиса* *), проговорилъ сѣчевикъ: — будьте здоровы и насъ поджидайте. Пойдемъ, Маруся малая.

Они вышли изъ гетманской свѣтлицы и направились опять къ городской заставѣ.

Все было тихо и темно по улицамъ; вишневые садики мягко бѣлѣлись; гдѣ-то глухо журчала вода.

Отойдя нѣсколько шаговъ, Маруся оглянулась на гетманскую хату.

Въ отворенныхъ дверяхъ, чрезъ которыя они только-что вышли, стоялъ панъ гетманъ, и глядѣлъ имъ въ слѣдъ.

При неясномъ свѣтѣ мерцающихъ звѣздъ, едва виднѣлась его фигура, но и это неясное очертанье было до того преисполнено выраженьемъ муки, что у Маруси сердце больно забилось.

— Утомилась, Маруся? спросилъ сѣчевикъ, пробираясь по извучистымъ переулкамъ.

— Нѣтъ, отвѣчала она. — Мнѣ хорошо идти. Далеко могу, куда хочешь!.. Мы далеко пойдемъ?

— Далеко.

Нѣсколько времени они шли молча. Раза два или три, имъ то на встрѣчу попадались, то перегоняли ихъ чигиринскіе жители — все сильные, крѣпкіе люди, которые, какъ будто мимоходомъ, только взглядывали на нихъ и затѣмъ повертывали своею дорогой.

У заставы вдругъ поднялся съ земли какой-то гигантъ, съ аршинными усами и воздвигся передъ бандуристомъ на подобіе колокольни.

---

*) Гдѣ не хватаетъ волчьей шкуры, тамъ мы наставимъ лисьей.

— Куда Богъ несетъ, ласковый пане бандуристь? спросилъ онъ.

— Туда, гдѣ добрые люди, шановный земляче.

— Ну, а какъ повстрѣчаются злые, пане бандуристъ?

— Волка бояться, такъ и въ лѣсъ по ягоду не ходить, земляче.

— Кабы я былъ козакъ сильный, пане бандуристъ, я-бы поклонился тебѣ и попросилъ-бы... да несмѣлый я козакъ!

Маруся пожелала получше поглядѣть на этого «несмѣлаго», но голова его была такъ отъ нея высоко, что она могла видѣть только висячіе, какъ снопья свѣжей степовой травы, усы.

— Ничего, осмѣлься, отвѣтилъ бандуристъ.

— Спой ты мнѣ какую ни на есть думку.

— Изволь.

Бандуристъ тихонько заигралъ на бандурѣ и тихо запѣлъ:

Ой послухайте, ой повидайте,
Що на Вкраіні постало:
Підъ могилою, підъ Сорокою,
Множество ляхівъ пропало *).

Когда пѣнье смолкло, «несмѣлый» козакъ отодвинулся въ сторону и бандуристъ съ Марусею свободно вышли за заставу.

Дорога вилась далеко-далеко черной змѣею по мягкой, густой муравѣ. Въ чигиринскихъ садикахъ пѣли соловьи.

---

*) Послушайте, поглядите, что̀ на Украйнѣ дѣлается: подъ Сорокою-Могилою побито множество ляховъ.

XVII.

Ровно черезъ двѣ недѣли послѣ свиданья съ паномъ гетманомъ, тихимъ чудеснымъ вечеромъ, старый бандуристъ съ своимъ поводыремъ медленно подходилъ къ сожженному селу.

Видно было, что эти путники не баловали себя излишнимъ отдыхомъ: впалые глаза блестѣли какимъ-то лихорадочнымъ огнемъ на запыленныхъ, загорѣлыхъ лицахъ; губы пересохли и потрескались.

Однако, они шли бодро и спокойно между собой разговаривали.

Ни души имъ не попадалось по дорогѣ; всюду молчанье, тишь.

Прямо передъ ними чернѣлись обгорѣлыя хаты и садики, вдали дымились села и хутора.

Миновавъ выжженную улицу, на которой уже кое-гдѣ бархатились пятна свѣжей зеленой муравы, они повернули къ разрушенному засоренному колодцу.

— Пріятно испить свѣжей криничной водицы! сказалъ бандуристъ.

Съ этими словами онъ запустилъ руку въ глубокую торбу, висѣвшую у него черезъ плечо, досталъ оттуда деревянный ковшикъ, размахнулъ имъ плавающія по верхъ воды головешки, зачерпнулъ и подалъ своему поводырю съ такою дружескою улыбкой, которая несомнѣнно показывала, что онъ своимъ поводыремъ доволенъ и счастливъ вполнѣ.

— Милости просимъ, Марусю! сказалъ онъ.

— Спасибо, отвѣтила Маруся.

И ея улыбка такъ же несомнѣнно показала, что и она довольна и счастлива своимъ спутникомъ.

Она прильнула запекшимися губами къ ковшику съ холодною водой, но утоленье жажды не поглотило ее вовсе; она пила какъ-то разсѣянно и глаза ея безпокойно, тоскливо, пристально и жадно оглядывали разрушенный колодецъ и въ глубинѣ его, покрытую головешками, водную поверхность.

Вдругъ она вскрикнула:

— А!

Вскрикнула она такъ, словно обрѣла, наконецъ, мучительно-ожидаемое. Лицо ея вспыхнуло, глаза засіяли, увлажились и обратились на спутника.

Взглядъ, который обратилъ на нее спутникъ при этомъ восклицаньи, былъ не вопросительный, а скорѣе взглядъ шутливаго торжества, какимъ напоминаютъ забывчивымъ дѣтямъ о ихъ повторившемся, не взирая на усердныя за себя ручательства, промахѣ.

— Охъ, какъ звонко ахнула! проговорилъ онъ.—Видно, очень сладка ключевая водица, Маруся?

Маруся опять вспыхнула, но уже глаза ея не засіяли, а вдругъ померкли, брови сдвинулись и омрачившееся лицо понятно сказало:

— Опять я не выдержала!

— Ну, что̀ ужь съ возу упало, то пропало, сказалъ бандуристъ.—Кинемъ лихомъ объ землю! Еще не всѣ наши чайки потонули! Маруся, полно! не запечатывай своего сердечка, не топи очей въ землю, не смыкай устъ! Нѐкому ни подслушивать, ни подглядывать тутъ на пожарищѣ. Сядемъ-ка, закусимъ, а закусивши, дальше потянемъ.

Изъ торбы была вынута краюха хлѣба, нѣсколько свѣ-

жихъ огурцовъ, мѣшечекъ съ солью, и путники принялись за закуску.

Что̀ же заставило радостно вскрикнуть Марусю, точно она вдругъ обрѣла сокровище, на которое и надѣялась, и нѣтъ?

Ничего не видать было около разрушеннаго, обгорѣлаго колодца, кромѣ обуглившихся головешекъ.

Развѣ вотъ только бросается въ глаза свѣжая плетеница зеленаго барвинка, которая, вмѣстѣ съ обуглившими головешками, кружится на всколыхавшейся водѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, ка̀къ попала сюда эта свѣжая плетеница?

Бандуристъ и его поводырь или это знаютъ, или этимъ вовсе не интересуются, потому что они ведутъ разговоръ про городъ Батуринъ и ни единымъ словомъ не поминаютъ про барвинокъ.

Закуска окончена.

— Что̀, Маруся, отдохнула? спрашиваетъ бандуристъ.

— Отдохнула! отдохнула! громко отвѣчаетъ Маруся.

И вотъ уже она на ногахъ и закинула дорожную котомку за плечи и глядитъ на своего спутника блестящими глазами.

Передъ уходомъ съ мѣста отдыха, ея спутникъ опускаетъ свой старческій посохъ въ колодецъ и вытягиваетъ изъ воды свѣжую плетеницу барвинка.

— Маруся! говоритъ онъ: — отличный будетъ вѣнокъ!

Маруся схватываетъ протянутую ей зелень, стряхиваетъ съ нея воду и быстро обвиваетъ ею свою голову.

— О, вѣнокъ чудесный! говоритъ она.

И снова бандуристъ съ поводыремъ пускаются такъ же бодро и спокойно въ путь.

— Теперь ужь не далеко, говоритъ бандуристъ: —

не успѣетъ блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, а ужь мы завидимъ могилу Надднѣпровку.

И точно: не успѣла еще блеснуть въ небѣ первая звѣздочка, какъ они уже завидѣли эту могилу.

Солнце уже зашло и наступила вечерняя мгла, но мгла особая, какая-то золотисто-лиловая. Молоденькія деревья, густые кусты и высокая трава, которыми поросла могила, казалось, тихо пылали; каждая вѣточка, каждая былинка вырѣзывались до того отчетливо на горизонтѣ, что глазамъ становилось какъ-то трудно на нихъ глядѣть.

Черный обломанный крестъ освѣщался такъ мягко, что казался бархатнымъ, а рѣющія въ высотѣ темныя птицы, точно какимъ волшебствомъ, превращались въ радужныхъ, изъ радужныхъ опять въ темныхъ и затѣмъ снова въ радужныхъ, смотря по направленью своего полета.

Съ могилы открывался Днѣпръ.

Онъ представлялся отсюда громаднымъ разливомъ вороненой стали. На противоположномъ берегу высились лѣсистыя горы — снизу совсѣмъ черныя, а сверху точно подернутыя золотистымъ огнемъ.

Доходилъ ропотъ воды снизу и звонкій шелестъ очерета; кругомъ чувствовалась удивительная свѣжесть; время отъ времени, въ общемъ безмолвіи, проносился крикъ чайки и сама она мелькнула надъ рѣкой чуть замѣтною точкой.

— Вотъ тутъ мы сядемъ и запоемъ, сказалъ бандуристъ.

«Та все пани, та все дуки,
«Позаідали наши поля, луги, луки!»

прокатилось надъ водами, грянуло въ ущельяхъ и откликнулось далеко за горами.

Окончивши пѣсню, бандуристъ нѣсколько минутъ перебиралъ струны бандуры, между тѣмъ какъ зоркіе глаза его неподвижно были устремлены на Днѣпръ.

Маруся тоже не сводила глазъ съ рѣки.

Вдругъ гдѣ-то неподалеку, въ очеретахъ, крикнула чайка.

Глаза бандуриста блеснули ярче и снова загудѣло надъ рѣкой пѣнье:

«Та не мае гірше такъ никому,
«Якъ бурлаці молодому!
«Гей, гей, якъ бурлаці молодому!
«Що бурлака робить — заробляе,
«Ажъ пітъ очи заливае!
«Гей, гей, ажъ пітъ очи заливае!

Опять не подалеку въ очеретахъ крикнула чайка.

«Ажъ пітъ очи заливае,
«А хазяинъ нарікае,
«Гей, гей, а хазяінъ нарікае!
«А хазяинъ нарікае
«А хазяйка въ вічи лае,
«Гей, гей, а хазяйка въ вічи лае!

Съ той стороны, гдѣ кричала чайка, изъ камышей выплылъ узенькій челнокъ и, едва отличаясь отъ темныхъ водъ, быстро заскользилъ по нимъ, направляясь къ маленькой бухточкѣ, устроенной самою природой какъ разъ противъ могилы Надднѣпровки.

Вглядѣвшись пристально, можно было различить неясныя очертанія пловца, или, лучше сказать, его высокой шапки.

Но и не видя пловца, можно было навѣрно сказать, что рука у него мощная и ловкая.

Эта рука дѣйствовала весломъ, какъ игрушкой. Челнокъ несся по водѣ, какъ легкая пушинка по вѣтру.

— Ну, Маруся, сказалъ бандуристъ: — пора намъ на берегъ.

Не разбирая дороги — тутъ, впрочемъ, тропинокъ не было проложено — они быстро спустились съ могилы, обо-

гнули каменистый, крутой выступъ берега и очутились внизу, у самой рѣки, тихо плескавшей въ прибрежныя травы и каймившей ихъ узкою полоской бѣлой пѣны.

— Здоровы були и богу милі! привѣтствовалъ ихъ ласковый знакомый голосъ.

Легкій челночекъ былъ вытянутъ на прибрежный песокъ, а около челночка, облокотясь подбородкомъ на весло, стоялъ добродушный хуторянинъ, панъ Кнышъ.

— Бьемъ челомъ! отвѣтилъ бандуристъ, снимая шапку.

— А что̀, дивчинка? Ка̀къ живешь-можешь? спросилъ панъ Кнышъ, пристально вглядываясь въ Марусю своими ясными сокольими глазами.

— Благополучно, отвѣтила Маруся.

Да если бы она этого и не отвѣтила, онъ бы легко могъ угадать отвѣтъ по каждой фибрѣ ея оживленнаго лица.

Однако, какъ человѣкъ, привыкшій не полагаться на отдѣльный, хотя бы и самый доказательный фактъ, онъ, не довольствуясь свидѣтельствомъ лица Маруси, улыбаясь и гладя ее по головкѣ, кинулъ быстрый, но насквозь проницающій, взглядъ на ея спутника.

Тотъ, въ эту минуту, глядѣлъ, усмѣхаясь, на Марусю.

Пану Кнышу, вѣроятно, эта усмѣшка показалась достаточно выразительною, потому что онъ пересталъ кидать на нихъ взгляды и обратилъ глаза на Днѣпръ.

— Скоро поплывемъ? спросилъ бандуристъ.

— А вотъ сейчасъ. Славно будетъ плыть, тихо... Тихо такъ, что не шелохнетъ... Кабы не свѣжесть отъ воды, такъ жарко бы было.

Судя по выраженью лица и голоса пана Кныша, онъ съ наслажденьемъ упивался этой тишью и слова безсознательно срывались съ его устъ, какъ это бываетъ, когда

человѣкъ весь находится подъ обаяньемъ какого-нибудь ощущенья.

Вдругъ раздался крикъ чайки, и раздался, какъ будто изъ-за плеча пана Кныша.

Тотчасъ-же издалека, съ противоположнаго берега, пронесся такой-же отвѣтный крикъ.

— Пара откликается! замѣтилъ бандуристъ.

— О, эти птицы пречуткія! отвѣчалъ панъ Кнышъ, усаживаясь въ челнокъ. Садись, дивчина, прибавилъ онъ, обращаясь къ Марусѣ и протягивая ей руку.

— Гдѣ другое весло? спросилъ бандуристъ, впрыгивая такъ легко и ловко въ челнокъ, что челнокъ даже не покачнулся.

— Въ челнокѣ, на днѣ. Отчаливай!

Челнокъ быстро соскользнулъ на воду и понесся по темному Днѣпру.

XVIII.

Очень хорошо плыть по большой рѣкѣ въ лѣтнюю теплую ночь!

Звѣзды горятъ надъ вами и звѣзды горятъ подъ вами, сверху плыветъ мѣсяцъ и снизу плыветъ мѣсяцъ.

— Вотъ тамъ берега! думаете вы, всматриваясь въ темныя линіи. Вотъ тамъ непремѣнно ростетъ сосна, потому что сильно вдругъ потянуло оттуда смолистымъ запахомъ, а вотъ тамъ навѣрно пропасть цвѣтовъ, потому что порывъ теплаго вѣтра словно кинулъ вамъ въ лицо

цѣлый, только-что сорванный, обрызганный ночною росой букетъ.

— Ну, что̀ новаго? спросилъ бандуристъ.

— Немного, отвѣтилъ панъ Кнышъ, работая весломъ.

— А ка̀къ немного?

— Да такъ, что и малому дитяти двумя пальченятами захватить нѐчего.

— Что̀-жь, онъ дома?

— Дома, каплуновъ жаритъ, прожорливыхъ гостей ждетъ.

— Ужь коли каплуновъ жаритъ, значитъ, что̀-нибудь порѣшилъ: даромъ тратиться не будетъ, не та̀кой хозяинъ!

— Кто его разберетъ, что̀ онъ замышляетъ, у него *гадокъ, якъ у пса стежокъ!* *)

— Ну, да ужь въ святое мѣсто не забѣжитъ; развѣ что нечаянно.

— Разумѣется. А *тотъ?*

— Э! кабы всѣ такіе были, какъ *тотъ,* такъ еще-бы можно людямъ на свѣтѣ жить. *Тотъ* человѣкъ. У того душа, какъ пойдетъ на небо коржи съ макомъ ѣсть, такъ не станетъ жаловаться, что въ пнѣ жила!

— Написалъ?

— Написалъ. А не легко было ему написать! Такъ его всего и поводило, какъ бересту въ огнѣ.

— Половина дѣла сдѣлана, и за то спасибо Богу. Этотъ охотникъ-таки водитъ...

— Можетъ, со мной немного круговъ обойдетъ: я такой карась, что трепетывался на удочкѣ... Маруся, изморилась, а? Легла-бы ты да отдохнула, а? А я-бы сказку сказывалъ.

— Это дѣло, замѣтилъ Кнышъ.

---

*) У него столько замысловъ, сколько у пса тропинокъ.

— Я не хочу спать, я посижу, начала-было Маруся.

Но двѣ сильныя, ловкія руки въ одно мгновенье, однимъ махомъ, разостлали по дну лодки толстую суконную свиту, приподняли Марусю и бережно положили на это ложе.

— А я буду сказку сказывать, повторилъ сѣчевикъ.

— У, роскошь! сказалъ Кнышъ. — Бѣда моя, что у меня всего-на-всего два уха: кабы могъ, я-бы еще десятка два въ займы взялъ и всѣми-бы слушалъ.

— Жилъ былъ казакъ, началъ сѣчевикъ:—казакъ добрый, благочестивый, да только дурень. Онъ съ виду-то и ничего, и съ первыхъ словъ ничего, а чуть зачерпни его поглубже, такъ такая ужь тамъ дуровина, что другіе умные казаки пьянѣли отъ нея, какъ отъ какого поганаго зелья. Вотъ и задумалъ этотъ казакъ строитъ себѣ хату. И говоритъ онъ женѣ:

— Ну, жена, удивлю-жь я тебя: такую хату выстрою, какой еще не бывало на свѣтѣ. И строить я ее стану не такъ, какъ люди.

— А ка̀къ же? спрашиваетъ жена.

Онъ моргнулъ этакъ глазомъ: дескать, не на такого напала, не проговорюсь! засмѣялся и пошелъ въ лѣсъ руб...

— Поглядите, вдругъ вскрикнула тихонько Маруся: — поглядите!

И указала впередъ, вправо.

Но Кнышъ, сидѣвшій лицомъ туда, давно уже слегка щурилъ свои сокольи глаза, какъ-бы всматриваясь и распознавая знакомые предметы.

Сѣчевикъ, при возгласѣ Маруси, не шелохнулся, а только спросилъ Кныша:

— Что̀ тамъ?

— Они, отвѣчалъ Кнышъ.

*

Рѣка въ этомъ мѣстѣ значительно съуживалась и челнокъ плылъ почти у самаго праваго берега.

На песчаной косѣ, какъ-бы серебряной лентой входившей въ темныя, сверкающія звѣздами, воды, стояли два человѣка, въ свитахъ и высокихъ шапкахъ и, казалось, поджидали плывущій челнокъ.

Хотя до песчаной косы оставалось еще, по крайней мѣрѣ, добрыхъ четверть версты, но стоящіе на ней такъ ясно и отчетливо вырисовывались въ воздухѣ, что Маруся безъ труда узнала знакомыя фигуры Семена Ворошила и Андрія Крука.

Чѣмъ ближе подплывалъ челнокъ къ песчаной косѣ, тѣмъ яснѣе можно было различить, что поджидающіе кого-то казаки не веселы.

Андрей Крукъ стоялъ, опершись на свою дубинку, и въ мрачномъ безмолвіи глядѣлъ, не спуская глазъ, на приближающійся челнокъ; Семенъ Ворошило о чемъ-то, повидимому, разсуждалъ нерадостномъ, и лѣвая рука его безпрестанно дѣлала такіе жесты, какими, обыкновенно, смертные выражаютъ свою раздражительность, говоря объ обманувшихъ ихъ надеждахъ, пріятеляхъ или врагахъ.

Когда челнокъ коснулся носомъ отмели, оба казака сняли шапки и проговорили:

— Будьте здоровы!

— Будьте здоровы! отвѣчали Кнышъ и сѣчевикъ.

Они посмотрѣли нѣсколько мгновеній другъ на друга.

Лица сѣчевика и Кныша были спокойны, глаза ихъ внимательно были устремлены на обоихъ казаковъ и только.

Лица казаковъ были замѣтно угрюмы, а глаза не то, чтобы избѣгали встрѣчи съ приплывшими пріятелями, но какъ-то или разбѣгались, или прятались подъ нахмуренныя брови.

— Челнокъ-то вотъ сюда-бы, къ этой сторонкѣ, угрюмо проговорилъ Семенъ Ворошило.

И съ этими словами усердно принялся помогать Кнышу тащить челнокъ.

— Маруся, сказалъ Андрій Крукъ, вынимая изъ-за пазухи узелокъ: — вотъ мать тебѣ прислала.

И онъ подалъ ей посылку.

— Спасибо, отвѣтила Маруся: — что̀ они тамъ? Всѣ здоровы?

— Всѣ здоровы. И ничего, все сошло благополучно.

— А мнѣ гостиица никакого не будетъ? спросилъ сѣчевикъ. — Коли принесли, то, будьте ласковы, дайте, а коли нѣтъ, то такъ и скажите.

— Были мы всюду, началъ Андрій Крукъ: — да не такъ-то все дѣлается, какъ...

— Мы ходячи вокругъ тѣхъ ледачихъ полупанковъ пару чоботъ стоптали, подхватилъ Семенъ Ворошило. — Сказано: не такъ и сами паны, какъ тѣ полупанки!

Челнокъ былъ уже на пескѣ и теперь всѣ четверо стояли другъ противъ друга.

— Такъ дѣло не выгорѣло? спросилъ сѣчевикъ.

— Оно не то, чтобы совсѣмъ не выгорѣло, и не то, чтобы выгорѣло, отвѣтилъ Семенъ Ворошило.

— Да вы видѣли Самуся?

— Нѣтъ, Самуся не видали.

— Отчего?

— Да мы ждали его, а онъ не пришелъ.

— Отчего-же вы сами къ нему не пошли?

— Да мы и думали было пойти, а потомъ разсудили, что его не застанешь, потому онъ, сказывали, въ Кіевъ уѣхалъ.

— Такъ сходка безъ него была?

— Безъ него.

— Такую сходку и сходкой срамъ назвать, сказалъ Андрій Крукъ.—Пришли семь бабъ да сказали семь радъ, а другіе сѣли на колоды, поговорили про пригоды, табаку понюхали, рады послухали, да и до дому пошли!

— На чемъ-же порѣшили?

— А ни на чемъ не порѣшили. Подумаемъ, говорятъ; еще надо, говорятъ, подумать.

— А долго будутъ думать?

— Въ ту субботу опять рада сберется.

— Ну, такъ вотъ что̀, панове казацтво: вы, не дожидаючи этой субботней рады, потрудите свои шановныя ноги, обойдите кого слѣдуетъ и скажите, что коли къ положенному сроку не будетъ все въ исправности, такъ дѣло пропадетъ. А коли теперь дѣло пропадетъ, такъ пусть ужь на насъ не разсчитываютъ.

Ни Андрей Крукъ, ни Семенъ Ворошило ничего на это не отвѣтили, можетъ, потому, что въ эту самую минуту начали раскуривать свои трубки.

Трубки, впрочемъ, какъ-то дольше обыкновеннаго раскуривались.

Наконецъ, когда уже дымъ пошелъ клубомъ, Семенъ Ворошило проговорилъ:

— Оно-бы, можетъ, и лучше, кабы пообождать вѣстей отъ Бруя и отъ Попика... Можетъ, оно-бы надежнѣй... Ужь больше ждали... Ужь можно-бы еще подождать малую толику...

— Да, оно точно бываетъ, что поспѣшишь, да людей только насмѣшишь, замѣтилъ Андрей Крукъ, застилая себя цѣлымъ облакомъ дыма.

— Скорыя-то дѣла подъ лавкой лежатъ, прибавилъ Семенъ Ворошило.

— Оно, разумѣется, всякое бываетъ, отвѣтилъ сѣчевикъ.

— Кабы тогда не послушались вашего верховода, да не поспѣшили, такъ вотъ теперь-бы, можетъ, и не попались въ дурни, сказалъ Андрей Крукъ.

— А по моему глупому разуму, такъ вы̀ потому-то и попались, какъ вы сказываете, въ неразумные, что вы и тогда выбирались, какъ панычи за море утятъ стрѣлять.

Пока происходилъ этотъ разговоръ, Кнышъ, не теряя ни слова изъ него, набралъ сухаго очерету, зажегъ костеръ и мгновенно устроилъ все, необходимое для варева кулеша.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе.

Потомъ сѣчевикъ, съ своимъ обычнымъ спокойствіемъ, спросилъ:

— Такъ на чемъ-же вы порѣшите, панове казацтво? Снесете вы мой поклонъ кому надо, или нѣтъ?

— Да отчего-жь, это можно, отвѣтилъ Андрей Крукъ.

— Это можно, повторилъ Семенъ Ворошило.

— Только вотъ что̀, сказалъ Андрей Крукъ: — напрасно вы такъ погоняете...

— Пане Андрій, отвѣтилъ сѣчевикъ: — намъ съ вами, надо полагать, не сговориться. У меня, какъ у той завзятой жинки, что̀ мужъ ее топилъ, да не научилъ, все будетъ стрижено, а не брито. Киньте вы меня въ днѣпровскую пучину, а я, какъ пойду ко дну, еще покажу вамъ пальцами ножницы.

— Горе да и только! проговорилъ, какъ-бы про себя, Семенъ Ворошило.

— А что̀, скоро кулешомъ угостишь? спросилъ сѣчевикъ Кныша.

— Закипаетъ. Садитесь, да берите ложки.

Всѣ усѣлись вокругъ котелка.

— Что̀, Маруся, такая старая сидишь? спросилъ сѣчевикъ.

— Изморилась, должно быть, сказалъ Андрей Крукъ.

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся: — я не изморилась.

— Заскучала по своимъ, сказалъ Семенъ Ворошило.

— Нѣтъ, отвѣтила Маруся: — я не скучаю.

Глаза ея, однако, были съ тревогой и тоской обращены на сѣчевика.

— А вотъ я ее развеселю, попробую, сказалъ сѣчевикъ. — Хочешь, Маруся, я тебѣ еще сказку разскажу, а? Хочешь?

— Хочу, отвѣтила Маруся.

— Ну, слушай. Я тебѣ разскажу, какъ ракъ по воду ходилъ!

Жилъ былъ ракъ. Отличный ракъ. И случилось такъ, что вся вода пересохла около его хаты и надо, хоть умирай, добыть воды.

Вотъ ракъ сидитъ и говоритъ:

— Кого послать по воду? Кого послать по воду?

— Милости просимъ, кулешъ готовъ, провозгласилъ Кнышъ.

Всѣ принялись за ужинъ.

— Такой кулешъ, друже, что хоть-бы и турецкой царицѣ, такъ и она-бы съ пальчиками его съѣла, сказалъ сѣчевикъ, откидывая усы за уши.

— Добрый кулешъ, подтвердилъ Андрій Крукъ.

— Коли угодилъ вамъ, панове, значитъ, доля еще служитъ, сказалъ Кнышъ.

— Ну, вотъ долго этакъ ракъ думалъ, разсказывалъ сѣчевикъ: — кого бы это по воду ему послать и все никого не подъискивалъ: тотъ, думалъ онъ, дороги не знаетъ, а вотъ этотъ хоть и знаетъ, да ненадеженъ, одинъ не женатъ, такъ, пожалуй, застрянетъ, гдѣ на дорогѣ, другой въ церковь рѣдко ходитъ, такъ кто его знаетъ, какъ съ

нимъ и связываться, пятый малосиленъ, у десятаго вѣтеръ въ головѣ, куда ни кинь — все клинъ.

— Пойду самъ! порѣшилъ ракъ.

Взялъ посудину и пошелъ.

Шелъ, шелъ, шелъ... Идетъ и все кипятится:

— Чего это я такъ бѣгу! Эхъ сбили меня съ толку вражіе пріятели! Не будетъ проку!

— Кабы въ этотъ кулешъ да еще перцу! сказалъ Семенъ Ворошило.

— Хорошо бы перцу! согласился Андрій Крукъ.

И ходилъ ракъ семь лѣтъ по воду, продолжалъ сѣчевикъ:—на восьмой годъ пришелъ, сталъ перелѣзать черезъ хатній порогъ и розлилъ.

— Э, горемыка! сказалъ Кнышъ.

Розлилъ да и говоритъ:

— Вотъ такъ чортъ скорую работу беретъ!

Маруся разсмѣялась, Кнышъ тоже, но Андрій Крукъ и Семенъ Ворошило сидѣли такъ чинно, какъ сидятъ только просватанныя поповны.

— Эге! мѣсяцъ-то ужь куда забрался! сказалъ Кнышъ. Пора.

Всѣ встали.

— Такое, значитъ, послѣднее ваше слово? спросилъ Андрій Крукъ сѣчевика.

— Такое.

— Пока прощайте.

— Счастливо.

— А коли что̀ тамъ у насъ порѣшатъ, кому вѣсть подавать?

— А вотъ Кнышу.

— Хорошо. Счастливо.

— Спасибо.

Челнокъ быстро отчалилъ, понесся снова по темному Днѣпру и песчаная отмель, съ черными фигурами и угасавшимъ костромъ, скоро скрылась изъ виду.

XIX.

Черезъ три дня послѣ описаннаго плаванья по Днѣпру, было воскресенье и въ городѣ Гадячѣ глухо гудѣли старые колокола, призывая жителей къ заутрени.

Чуть только свѣтало и городъ Гадячъ со всѣми своими узенькими улицами, низенькими постройками и густыми садиками, точно, казалось, повитъ дымкой. Даже фигуры, стекавшіяся со всѣхъ сторонъ къ собору, и тѣ представлялись какъ-бы укутанными въ дымку.

Впрочемъ, не взирая на эту предразсвѣтную мглу, все-таки, очень легко было распознать и по походкѣ, и по всей манерѣ держаться, что здѣсь, по бо̀льшей части, люди ратные.

Наканунѣ шелъ дождь, теперь въ воздухѣ была влажность и повсюду тишина величайшая.

Такая тишина, что издали были слышны шаги по мокрымъ улицамъ и переулкамъ; нога, ступившая неосторожно въ лужу, производила звонкій всплескъ и капли, скатывавшіяся съ садовой листвы, капали такъ явственно, что ихъ можно было считать.

На церковной паперти, чрезвычайно походившей на садикъ, потому что тутъ нетолько цвѣла калина, черемуха, бузина, шиповникъ, розаны, кизильникъ, бѣлыя, желтыя и розовыя акаціи, но въ изобиліи росли яблони, груши, сливы,

вишни, черешни, а сочная, бархатистая, мягкая трава пестрѣла всевозможными садовыми цвѣтами и зельями, собралось уже порядочное количество православныхъ и въ ожиданіи заутрени, толковали про разныя житейскія дѣла.

Знакомый читателямъ бандуристъ съ своею поводыркой тоже былъ тутъ. Онъ сидѣлъ на нижней ступенькѣ церковнаго крыльца и поучительнымъ, нѣсколько протяжнымъ голосомъ разсказывалъ помѣщавшимся около него повыше и пониже на ступенькахъ и стоявшимъ передъ нимъ полукругомъ казакамъ и казачкамъ, кàкъ и какія мытарства должна проходить душа для того, чтобы попасть въ царство небесное.

Закончивъ сказаніе о послѣднемъ мытарствѣ глубокимъ вздохомъ, которому завторила бòльшая часть слушателей, бандуристъ погрузился на нѣсколько минутъ въ благочестивыя размышленія и задумчиво поводилъ глазами по начинающимъ по-немногу выступать изъ мрака окружающимъ предметамъ.

Всеобщее безмолвіе было прервано двумя подошедшими молодыми казаками, отличавшимися необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ и какою-то особою щеголеватостью и развязностью, которая пріобрѣтается частымъ участіемъ въ многочисленныхъ собраніяхъ, большихъ пирахъ и всякихъ такихъ парадахъ.

— Здравствуйте! сказали казаки и такъ ловко сбросили и снова накинули шапки, словно этимъ только и занимались всю свою жизнь.

— А что̀ панъ гетманъ будетъ? спросило хоромъ нѣсколько голосовъ.

— Будетъ, отвѣчали казаки.

Эти слова, сказанныя звучными и громкими голосами, какъ-бы пробудили бандуриста изъ благочестивой задум-

чивости и онъ, какъ-бы съ сожалѣніемъ оставляя горній міръ, гдѣ виталъ мыслію, счелъ долгомъ своимъ снизойти къ интересамъ прочихъ смертныхъ.

— Поглядятъ и мои очи на яснаго пана гетмана, сказалъ онъ.

— И гетманша будетъ? спросила вертлявая, маленькая, кругленькая, похожая на узелокъ, молодица.

— И гетманша будетъ, отвѣтили казаки.

— А братчиха?

— Надо думать, и братчиха будетъ.

— А это какая-же такая братчиха? спросилъ бандуристъ.

— Гетманскаго братчика жинка, отвѣтило нѣсколько голосовъ: — Меѳодіевна.

— Меѳодіевна? повторилъ бандуристъ. — Въ нашихъ краяхъ ничего про нее и не слышно. Что̀-жь она въ милости, что̀-ль, у пана гетмана?

— Еще-бы не въ милости! отвѣтила узелко-подобная молодица. — Она только бровью поведетъ, такъ все сейчасъ по ея дѣлается!

— Такъ въ большой милости? Бываетъ, даетъ Господь Богъ такое счатье людямъ! замѣтилъ бандуристъ: — бываетъ!

— Да что̀ это вы толкуете: «въ милости, въ милости»! отозвался старый, сѣдовласый старикъ, у котораго глаза сверкали изъ-подъ косматыхъ бровей, какъ ярко освѣщенныя окошки изъ-подъ взъерошенной соломенной кровли. — Она такая, что милостей ничьихъ не проситъ. Вы поглядите только на нее: пряма, какъ стрѣла; видно, что отроду ни разу ни передъ кѣмъ спины не гнула и головы не клонила!

— Что̀-жь, горда? спросилъ бандуристъ. — Приступу къ ней нѣтъ?

И тутъ-же прибавилъ нравоучительнымъ тономъ:

— Гордость — грѣхъ. Человѣкъ гордый, что̀ пузырь водный: сегодня вздулся, а завтра лопнулъ!

— Какое, приступу нѣтъ! возразила какая-то старуха, высокая, прямая, съ блестящими, какъ черные алмазы, глазами: — да она словно палючая искра, гдѣ ни появится, куда ни попадетъ, такъ все вокругъ нея и вспыхиваетъ!

— Подожгла и пана гетмана? спросилъ бандуристъ, снисходительно переходя изъ нравоучительнаго, для обыкновенныхъ слабыхъ смертныхъ нѣсколько стѣснительнаго, тона въ шуточный.

— У нея и что̀ ни на есть сырое дубье вспыхиваетъ, отозвался кто-то, сидѣвшій тоже на ступенькахъ церковнаго крыльца, но довольно далеко и не видный за рядами высокихъ шапокъ и широкихъ плечъ. По голосу, впрочемъ, можно было съ достовѣрностью сказать, что отозвался человѣкъ молодой, крѣпкій и здоровый, потому что голосъ этотъ съ успѣхомъ могъ-бы замѣнить старый шипящій и свистящій соборный гадячскій колоколъ.

— Что̀-жь, панъ гетманъ даритъ ее всякими дарами, атласами и аксамитами? спросилъ бандуристъ. — Ходитъ она, небось, краля-кралей?

— Ее разъ казакъ встрѣтилъ, такъ попросилъ коня напоить! отвѣтила старуха съ алмазо-подобными глазами.

— Она ходитъ, какъ простая молодица, подтвердилъ одинъ изъ щеголеватыхъ казаковъ, съ необычайно длинными усами, необычайно тонкимъ и гибкимъ станомъ: — ей, хоть и старайся, такъ никакъ не услужишь, потому что она все сама умѣетъ и все сама дѣлаетъ. Она никакихъ подарковъ не принимаетъ.

— А мужъ ея что̀ за панъ? спросилъ бандуристъ.

— Ничего, съ виду панъ, какъ панъ.

— И живутъ между собой дружно?

— Дружно.

— Онъ хоть съ виду-то и ничего, а тонкая штука, сказалъ пожилой казакъ, стоявшій около бандуриста, опершись на свою дубинку, который и самъ былъ съ виду хоть и ничего, а тоже тонкая штука.

— А какіе это у васъ около Гадяча бородатые паны разгуливаютъ? спросилъ бандуристъ. — Вчера, какъ подходили мы къ городу, такъ встрѣтили двоихъ — этакіе вельможные да гордые, одна пыха! Глаза этакъ вкось да подъ поволоку, носы вверхъ, губу нижнюю на сажень впередъ...

— Это московскіе паны, гости пана гетмана, объяснилъ молодой гетманскій казакъ.

— Теперь еще поразъѣхались, замѣтилъ его товарищъ:— а прежде ихъ еще больше у насъ гостило.

— Поразъѣхались? Чего-жь такъ?

— Да кто его знаетъ, какъ-то ужь теперь не то, что̀ было прежде. Панъ гетманъ и подчуетъ ихъ, и ласковыя рѣчи говоритъ имъ, а все не то. Слышно, и послѣдніе скоро уѣдутъ.

Наступило молчаніе и длилось нѣсколько минутъ.

Слышны были шаги по улицамъ, паденье дождевыхъ капель съ садовой листвы. День занимался. Все освѣщалось, выступало изъ мрака, принимало свои настоящія очертанія, точно кто понемногу приподнималъ мглистое покрывало.

Справа раздалась медленная, мѣрная, увѣренная походка и между деревьями появилась высокая, видная фигура въ темной рясѣ, направляющаяся къ церковнымъ дверямъ.

— Вотъ отецъ Михаилъ! Вотъ отецъ Михаилъ! пронеслось между народомъ; кто сидѣлъ, поднялись съ сво-

ихъ мѣстъ, кто стоялъ, опершись на дубинки, выпрямились.

Отецъ Михаилъ былъ, если можно такъ выразиться, чрезвычайно картиненъ. Почтенная осанка, строгія черты лица, смягченныя кроткимъ и ласковымъ выраженіемъ, сѣдая, волнистая, похожая на каскадъ борода, спокойныя движенія, проницательные, свѣтлые и, въ то же время, совершенно безмятежные, сіяющіе глаза; все это представляло идеальный типъ пастыря, какихъ приходится встрѣчать чаще на картинахъ, чѣмъ въ жизни.

По тому, ка̀къ его всѣ окружили, можно было замѣтить, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ своихъ прихожанъ.

Бандуристъ тоже подошелъ подъ благословенье и подвелъ своего поводыря.

— Благословите, батюшка, сказалъ онъ: — мы изъ дальнихъ мѣстъ, пришли помолиться въ богоспасаемый городъ Гадячъ. Благословите, батюшка, и поводырку мою. Стараемся, батюшка, жить по-христіански, другъ другу помогаемъ. Я не изъ одной печи хлѣбъ ѣдалъ, всего повидалъ на долгомъ вѣку, такъ вотъ могу ее наставить на путь житейскій истинный, а у нея рѣзвыя молодыя силы, такъ она меня, стараго, гдѣ подъ горку сведетъ, гдѣ на горку поддержитъ... Надо помогать другъ другу. Въ священномъ писаніи сказано: «носите тяготы другъ друга». Одною рукою и узла не завяжешь...

Отецъ Михаилъ, спокойно и кротко внимавшій рѣчамъ словоохотливаго бандуриста, при послѣднемъ его выраженіи не то, чтобы встрепенулся — этого нельзя было положительно утверждать — а какъ-то особенно пристально взглянулъ ему въ глаза.

— Да̀, продолжалъ словоохотливый бандуристъ: — ска-

зано: одна головня и въ печи гаснетъ, а ворошекъ и въ полѣ курится.

Свѣтлые, ясные глаза отца Михаила все также проницательно, пристально, кротко и безмятежно глядѣли на бандуриста.

— Хорошо рѣкѣ съ притоками, хорошо доброму воеводѣ съ...

— Разумныя рѣчи говоришь, прервалъ спокойно отецъ Михаилъ: — все доброе на землѣ держится согласіемъ православныхъ и каждый, по мѣрѣ силъ своихъ и умѣнья, обязанъ помогать ближнему. Издалека Богъ принесъ къ намъ?

— Да почти-что всю Украйну исходилъ, пока сюда добрался.

— Трудно теперь по дорогамъ?

— Голому разбой не страшенъ, всюду проходили благополучно.

— А каковы жита?

Отецъ Михаилъ спросилъ это тѣмъ-же ровнымъ, спокойнымъ голосомъ, но съ какою-то особой медленностью и внятностью.

— Такія жита, что хоть зелеными жать, такъ можно, отвѣтилъ странствующій бандуристъ, своимъ обычнымъ, безпечно-наставительнымъ тономъ, который вошелъ у него, казалось, въ привычку, но тоже какъ-то особенно внятно и медленно.

— Панъ гетманъ! Панъ гетманъ! вскрикнули щеголеватые казаки.

Всѣ обратили глаза въ ту сторону, откуда слышался стукъ колесъ и топотъ борзыхъ коней.

Отецъ Михаилъ прошелъ въ церковь.

Видъ пана гетмана и пани гетманши былъ внушителенъ, какъ слѣдуетъ: атласы, аксамиты, золотыя запястья

и вышивки, драгоцѣнные каменья и яркіе цвѣта достодолжно соединялись съ вельможною тучностью, спѣсивостью, развалистою походкой и изнѣженнымъ, блѣднымъ цвѣтомъ лица.

Они величаво, какъ двѣ тяжело нагруженныя ладьи, проплыли во внутренность церкви, милостиво кивая головами въ отвѣтъ на почтительные низкіе поклоны простаго люда.

Не взирая на эту величавость, нѣкоторые, вѣроятно, ближе и лучше изучившіе пана гетмана, нашли въ немъ, на этотъ разъ, что̀-то необычное.

— Панъ гетманъ сегодня пасмуренъ! сказалъ одинъ.

— Панъ гетманъ сегодня не веселъ! сказалъ другой.

— Что̀ это панъ гетманъ начинаетъ задумываться? задалъ вопросъ третій.

— Я его встрѣтила въ четвергъ, ѣхалъ съ хутора, вмѣшалась круглая крохотная молодица, похожая на узелокъ:— такъ онъ такой ѣхалъ, точно хмара! Поводья опустилъ, голову наклонилъ, а брови такъ чуть не перекрестились! И такой онъ былъ...

Но дальнѣйшее описанье прервалось появленьемъ новыхъ двухъ лицъ.

— Братчиха! братчиха! прошумѣло кругомъ.

Бандуристъ обратилъ глаза на братчиху.

Сравненье съ «палючею искрою» было сравненье не дурное, а предположенье, что эта прямая, какъ стрѣла, спина отроду ни передъ кѣмъ не гнулась, что это смѣлая голова никогда ни передъ кѣмъ не клонилась имѣло, несомнѣнно, много вѣроятія.

Когда братчиха ступила на ступеньку церковнаго крыльца, поводырка странствующаго бандуриста остановила ее тихонько за широкій рукавъ сорочки.

— Пани, сказала поводырка:—хустку обронили.

И протянула ей красную хустку.

Высокая стройная фигура пріостановилась, обернулась, глянула на красную хустку, на державшую ее дѣвочку, взяла хустку и сказала:

— Спасибо, дѣвчина.

Видно было, что нервы у нея были крѣпкіе, что она не вздрогнетъ при какой бы то ни было неожиданности, не вскрикнетъ отъ какого бы то ни было испуга или изумленія, что темные, большіе, глубокіе, какъ море, глаза прямо глянутъ на все и такъ же мало померкнутъ или зажмурятся, какъ яркія звѣзды, озаряющія съ высоты грѣшную землю.

— Какъ тебя зовутъ, моя ясочка? спросила она. — Ты, кажется, не здѣшняя?

— Нѣтъ, я издалека.

— Издалека? То-то ты такая измореная! Откуда-же ты?

— Ей и не припомнить всѣхъ селъ и хуторовъ, черезъ которые мы проходили, ласковая пани, вмѣшался бандуристъ. — Повидали мы всего: и добра и лиха, и правды, и кривды, бродили по берегамъ, и по болотамъ; ну да, благодаренье Господу милосердному, выбрались-таки на добрый шляхъ. Криво запрягли, да прямо поѣхали.

— Ну, и слава Богу, отвѣтила братчиха. — Вы придите на гетманскій дворъ, прибавила она: — панъ гетманъ и пани гетманша любятъ слушать божественные псалмы.

Съ этими словами она скрылась въ дверяхъ храма.

Когда она скрылась, тогда сталъ очень замѣтенъ стоявшій тутъ и внимательно слушавшіи панъ-братчикъ, о которомъ старый казакъ говорилъ, что онъ съ виду ничего, а тонкая штука.

— Приходите на гетманскій дворъ, повторилъ панъ братчикъ.

Бандуристъ низко поклонился и отвѣтилъ:

— Спасибо ласковому пану за милость. Послѣ службы сейчасъ придемъ.

Изъ внутренности собора уже раздался спокойный сильный голосъ отца Михаила, запахло ладономъ, грянулъ хоръ голосистыхъ пѣвчихъ.

Заутреня началась и всѣ разомъ двинулись въ старое соборное зданіе, задѣвая локтями и плечами многочисленныхъ чертей, подкладывающихъ уголья подъ грѣшниковъ и грѣшницъ, пручающихся, съ разинутыми ртами и выпученными глазами, на огнѣ и, такимъ образомъ, наглядно представляющихъ страшное будущее тѣхъ слабыхъ смертныхъ, которые не въ силахъ противостоять земнымъ соблазнамъ.

XX.

День былъ томительно зноенъ, не-смотря на то, что капли вчерашняго, обильно пролившагося дождя искрились на травѣ и какая-то молодая, чернобровая казачка, разговаривая съ чернобровымъ и молодымъ, какъ сама, казакомъ, повѣрявшимъ ей, по всѣмъ видимостямъ, какія-то чрезвычайно для него интересныя и важныя вещи, вдругъ обдала своего собесѣдника градомъ теплыхъ, чистыхъ, сверкающихъ капель, незамѣтно потянувъ густолиственную, цвѣтущую вѣтку старой, раскинувшейся широкимъ шатромъ калины, подъ которой они стояли

Испуганный казакъ подскочилъ съ несвойственною ему, судя по средоточенному и рѣшительному виду, какой пред-

ставляла до того его физіономія, стремительностью, а лукавая красавица звонко захохотала, отирая вышитымъ рукавомъ бѣлоснѣжной сорочки свѣжую щеку, на которую тоже попали брызги.

Гадячскія улицы издали представляли изъ себя подобіе черныхъ бархатныхъ лентъ, перехваченныхъ мѣстами блестящими запястьями и отороченныхъ ярко-зеленою бахрамой, вблизи — размягченный дождемъ черноземъ, окаймленный густою муравой и испещренный довольно глубокими лужицами.

Безпрестанно слышался стукъ отпираемыхъ и запираемыхъ дверей и въ воздухѣ далеко разносились разноголосныя привѣтствія, которыми встрѣчали хлѣбосольные хозяева своихъ праздничныхъ гостей.

Нетолько ослѣпляло солнце своимъ золотымъ блескомъ, но ослѣпляло и небо своею яркою лазурью, отчего черныя тучи, надвигавшіяся съ запада, казались еще чернѣе и края ихъ вырѣзывались еще рѣзче.

— Къ ночи будетъ сильная гроза, проговорилъ панъ гетманъ.

И проговорилъ это панъ гетманъ съ такимъ безпокойствомъ и при этомъ такой тяжелый вздохъ вырвался у него изъ груди, что сидѣвшій напротивъ него за столомъ русобородый московскій бояринъ спросилъ:

— Панъ гетманъ, видно, боится грозы?

— Проявленіе силы Господней, а потому каждый христіанинъ долженъ трепетать, отвѣтилъ панъ гетманъ задумчиво.

— Господь милостливъ, авось помилуетъ! сказалъ московскій русобородый бояринъ.—А тучи надвигаются большія!

— Дà, большія, подтвердилъ панъ гетманъ, взглянувъ

разсѣянно на темную гряду облаковъ, которыя быстро надвигались на яркую синеву неба.

Панъ гетманъ каждое слово выговаривалъ какъ-то вяло, неохотно, часто проводилъ пальцами по лбу, словно чувствовалъ тутъ какую несносную боль; потускнѣвшіе глаза его обращались все куда-то въ даль, на всемъ его полномъ, откормленномъ лицѣ, да и нетолько на лицѣ, даже на всей массивной, ожирѣвшей фигурѣ лежалъ отпечатокъ какой-то внутренней тревоги и утомленія—утомленія, явившагося, быть можетъ, слѣдствіемъ вышепоименованной тревоги, невыносимой для изнѣжившагося пана.

Насколько панъ гетманъ былъ вялъ, разсѣянъ и озабоченъ, настолько же его собесѣдникъ и гость, русобородый московскій бояринъ, былъ оживленъ, юрокъ и безпеченъ.

Массивная, неповоротливая фигура пана гетмана казалась еще массивнѣе и неповоротливѣе въ сравненьи съ его плотной, но вертлявой и гибкой фигурой, полузакрытые глаза пана гетмана еще тусклѣе и безжизненнѣе въ сравненьи съ его разбѣгающимися во всѣ стороны, пытливыми, блестящими глазами.

Когда онъ снова повторилъ, вскинувъ безпечно своими блестящими глазами на двигавшіяся тучи и поглаживая бѣлой рукой свою русую бородку: «авось Господь помилуетъ», онъ какъ-бы выразилъ этою фразой весь свой характеръ.

Можно было навѣрное сказать, что въ немъ хватитъ и сметливости, и находчивости, и проницательности на десятерыхъ, но что надъ всѣмъ этимъ преобладаетъ беззаботное «авось», которое заправляетъ всѣмъ остальнымъ.

Можно было поручиться, что въ виду, напримѣръ, переправы черезъ пропасть по тонкой, пляшущей жердочкѣ, онъ отлично пойметъ и сообразитъ всѣ послѣдствія по-

добной переправы, но, встряхнувъ кудрями, скажетъ «авось, переберусь!», и отправится.

И нетолько въ томъ случаѣ, если благополучно переберется, то даже въ томъ, если поломаетъ кости, но уцѣлѣетъ голова, онъ опять при первой-же оказіи также тряхнетъ кудрями, также скажетъ «авось переберусь» и также беззаботно отправится.

— Всѣ мы люди грѣшные, возразилъ панъ гетманъ:— и никто изъ насъ не можетъ сказать: сегодня я не получу за грѣхи свои должнаго возмездія!

Панъ гетманъ сказалъ это докторальнымъ тономъ, какимъ обыкновенно говорятся подобныя вещи, но въ докторальности его проглядывала скорѣе раздражительность трусливаго вельможи, чѣмъ сокрушеніе христіанина.

— Господь долго грѣхамъ терпитъ, отвѣтилъ московскій бояринъ, видимо считая своею обязанностью при этихъ словахъ поднять свои блестящіе, живые, разбѣгавшіеся во всѣ стороны глаза къ небу, но на полпути къ сіяющему эфиру опуская ихъ на вившуюся по широкому двору тропинку, по которой медленно приближался старый бандуристъ съ загорѣлою дѣвочкой, въ вѣнкѣ изъ свѣжихъ цвѣтовъ.

Глаза пана гетмана, искоса устремившіеся на собесѣдника, въ ту-же минуту обратились по направленію его взгляда тоже на тропинку, и странно подѣйствовало на него появленіе стараго бандуриста: вялое апатичное лицо его вдругъ вспыхнуло, потомъ поблѣднѣло и губы слегка задрожали; онъ поспѣшно провелъ рукою по лбу, заморгалъ и тревожно, пытливо глянулъ на московскаго боярина, какъ-бы желая прочесть на его лицѣ, не закралось-ли къ нему въ душу какое подозрѣніе.

Но лицо московскаго боярина, на которомъ, кстати сказать, читать было возможно только съ его бояр-

скаго позволенія, ничего не выражалось, кромѣ того празднаго, скучающаго любопытства, какое одолѣваетъ людей, долго проживающихъ въ глуши и уединеніи, или долгое время вращающихся въ средѣ, давнымъ-давно ими вдоль, поперекъ и насквозь узнанной и не представляющей уже для нихъ ровно никакого интереса.

Не нашедъ на лицѣ московскаго боярина ничего для себя знаменательнаго, панъ гетманъ опустилъ рѣсницы на свои руки, сложившіяся тѣмъ манеромъ, какимъ онѣ складываются у духовныхъ или у очень набожныхъ особъ, получившихъ привычку не-только къ молитвѣ, но и къ сценическому, если можно такъ выразиться, ея проявленію, и въ этомъ положеніи впалъ, казалось, въ глубочайшую задумчивость, или, точнѣе, въ набожныя размышленія, уносящія изъ міра грѣшной дѣйствительности въ міръ горній, который благочестивое воображеніе щедро населяетъ двукрылыми ангелами и херувимами, шестикрылыми серафимами, чудеснымъ блескомъ, божественнымъ сіяніемъ и райскою музыкой.

И такъ глубоко задумался панъ гетманъ, такъ всецѣло унесся въ иной, лучшій міръ, что московскій бояринъ долженъ былъ дважды повторить:

— Панъ гетманъ, нищіе пришли. Панъ гетманъ! пришли нищіе!

Панъ гетманъ, наконецъ, очнулся, обратилъ глаза на пришедшихъ нищихъ, милостиво наклонилъ свою вельможную голову въ отвѣтъ на ихъ низкіе, чуть не до самой земли, поклоны, позвалъ казака, стоявшаго, въ ожиданьи гетманскихъ приказаній, за дверями и протяжнымъ, благодушнымъ голосомъ отдалъ распоряженіе угостить пришельцевъ.

— Позволитъ-ли ясно-вельможный панъ гетманъ съиграть и спѣть старому бандуристу? почтительно спросилъ

старый бандуристъ, сопровождая каждое слово или низкимъ поклономъ, или такимъ смиреннымъ взглядомъ, который стòитъ всякаго низкаго поклона.

Панъ гетманъ милостиво позволилъ и пригласилъ усталаго пѣвца сѣсть.

Панъ гетманъ даже простеръ свою милостивую внимательность до того, что указалъ бѣлою вельможною рукою на мѣсто, гдѣ сѣсть, прибавивъ:

— Тутъ не печетъ солнце.

Бандуристъ, выразивъ съ подобающимъ почтенiемъ свою смиренную признательность за милостивую ласку ясновельможнаго пана гетмана, сѣлъ на указанномъ мѣстѣ, на ступеньку, въ углу *рундука*, и очутился совершенно въ тѣни; московскому боярину, довольно внимательно разсматривавшему стараго нищаго, остались видны только часть его сѣдой бороды, могучее плечо, покрытое ветхой и грубою, но бѣлою, какъ только что выпавшiй снѣгъ, полотняною сорочкой, да носокъ громаднаго сапога, являвшiй выразительные слѣды постоянныхъ путешествiй и по пыльнымъ, и по грязнымъ дорогамъ; вся фигура и лицо только мелькали пыльными пятнышками сквозь зеленую частую сѣть мелколистой старой груши, такъ низко раскидывавшейся надъ всѣмъ рундукомъ, что нѣкоторыя вѣтви касались пола своею блестящею зеленью.

— Надѣнь шапку, старче, сказалъ милостивый панъ гетманъ.

Московскiй бояринъ, какъ-бы машинально приподнявшiй грушевую вѣтку, опустилъ ее опять тоже какъ-бы машинально, и обратилъ глаза на дѣвочку, спутницу стараго бандуриста.

Ее московскому боярину удобно было разсматривать: она помѣстилась какъ разъ напротивъ, да еще, кромѣ того, солнечный лучъ падалъ на нее сверху.

Бандура заиграла и пѣнье раздалось.

«Ой раю пресвітлый, ой раю прекрасный!» пѣлъ благочестивый старецъ.

При первыхъ-же звукахъ показались вельможная пани гетманша и пани братчиха, которыя тихо заняли мѣста поодаль и тоже стали слушать торжественное пѣнье псалмовъ.

Обѣ женщины сидѣли со сложенными руками, въ одинаково смиренной позѣ, съ опущенными въ землю глазами, являя собою типъ знатныхъ невольницъ, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда двѣ личности одного пола и почти одного возраста не представляли столь совершеннаго контраста.

Красивое барское лицо́ вельможной пани гетманши носило на себѣ яркую печать долгой скуки и тоски часто развивающихся при роскошной безсодержательной жизни, и кромѣ тото чтò-то въ родѣ того недоумѣнья, какое является у дѣтей послѣ того, какъ талантливый учитель искусно объяснилъ имъ непонятный, дотолѣ казавшійся несноснымъ, но внезапно, неожиданно исполнившійся интереса, урокъ, степень того дѣтскаго, неопытнаго, непривычнаго, раздумья, которое еще не можетъ идти далѣе тревожныхъ «кàкъ-же это?» «неужто!» «такъ вотъ какъ!» и безпокойство мирной домосѣдки, нечаянно пустившейся въ неизвѣстный, преисполненный опасностями, путь.

Лицо пани братчихи отличалось спокойствіемъ, но это спокойствіе можно было сравнить съ спокойствіемъ знойнаго лѣтняго дня, какой тогда былъ: все цвѣтетъ, благоухаетъ, дышетъ тысячью жизней, нѣтъ порывовъ вѣтра, не слышно громовыхъ раскатовъ, не сверкаетъ молнія, но вы знаете, что мгновенно можетъ все кругомъ потемнѣть и можетъ разъиграться такая гроза и буря, которая многое уничтожитъ изъ окружающей цвѣтущей прелести.

«Ой раю пресвітлый, онъ раю прекрасный», пѣлъ старый бандуристъ.

— Дѣвочка, кàкъ тебя зовутъ? спросилъ московскій бояринъ маленькую спутницу сѣдовласаго пѣвца.

У московскаго боярина голосъ былъ вообще мягкій, но теперь, когда онъ понизилъ его, вѣроятно, не желая мѣшать прочимъ наслаждаться пѣньемъ псалмовъ, онъ сталъ совсѣмъ бархатный; лицо у московскаго боярина было вообще привѣтливое, но теперь, вѣроятно, для приданія бодрости маленькой нищенкѣ, къ которой онъ удостоилъ обратить свое боярское милостивое слово, оно превратилось въ одно ласковое добродушіе и, казалось, говорило: «коли ты умница дѣвочка, такъ ужь у меня за пряниками дѣло не станетъ!»

Не взирая на это, ясные глаза дѣвочки обратились на московскаго боярина недовѣрчиво; она ничего не отвѣтила на его ласковый вопросъ и, повидимому, нисколько не польстилась на великіе посулы, которые давала ей его выразительная физіономія.

Московскій бояринъ снисходительно повторилъ свой милостивый вопросъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣвочка?

Дѣвочка опустила глаза и отвѣтила:

— Марусею.

— Марусею? промолвилъ московскій бояринъ, какъ-бы желая выразить: «ну, коли Марусею, такъ это отлично и тебѣ горевать не о чемъ».

— Изморилась, Маруся, а? продолжалъ онъ.

Маруся опять не отвѣтила и онъ снова долженъ былъ повторить свой вопросъ, чтò, впрочемъ, его ни мало, казалось, не раздражало, потому что, получивъ, наконецъ, въ отвѣтъ: «изморилась», онъ съ тою-же благосклонностью спросилъ:

— Дорога далекая, а? Вы откуда идете?

И опять дикарка-мужичка не отвѣтила сразу, и опять онъ съ тою-же неизмѣнной милостивой благосклонностью повторилъ:

— Далекая дорога? Вы откуда, а?

— Не знаю.

Въ эту минуту голосъ стараго пѣвца смолкъ и раздался только одинъ пріятный, звонкій ритурнель на бандурѣ.

Панъ гетманъ, до сихъ поръ всецѣло отдавшійся слушанью божественнаго псалма, какъ-бы очнулся, поднялъ голову и глаза его встрѣтились съ глазами именитаго гостя.

— Душеспасительно послушать! промолвилъ панъ гетманъ, какъ-бы про себя.

— Душеспасительно, подтвердилъ именитый гость.

Затѣмъ, вставая съ мѣста и обращаясь къ бандуристу, онъ спросилъ:

— А не знаешь-ли ты, любезный человѣкъ, какъ поется стихъ про разбойника придорожняго?

— Нѣтъ, вельможный панъ, не знаю такого, отвѣтилъ бандуристъ. — Вотъ про поповича знаю, и про невольника знаю, и про вдову...

— Ты поучись про разбойника: хорошъ стихъ! перебилъ московскій бояринъ. — Славныя гусли какія у тебя! А ну-ка, дай поближе поглядѣть.

— Извольте, вельможный панъ, глядите, отвѣчалъ добродушный бандуристъ, подавая бандуру боярину.

Повертывая въ рукахъ не-хитрый инструментъ, бояринъ присѣлъ около стараго пѣвца, ступенькой повыше и опять повторилъ:

— Славныя гусли! Славныя гусли!

Расхваливая гусли, онъ глядѣлъ, однако, не на нихъ, а прямо въ лицо ихъ владѣтеля.

Но владѣтель, хотя человѣкъ по всѣмъ видимостямъ чрезвычайно скромный, ни мало, однако, не смущался пристальными боярскими взглядами.

Съ подобающимъ почтеніемъ, но совершенно свободно, объяснялъ онъ любознательному боярину устройство своего инструмента, и не-только не выказывалъ желанья прекратить часто смущающій простаго человѣка разговоръ съ высоко поставленной особою, но даже увлекался и вводилъ въ свою рѣчь совсѣмъ постороніе эпизоды, какъ изъ своей страннической жизни, такъ и изъ жизни своихъ товарищей по искуству.

— Вы не знавали Семена Бруя? добродушно спрашивалъ онъ. — Неужто не знавали? Эдакій высоченный, чернобровый старикъ, длинный эдакій носина и кривъ на лѣвое око? Такъ-таки вы его нигдѣ не и встрѣчали? Дивно мнѣ. Его, куда ни пойдешь, вездѣ встрѣтишь. И не знаете его? И не слыхали про него? Онъ мнѣ встрѣтился на той недѣлѣ въ Бобрикахъ. «Э!» говорю, «бѣса тѣшишь, Семене?» А онъ видите, добродію, играетъ молодицамъ «Добру жинку». Онъ добродію, бѣдовый человѣкъ: на троихъ женатъ былъ... Такъ вотъ у него бандура чудовая! Изъ такого дерева, добродію, эта бандура сдѣлана, что играетъ, что̀ хочетъ. Самъ, добродію, своими, вотъ этими ушами слышалъ (при этомъ бандуристъ дотронулся до своихъ ушей), какъ Семенъ говоритъ: «Спою вамъ про Ярему» — хвать! бандура играетъ про Голоту! Колдовская бандура! Ее, говорятъ, колдунъ и дѣлалъ. И ужь у кого совѣсть не чиста, тотъ лучше и не подходи слушать — опозоритъ на всю громаду! Такъ и начнетъ наигрывать: «ты воръ, ты чужихъ жинокъ обольщаешь, ты

постовъ не держишь» — одно слово: что̀ кому слѣдуетъ, тѣмъ и угоститъ.

— И тебѣ наигрывала эта бандура, любезный человѣкъ? спросилъ бояринъ, слушавшій бандуриста съ благосклоннымъ вниманіемъ.

— И мнѣ наигрывала, добродію.

— Что̀-жь такое тебѣ она наигрывала? Небось: «Человѣкъ божій, правдивецъ перехожій!» Э?

— Нѣтъ, добродію, со вздохомъ сердечнаго сокрушенія отвѣтилъ бандуристъ: — нѣтъ! Я человѣкъ грѣшный. Дѣло тогда было въ пятницу, пришелъ я издалека, изморился, голодный такой, что меня свело въ три погибели, и попуталъ меня бѣсъ... Попуталъ, добродію, попуталъ! Захо́жу въ шинокъ, выпилъ чарку, осматриваюсь — колбаса лежитъ. И такая колбаса, добродію, что и не сказать! И глядитъ эта колбаса прямо на меня — ей Богу, добродію, такъ вотъ и глядитъ, такъ вотъ и глядитъ... И слышу шепчутъ мнѣ: «съѣшь, съѣшь, отроду такой не пробовалъ» Я туда, сюда — нѣтъ! чую, ужь по губамъ меня мажетъ, эдакъ тихонько, такъ что животъ замираетъ... И съѣлъ я, добродію. Самъ не знаю, какъ съѣлъ, а съѣлъ... И что̀-жь вы думаете? Только-что я подошелъ, Семенова бандура и давой нажаривать: «Колбасу ѣлъ, колбасу ѣлъ, колбасу, колбасу, колбасу...» Такъ я и сгорѣлъ со стыда... Такъ и сгорѣлъ...

— А какъ думаешь, любезный человѣкъ, коли у кого нѣтъ колдовской бандуры, такъ тому ужь и не узнать, что ты ѣлъ колбасу, а? съ милостивою шутливостью спросилъ бояринъ.

— Въ священномъ писаніи сказано: «нѣтъ такого тайнаго дѣла, чтобы оно, рано или поздно, не вышло на чистую воду», отвѣчалъ бандуристъ: — а все-таки, мы грѣшники (я не про васъ это, добродію, говорю) вдоволь

настраиваемъ всякихъ тайныхъ штукъ! Иной такой строитель весь свой вѣкъ такія хоромы выводитъ, что бѣсъ отъ радости только за животъ хватается, а все шито и крыто. Но, прибавилъ бандуристъ докторальнымъ, торжественнымъ тономъ: — коли не на этомъ, то на томъ свѣтѣ, всякому злому дѣянію воздается должная плата!

— Платятъ иному и на этомъ свѣтѣ, замѣтилъ бояринъ не столь докторальнымъ, какъ значительнымъ тономъ.

— Платятъ, добродію, платятъ, отвѣтилъ бандуристъ ничуть не знаменательнымъ, но просто тѣмъ довольнымъ, торжествующимъ тономъ, какимъ благочестивые люди предсказываютъ кару язычникамъ и грѣшникамъ.

— Платятъ, платятъ, повторилъ бояринъ.

Казалось, боярина, празднаго и скучающаго, очень занялъ странствующій пѣвецъ и бесѣда съ нимъ забавляла капризнаго въ своихъ благосклонности и презрѣніи вельможу.

Панъ гетманъ, сидя, попрежному, съ сложенными руками, однако, не представлялъ уже человѣка, унесшагося въ мірѣ горній — совершенно напротивъ: его, казалось, обуяла страшная тревога, и отъ времени до времени, пользуясь тѣмъ, что именитый гость стоялъ къ нему спиною, онъ обращалъ, какъ бы взывая о помощи, испуганные глаза на пана братчика, тихо вышедшаго тоже на рундукъ и спокойно, повидимому, слушавшаго бесѣду боярина съ бандуристомъ, и своимъ спокойствіемъ какъ-бы говорившаго пану гетману:

— Пока еще ничего, пока еще нѐчего пугаться. Увидимъ, что̀ дальше будетъ.

Но еще чаще панъ гетманъ обращалъ взывающіе о помощи глаза на пани братчиху и, получая на свои десять растерянныхъ взглядовъ одинъ, приводящій его мгновенно

въ себя, тихонько вздыхалъ, потиралъ лобъ рукою и старался принять видъ, приличный мужу высокаго сана.

Пани гетманша, видимо не разумѣющая, но инстиктивно чувствуюшая, что всѣ тайно заняты чѣмъ-то важнымъ, что гдѣ-то кроется близкая опасность, нѣкоторое время наблюдала за всѣми, но потомъ, какъ-бы сознавъ тщету своихъ наблюденій, снова погрузилась въ смиренную задумчивость, представлявшую большое сходство съ дремотой.

Неизвѣстно, долго-ли еще продлилась-бы бесѣда бояриna съ странствующемъ пѣвцомъ, еслибы пани братчиха не встала съ своего мѣста и, проходя въ садъ, не потревожила бояриna, который какъ разъ помѣстился на дорогѣ.

— Позвольте пройти, сказала пани братчиха съ почтительнымъ низкимъ поклономъ.

Бояринъ поспѣшно, даже стремительно далъ ей дорогу, красивое лицо его очень замѣтно вспыхнуло и онъ, какъ-бы застигнутый врасплохъ чѣмъ-то неожиданнымъ, долго смотрѣлъ въ слѣдъ стройной фигурѣ, спокойно исчезавшей въ густой зелени цвѣтущаго сада.

Затѣмъ онъ снова обратился-было къ бандуристу, но только взглянулъ на него, а ужь не вымолвилъ ни слова.

Находчивымъ, смѣтливымъ, безпечнымъ бояриномъ вдругъ овладѣла какая-то неотступная забота, но нельзя сказать, чтобы забота только тяжелая, потому что лицо его не разъ вспыхивало и оживлялось чѣмъ-то радостнымъ.

— А что̀, давно ты былъ въ Чигиринѣ? спросилъ онъ бандуриста, обративъ на его лицо тотъ неопредѣленный взглядъ, которымъ смотрятъ люди, всецѣло занятые своими дѣлами и только машинально произносящіе какія-нибудь, утратившія для нихъ интересъ, слова.

— Э, въ Чигиринъ теперь трудно пробра̀ться, добродію,

отвѣчалъ бандуристъ:—повсюду войско, ляхи, татарва... По всему шляху такъ и зыгзаютъ пули... Кому бѣлый свѣтъ опостылѣлъ, тотъ пусть только туда двинется — его дѣло справлено. Я, признаться, и то перетрухнулъ порядкомъ. Наслушался всякихъ такихъ разсказовъ про тамошнюю рѣзню отъ одного земляка, Ивана Дудника, иду и раздумываю: «а что̀ коли на меня наскочитъ какой-нибудь нехристъ?» И вдругъ слышу земля гудетъ. Глядь, прямо на меня несется что̀-то черное. А я шелъ степнымъ шляхомъ, кругомъ только степь безъ краю. Вижу я, несется что̀-то черное, а за нимъ другое, за другимъ третье, пятое, десятое—мнѣ померещилась цѣлая орда. Ну, думаю, пришелъ мой конецъ! А, все-таки, присяду въ траву—можетъ, пронесетъ ихъ дидько. И пластомъ, эдакъ, на землю растянулся и лежу—не дышу, а самъ думаю: «а ну, какъ растопчутъ?» И вотъ слышу храпитъ что̀-то около самаго моего праваго уха и траву рветъ, и все ближе, и ближе, ближе. Я такъ и замеръ... Только что я выговариваю: «Господи! отпусти мои согрѣшенія!», какъ меня кто-то рванетъ за чубъ. Я рявкнулъ на всю степь... Что̀-жь вы думаете, добродію? Это какая-то проклятая телка такого страху мнѣ задала и чуть чубъ не откусила. Изъ погорѣлыхъ хуторовъ весь скотъ загнали въ степь и скотъ этотъ тутъ одичалъ. Телки затѣяли игру, побѣгали себѣ, да и стали пастись, и одна вотъ чуть не попаслась моимъ чубомъ... Перетрухнулъ я тогда! Вотъ ужь правду-то говорятъ, что у страха очи по яблоку! Да какъ его не испугаться, коли страшно? И не хочешь, да испугаешься. И самые храбрые храбры только до поры, до времени. Вотъ былъ у меня землякъ — онъ ужь теперь умеръ, царство ему небесное, мѣсто покойное, пускай его душенька тамъ прохлаждается между райскими цвѣтами да сладкими

медами! — и землякъ этотъ ничего на свѣтѣ не боялся. Только разъ...

Тутъ бояринъ, слушавшій всю предъидущую рѣчь разсѣянно, перебилъ стараго бандуриста.

— Дѣвочка твоя изморилась, промолвилъ онъ.

— Изморилась, добродію, отвѣтилъ бандуристъ.

— На̀ тебѣ грошикъ, купи себѣ пряникъ, сказалъ бояринъ дѣвочкѣ.

Онъ протянулъ ей нѣсколько монетъ.

— Что̀-жь ты не берешь? Ты живая, или каменная, а?

Дѣвочка сидѣла все время такъ тихо и неподвижно, что ее въ самомъ дѣлѣ можно было принять за каменную, еслибы не ея ясные глаза, да не живой, ярко вспыхнувшій на загорѣлыхъ щекахъ румянецъ.

— Благодари, Маруся, благодари пана, сказалъ бандуристъ. — Она у меня застѣнчивая, добродію, глупая; вы ее простите... Благодари, Маруся, пана, благодари!

Маруся встала и поклонилась.

Но благосклонный вельможа, наградившій ее щедрымъ подаяніемъ, уже не видалъ этого благодарственнаго поклона.

Какъ-бы движимый какою-то непреодолимою силою, онъ направился къ дверямъ во внутреннія свѣтлицы.

На порогѣ онъ, однако, остановился, оглянулся на пана гетмана, ясно увидѣлъ на его лицѣ то выраженіе, какое бываетъ у человѣка, наконецъ, освободившагося отъ душившей его петли, отлично уразумѣлъ это выраженіе, взялся рукой за притолку, какъ-бы желая удержаться этимъ искуственнымъ средствомъ на своемъ посту, и на губахъ его появилась улыбка, выразительно говорившая:

— Эхъ вы! вамъ ли обморочить меня?

Но въ это время изъ глубины сада донеслось пѣніе. Мягкій, низкій голосъ пѣлъ украинскую пѣсню:

Тиха вода береги понимае,
Великій панъ до мене прибувае.
А у мене думу
Якъ на морі шуму...

При первыхъ же звукахъ этого голоса боярскіе пальцы, сначала такъ крѣпко уцѣпившіеся за притолку, что совершенно побѣлѣли, вдругъ ослабѣли, разжались, на боярскомъ лицѣ мелькнуло: «Пропадай все на свѣтѣ, а я упьюсь этимъ хмѣлемъ!» и, тряхнувъ своими роскошными русыми кудрями, бояринъ скрылся.

XXI.

— Что̀, далеко еще идти? спросила Маруся.

— Утомилась, ясочка? спросилъ сѣчевикъ.

— Нѣтъ, не утомилась. Я только хочу знать, далеко-ли еще идти.

— Не далеко. Вонъ, видишь впереди, направо, лѣсъ? Въ этомъ лѣсу мы и отдохнемъ. Да, можетъ, утомилась, а?

— Нѣтъ, нѣтъ, право, нѣтъ!

Но онъ, все-таки, наклонился и заглянулъ нѣжно и заботливо въ загорѣлое личико.

— Не утомилась? повторилъ онъ. — Кто лукавитъ, знаешь, что̀ тому бываетъ на томъ свѣтѣ? Не доведется тебѣ горячую сковородку лизать, а?

— Не доведется, отвѣтила Маруся и бѣлые ея зубки сверкнули изъ-за свѣжихъ устъ.

Подумавъ съ минуту, она обратила свои темные, сіяющіе глаза на спутника и прибавила:

— Да я лучше лизну, чѣмъ останавливаться!

— Я полагаю, лучше вотъ такъ сдѣлать! отвѣтилъ онъ.

И, наклонившись, поднялъ юную софистку на рукахъ и понесъ ее, какъ легкое перышко.

— Нѣтъ, нѣтъ... вскрикнула она. Я сама пойду, я сама...

Но могучія руки крѣпко ее придержали и тихо сказанныя слова: «сиди смирно, моя ясочка!» уничтожили всякое сопротивленіе. Она обняла смуглую, какъ темная, полированная бронза и, казалось, какъ бронза крѣпкую шею и прилегла головой къ богатырскому плечу.

День начиналъ клониться къ вечеру, и не было уже полдневнаго палящаго зноя; дорога, или, правильнѣе говоря, тропинка, шла то по полю, по узенькимъ межамъ между высокимъ, густымъ, какъ очеретъ, житомъ, то по небольшимъ дубравкамъ, преисполненнымъ цвѣтовъ, гнѣздъ, благоуханій, разноголосныхъ и разноперыхъ птицъ, радужныхъ бабочекъ, дикихъ пчелъ, изумрудныхъ кузнечиковъ, золотыхъ иглъ солнечныхъ лучей и прохлады. Время отъ времени, гдѣ-нибудь вдали показывалась колокольня сельскойцеркви, сверкало озерцо, рѣчка или прудъ, разстилался, какъ темный бархатъ, широкій лугъ, виднѣлась деревня, блистающая бѣлыми хатами, пестрѣющая цвѣтущими огородами, зеленѣющая садиками, или бѣлѣлъ изъ-за деревьевъ одинокій хуторъ.

— Видишь, сколько *волошекъ* и *куколю* въ житѣ? сказалъ сѣчевикъ.

И несказанно мягко было выраженіе его закаленнаго и непогодами и суровою жизнью лица, когда онъ пріостановился и показывалъ уютившейся на его сильныхъ рукахъ дѣвочкѣ бархатистыя чашечки синихъ васильковъ и ма-

линоваго куколю, мелькающія между сплошными, прохваченными солнцемъ, блѣднозелеными колосьями ржи.

— Знаешь что̀, Маруся? Здѣсь сто̀итъ присѣсть да вѣнокъ сплести! продолжалъ онъ. — Славный вѣнокъ будетъ! Такой славный, что и не сказать!

Говоря это, онъ бережно спустилъ дѣвочку на землю, тихонько посадилъ ее на темную мураву межи и, протянувъ свою длинную, могучую руку въ жито, началъ рвать васильки и куколь, оглянувшись на нее съ улыбкой и промолвивъ:

— Ты сиди смирно, Маруся!

Маруся сидѣла смирно и слѣдила за каждымъ его движеньемъ, а онъ, время отъ времени, оборачивался къ ней и, показывая цвѣтокъ, вырванный съ корнемъ непривычною къ такому деликатному занятію рукой, смѣялся и весело критиковалъ свое неуклюжество.

— Вотъ оно! говорилъ онъ: — заставь дурня Богу молиться, такъ онъ и лобъ расшибетъ! Ловкій я молодецъ! Другого такого ловкача и не найти! Пошли медвѣдя гоняться за перепелками, такъ и медвѣдю, пожалуй, до моей легкости и до моего проворства далеко...

— Довольно, довольно, сказала Маруся, сбирая обсыпавшіе ее со всѣхъ сторонъ цвѣты.

— А можетъ еще? возразилъ сѣчевикъ. Вотъ славный цвѣточекъ — пышный такой, что диво!

Онъ протянулъ ей василекъ, въ самомъ дѣлѣ отличающійся особою величиной и свѣжестью, а затѣмъ сѣлъ съ нею рядомъ и съ большимъ вниманіемъ и интересомъ началъ слѣдить то за работой загорѣлыхъ ручекъ, быстро и искусно сплетающихъ цвѣты въ вѣнокъ, то за измѣненіями личика, наклоненнаго надъ этою работой.

— О чемъ задумалась, Маруся? спросилъ онъ. — Что̀ вспомнила?

Или онъ былъ очень хорошій чтецъ физіономій, или хорошо изучилъ эту физіономію, только онъ не ошибся.

— Я вспомнила, какъ мы плели вѣнки дома, отвѣтила Маруся.

— Тоскуешь по своимъ?

— Нѣтъ, ничего...

Но плетенье вѣнка внезапно пріостановилось, потому что большіе темные глаза застлались слезами.

— Очень тоскуешь, мое сердце?

Слезы крупныя, обильныя быстро покатились по щекамъ, ручки выпустили цвѣты и быстро закрыли личико, изъ груди вырвалось тихое рыданье.

Однако, она скоро побѣдила это, застигнувшее ее врасплохъ, волненіе и, отирая рукавами слезы, обратила влажные глаза на спутника и повторила еще дрожащимъ голосомъ, но уже съ улыбкой:

— Нѣтъ, ничего...

Чувствуя, однако, что слезы опять набѣгаютъ, она, все-таки, улыбаясь, прибавила:

— А очень горяча сковорода, которую даютъ лизать на томъ свѣтѣ?

Не получая отвѣта и видя, что лицо его омрачилось, она тихонько дотронулась до его плеча.

Онъ сказалъ тогда:

— Тяжко тебѣ, Маруся?

— Вѣдь и тебѣ тяжко, отвѣтила она:—и всѣмъ?

— Дà, всѣмъ.

— Пойдемъ.

— Пойдемъ.

Они взялись за руки и пошли дальше.

Скоро въ сторонѣ показалось селеніе, къ которому вела узкая ѣзженая дорога, пересѣкавшая межу, по которой шли наши путники.

— Видишь, Маруся, село?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Большое село?

— Большое.

— Ну, чѣмъ больше село, тѣмъ больше въ немъ женъ, матерей, сестеръ и невѣстъ, которыя плачутъ, потому что по этой дорогѣ много ушло мужьевъ, братьевъ, жениховъ и отцовъ на битву и никто не знаетъ, сколько изъ нихъ воротится. Времена, тяжкія, Маруся; понимаешь?

— Понимаю, отвѣтила Маруся.

Нѣсколько времени они шли молча.

Синѣвшій лѣсъ, на который указалъ сѣчевикъ, какъ на мѣсто отдыха, по мѣрѣ приближенья къ нему, переходилъ въ зеленый цвѣтъ, затѣмъ обозначились темные листья дубовъ и кудрявая зелень березъ на опушкѣ.

— Вотъ мы и пришли, сказалъ сѣчевикъ, разводя вѣтки и проникая въ чащу.

— Какая тутъ прохлада! продолжалъ онъ. — Сейчасъ отыщемъ уютное мѣстечко и отдохнемъ.

Пришлось, однако, отъискивать такое мѣстечко долже, чѣмъ думалось: гущина была такая, что нельзя было ступить шагу свободно; кромѣ древесныхъ вѣтвей, которыя хлестали въ лицо, кромѣ шиповниковъ, которыя вцѣплились въ волосы и въ платье, и царапали острыми шипами, кромѣ повалившихся деревьевъ, которыя преграждали путь, передъ ними еще разстилались повилики снизу и сѣти хмѣлю сверху.

Но сѣчевикъ, вѣроятно, зналъ, куда идетъ, потому что не разъ пріостанавливался, смотрѣлъ по сторонамъ, соображалъ и снова принимался раздвигать вѣтви и рвать плетеницы вьющейся зелени.

Наконецъ, они выбрались на такое мѣсто, гдѣ можно было свободно стать и сѣсть.

— Отдохни, Маруся, сказалъ сѣчевикъ: — такихъ аксамитовъ и у самаго вельможнаго пана гетмана не имѣется, какіе выростаютъ подъ этимъ дубомъ! Вотъ иди-ка сюда... И самъ дубъ ничего себѣ деревцо!

«Ничего себѣ деревцо» далеко раскидывало величественныя вѣтви и образовало что̀-то въ родѣ зеленаго храма, гдѣ было тихо, темно и прохладно. Лучи солнца сюда не проникали и только видно было, какъ они пронизывали листву окружающихъ деревьевъ или падали свѣтлыми пятнами и полосами на ихъ корни и стволы.

Неподалеку отъ дуба стоялъ высокій старый пень, совершенно потемнѣвшій, не являвшій никакихъ признаковъ жизни, а между тѣмъ, на одномъ сгнившемъ его боку зеленѣло что̀-то.

Марусины глаза очень скоро усмотрѣли необычайное явленіе, но Маруся, повидимому, сдѣлала замѣчательные успѣхи въ сдержанности послѣ того, какъ мы видѣли ее въ погорѣлой деревнѣ, у колодца, гдѣ ее поразилъ видъ свѣжей зелени, плавающей въ засоренной криницѣ, потому что теперь она нетолько не вскрикнула, но даже слова не промолвила, даже недолго глядѣла на обратившій ея вниманіе предметъ.

Все это не укрылось отъ зоркаго сѣчевика.

Взявъ съ верхушки сухаго пня еще не завядшую вѣтку калины, онъ бросилъ ее Маруси на колѣни и сказалъ съ улыбкой:

— Съ тобою, Маруся милая, можно дѣла вести. Э! кабы всѣ-то такіе дѣльцы были, какъ ты!

Въ эту самую минуту откуда-то изъ глубины лѣса донеслось что̀-то, похожее на крикъ пугача.

— Рано пугачъ закричалъ, такъ и голоса не выводитъ, замѣтилъ сѣчевикъ. — Добрые пугачи вотъ какъ пугаютъ!

Онъ приложилъ два пальца къ губамъ и изъ его устъ

раскатилось такое «пугу», котораго-бы не постыдился самый голосистый изъ кровныхъ пугачей.

И это «пугу» подѣйствовало: съ трехъ сторонъ раздались отвѣтные крики птенцовъ.

— Посиди тутъ, Маруся, сказалъ сѣчевикъ: — я скоро ворочусь.

— Хорошо, отвѣтила Маруся.

Сѣчевикъ раздвинулъ вѣтви и тиснулся въ чащу, но вдругъ остановился, обернулся къ Марусѣ и проговорилъ:

— Не скучай, Маруся!

— Не буду, отвѣтила Маруся.

Они обмѣнялись улыбками, которыя стоили всевозмож-словъ и ласкъ, и сѣчевикъ скрылся.

XXII.

Маруся прислушивалась къ тихому треску сучьевъ и шелесту вѣтокъ до тѣхъ поръ, пока они совершенно замерли, затѣмъ опустила голову и раздумалась.

Ей было о чемъ призадуматься: столько неожиданнаго и таинственнаго случилось съ ней въ послѣднее время, столько важныхъ, всемогущихъ людей она перевидала!

А главное, столько во всемъ этомъ было для нея, все-таки, темнаго и непонятнаго!

Она все время точно ходила по краямъ какихъ-то невидимыхъ, но живо чувствуемыхъ пропастей.

— И отчего это люди бываютъ такіе недобрые? думала она.

И въ дѣтскомъ, не развившемся еще умѣ возникалъ

цѣлый рядъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, отъ которыхъ нерѣдко ломитъ головы самыхъ опытныхъ мыслителей.

Время отъ времени, измученная этими тяжелыми мыслями, на которыя не находилось у нея другихъ отвѣтовъ, кромѣ «воля Божія», «попущенье Божіе», она поднимала голову и оглядывалась кругомъ.

Удивительная лѣсная тишина и прохлада освѣжали и нѣжили ея, до нельзя измученное, усталое долгими странствованіями и безпрерывными душевными тревогами, тѣло, но, въ то-же время, при ея смятенномъ состояніи духа, были для нея чѣмъ-то въ родѣ пытки.

Никакого отвѣта не давала эта спокойная, равнодушная природа.

Если сравненье юной, свѣжей, терзаемой заботами души съ цвѣтущей розой, угнетаемой терніями, подходило къ кому-нибудь, такъ это къ спутницѣ бандуриста, которая сидѣла теперь подъ наметомъ стараго дуба, чуть видная изъ-за зелени.

Въ лѣсу мало-по-малу темнѣло, словно чья-то невидимая рука надвигала на него шапку. Свѣтлыя полосы и пятна, падавшія на древесные корни и стволы, исчезли; только пронизывались еще тонкія стрѣлки пурпуроваго заката.

Маруся вдругъ вышла изъ-подъ дуба, живая тревога настоящей минуты поглотила всѣ остальныя тревоги, заботы и недоумѣнья.

— Сказалъ: скоро ворочусь! проговорила она. — И ничего не слышно!

Дà, ничего не было слышно, какъ она ни прислушивалась. Зеленый лѣсъ стоялъ кругомъ стѣною; даже птичій крикъ не нарушалъ безмолвія этой чащи, даже вѣтеръ не шелестилъ листвою.

Вдругъ раздался выстрѣлъ, одинъ, другой...

Маруся выпрямилась, какъ подъ вліяніемъ электричества.

Еще выстрѣлъ.

И все тихо и глухо. Напряженный слухъ ничего не улавливаетъ.

Такъ прошло еще нѣсколько времени, сколько именно — неизвѣстно, но Маруси оно стало за долгое.

Сначала она часто вставала, ходила, прислушивалась, потомъ, утомившись этими волненьями, осталась на старомъ мѣстѣ, подъ дубомъ, неподвижно, какъ изваянная.

Она даже и тогда не поднялась, когда очень явственно послышался шорохъ, только щеки у нея вспыхнули и глаза тоскливо устремились въ ту сторону.

На этотъ разъ надежда была̀ не напрасная: вѣтки раздвинулись и знакомое лицо показалось между ихъ заколебавшеюся зеленью.

Но это лицо было до того блѣдно, что радостный крикъ замеръ на устахъ дѣвочки.

— Маруся, сказалъ сѣчевикъ: — вотъ видишь ты, червоная хустка, видишь?

— Вижу, отвѣтила Маруся.

— Я выведу тебя на дорогу... иди по этой дорогѣ все прямо... Прямо, черезъ дубровку, пока дойдешь до мостика... За этимъ мостикомъ будетъ другая дубровка... и дорожка... ступай по дорожкѣ въ эту дубровку... Встрѣтится тебѣ человѣкъ, скажетъ: «помогай Боже, Маруся»! Ты отдай ему эту хустку и скажи: «Богъ помогаетъ!».. Слышала?.. Будешь помнить, Маруся?..

Онъ говорилъ все это внятно, но съ черезчуръ уже большими разстановками; лицо его становилось все блѣднѣе и блѣднѣе, крупныя капли пота капали со лба и стоялъ онъ не такъ, какъ всегда, не прямо, а прилегая плечомъ къ дереву.

— Иди, Маруся! Ты пойдешь?

— Пойду, отвѣчала она. — Что у тебя болитъ?

— Ничего, Маруся, заживетъ, мое сердце! иди...

Онъ взялъ ее за руку.

— Какая у тебя холодная рука! вскрикнула она.

— Не до моей теперь руки, моя ясочка. Спѣши скорѣе... Отдай хустку... Сюда... Иди... сказалъ онъ такъ убѣдительно и серьезно, что она уже больше не посмѣла спрашивать.

Онъ хотѣлъ раздвинуть вѣтки, но не могъ. Видъ такой слабости въ человѣкѣ, на котораго она привыкла смотрѣть, какъ на олицетвореніе всѣхъ силъ физическихъ и нравственныхъ, поразилъ Марусю. Она сама страшно поблѣднѣла, но свято исполняя выраженное имъ желаніе, ничего не сказала.

Чьи-то другія руки — мускулистыя и грубыя — свои, рабочія, какъ тотчасъ-же признала Маруся, вдругъ вытянулись и раздвинули сучья.

— Не бойся, Маруся, проговорилъ сѣчевикъ: — это мой товарищъ... Онъ только чужихъ кусаетъ... Правда, Иване?

— Разумѣется, правда, отвѣтилъ густой басъ, судя по которому было легко повѣрить, что обладатель его, коли захочетъ, то укуситъ можетъ.

Вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ, Маруся увидала сначала, высоко между листьями, небольшую голову, смуглое лицо съ свѣтлыми усами и пару блестящихъ глазъ, а потомъ длинную, мужскую фигуру, которая быстро двинулась впередъ, прокладывая передъ ними путь.

— Вотъ это и есть товарищъ мой, Иванъ, сказалъ сѣчевикъ Марусѣ. — Видишь, какой: дубы въ лѣсу переросъ!

Иванъ, двигаясь впередъ, нѣсколько разъ пріостанавливался и оглядывался на товарища, какъ-бы ожидая, не

понадобится-ли ему какая помощь, но въ такихъ случаяхъ сѣчевикъ каждый разъ говорилъ ему:

— Иди, иди, Иване... Чего-жь ты сталъ? Можетъ, ты задумалъ собирать цвѣтки въ травѣ, или грибовъ поискать хочешь?

И Иванъ опять двигался дальше.

Гораздо скорѣе, чѣмъ ожидала Маруся, выбрались они на опушку лѣса.

Съ этой стороны у самой опушки начинались поля и узенькая межа между цвѣтущей гречихой, надъ которой жужжалъ рой пчелъ, сводила на черную проселочную дорогу, которая правильными, какъ издали представлялось, вавилонами вилась къ обозначавшемуся на горизонтѣ селенію, пересѣкая по пути двѣ небольшія дубровки.

— Видишь, Маруся, вотъ дубровка... та, послѣдняя... Иди, моя ясочка, иди... Вотъ хустка...

Онъ показалъ ей точно такую-же хустку, какую она разъ подняла на церковномъ крыльцѣ и подала гетманской пани братчихѣ.

Маруся взяла хустку, хотѣла идти, но тихо вскрикнула и остановилась.

Сѣчевикъ, который положилъ ей ласкающую руку на голову, вдругъ зашатался и, не будь товарища Ивана, навѣрное-бы упалъ.

— Кровь! кровь! вскрикнула Маруся въ ужасѣ.

Кровь, точно, свѣжая, теплая кровь просачивалась сквозь ветхую свитку стараго бандуриста.

— Ничего, Маруся, ничего, проговорилъ сѣчевикъ. — Помнишь, что̀ мы съ тобой говорили? Не тотъ казакъ, что̀ за водой плыветъ... а тотъ, что̀ противъ воды... Это заживетъ... Мы вѣдь съ тобой пустились не ягоду малину рвать... сладкаго и ждать нѣчего... Иди, моя ясочка... иди... Надѣнь хустку на голову...

— А ты? спросила Маруся, дрожащими ручками повязываясь по его совѣту червонною хусткою.

— Я приду, мое сердце... приду...

Раздались, одинъ за другимъ, три выстрѣла.

Товарищъ Иванъ прислушался и проговорилъ:

— Они!

— Иди, Маруся, иди... повторилъ сѣчевикъ.

Онъ хотѣлъ, по своему обычаю, погладить ее по головѣ, но рука не поднялась.

Онъ только проговорилъ:

— Иди, Маруся: надо!

Она пошла.

— Оглядываться можно? проговорила она, какъ-бы обращаясь къ отсутствующему руководителю.

И оглянулась.

На опушкѣ уже никого не было. Лѣсъ казался сплошной зеленою стѣною.

Это не помѣшало ей еще не разъ оглянуться.

Впрочемъ, уступая сердцу, она не забывала ввѣреннаго ей дѣла и шла быстро, какъ могла.

Вотъ первая дубровка, вся насквозь прохваченная пурпуромъ заката. Сколько здѣсь цвѣтовъ цвѣтетъ и благоухаетъ!

Вотъ опять поля, опять цвѣтущая гречиха, жужжащій рой пчелъ. Близехонько прокричалъ перепелъ.

Вотъ и мостикъ за дубровкой.

Кто-то будто скачетъ, шибко скачетъ.

Надо поглядѣть, откуда и кто.

Похоже, какъ будто, на татарина. Дà, такихъ встрѣчали они не разъ по дорогамъ и всегда отъ нихъ прятались или въ ровъ, или въ жито.

Не спрятаться ли теперь?

Онъ скачетъ прямо къ мостику. Надо спрятаться въ очеретъ.

Но она не успѣла сдѣлать и шагу къ густому очерету, росшему около мостика, у берега мелкаго прозрачнаго ручья, въ видѣ гигантской зеленой щетки: раздался выстрѣлъ и червоная хустка заалѣла на черной дорогѣ.

Хустка эта брала только своимъ цвѣтомъ, доброта-жь ея оказалась такая, что даже жадный татаринъ не польстился ее снять и снова ускакалъ, какъ бы обманутый въ своихъ ожиданіяхъ.

Когда все стихло, изъ дубровки, изъ той, что̀ за мостикомъ, вышелъ какой-то поселянинъ съ топоромъ и вязанкой зеленыхъ сучьевъ за плечами и, проходя мимо, наклонился, обернулъ къ себѣ помертвѣвшее дѣтское личико, приложилъ руку къ груди, подъ которой образовалась уже лужица теплой крови, потомъ проговоривъ: «нѣтъ, ужь не оживешь!» пошелъ дальше своею дорогой.

Онъ, впрочемъ, снялъ червоную хустку и унесъ съ собою.

Давнымъ-давно все это случилось, но до сихъ еще поръ небольшая могила, неподалеку отъ этихъ мѣстъ, называется «Дивоча».

Говорятъ тоже, что могилу эту насыпалъ самъ, своими руками, какой-то запорожецъ.

